Л. Б. Хавкина.

ИНДІЯ.

Популярный очеркъ.
Со многими рисунками и картой.

Л. Б. Хавкина.

ИНДІЯ.

Популярный очеркъ.

Со многими рисунками и картой.

Изданіе Т-ва И. Д. Сытина.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, свой домъ.
МОСКВА. — 1907.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Главными источниками для предлагаемаго очерка послужили слѣдующія сочиненія:

Бартъ А. Религіи Индіи. М. 1897.

Беттани и Дугласъ. Великія религіи Востока. М. 1899.

Веберъ Г. Всеобщая исторія. Т. I. М. 1890.

Гельвальдъ Ф. Исторія культуры. Первобытная культура и древнія восточныя цивилизаціи. Спб. 1897.

Карръеръ М. Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры и идеалы человѣчества. М. 1870.

Коршъ В. и Кирпичниковъ А. Всеобщая исторія литературы. Т. I. Спб. 1880.

Ламанскій Е. Индія. I. О неурожаяхъ въ Индіи. II. Современная Индія. Спб. 1893.

Летурно Ш. Литературное развитіе племенъ и народовъ. Спб. 1895.

Масперо. Древняя исторія народовъ Востока. М. 1895.

Минаевъ И. Очерки Цейлона и Индіи. Спб. 1897.

Ольденбергъ Г. Будда, его жизнь, ученіе и община. М. 1898.

Реклю Э. Земля и люди. Всеобщая географія. Т. VIII. Спб. 1899.

Рисъ-Дэвидсъ. Буддизмъ. Спб. 1899.

Шантепи-де-ла-Соссей. Иллюстрированная исторія религій. М. 1898.

Baden-Powell. B. H. Land revenue and tenure in British India. Oxford. 1894.

Hardy Ed., prof. Indische Religionsgeschichte. Leipz. 1898.

Hunter W. W. The Indian empire, its history, people and products. Lond. 1886.

» A brief history of the indian peoples. Oxf. 1893.

Mazelière M. Moines et ascètes indiens. Par. 1898.

Schröder L. Indiens Litteratur und Cultur in historischer Entwicklung. Leipz. 1887.

Sénart E. Les castes dans l' Inde. Par. 1896.

Strachey J. India, its administration and progress. Lond. 1903.

Wilkins W. U. Modern Hinduism. Calcutta. 1887.

Кромѣ того, я пользовалась рядомъ статей въ журналахъ и энциклопедическихъ словаряхъ. Для наглядности текстъ снабженъ многочисленными рисунками и картой. Часть рисунковъ позаимствована изъ спеціальныхъ руководствъ, другіе воспроизведены по фотографіямъ, а всѣ тѣ, которые относятся къ современному быту,—по эскизамъ англійскаго художника Рэвенъ-Хилля (*Raven Hill.* An Indian Sketch-Book. Lond. 1903).

Нельзя не отмѣтить съ сожалѣніемъ, что въ нашей популярной литературѣ объ Индіи принято писать санскритскія названія въ томъ видѣ, какъ они искажены въ общежитіи. Такимъ образомъ ошибки не только не искореняются, а даже освящаются обычаемъ. Считая по существу неправильнымъ, чтобы для популярныхъ книжекъ было другое правописаніе, чѣмъ для научныхъ сочиненій, я вездѣ привожу санскритскія наименованія такъ, какъ они пишутся русскими санскритологами, напр., вайшіи, а не ваисіи, Шива, а не Сива, брахма́нъ, а не исковерканное браминъ. Вообще въ правописаніи иностранныхъ словъ и именъ собственныхъ сохранено ихъ подлинное произношеніе, напр., англійское *Jumna*—Джамна, какъ выговаривается, а не Джумна,—по начертанію буквъ. Правописаніе географическихъ названій еще отдѣльно провѣрено по послѣднему изданію Реклю.

Приношу глубокую благодарность уважаемому академику С. Ѳ. Ольденбургу за его чрезвычайно цѣнныя указанія, послужившія мнѣ руководящею нитью для

работы, за его любезное содѣйствіе въ доставаніи источниковъ и за просмотръ моей рукописи.

«Индія» выходитъ въ свѣтъ значительно позже, чѣмъ предполагалось. Она уже была цѣликомъ набрана, но во время пожара въ типографіи Т-ва И. Д. Сытина (13 декабря 1905 г.) сдѣлалась жертвою пламени. Рукопись, благодаря случайности, уцѣлѣла, и и по ней текстъ вторично отпечатанъ, а для рисунковъ пришлось заново сдѣлать всѣ клише, взамѣнъ сгорѣвшихъ.

Л. Хавкина.

I.

Географическій очеркъ.

Если мы разсмотримъ на картѣ очертанія Азіи, то увидимъ, что съ южной стороны она вдается въ море тремя огромными полуостровами. Средній изъ нихъ, имѣющій трехугольную форму, называется Индустаномъ, что значитъ «земля индусовъ». Къ нему также относятся близлежащіе острова, изъ которыхъ самый большой—Цейлонъ.

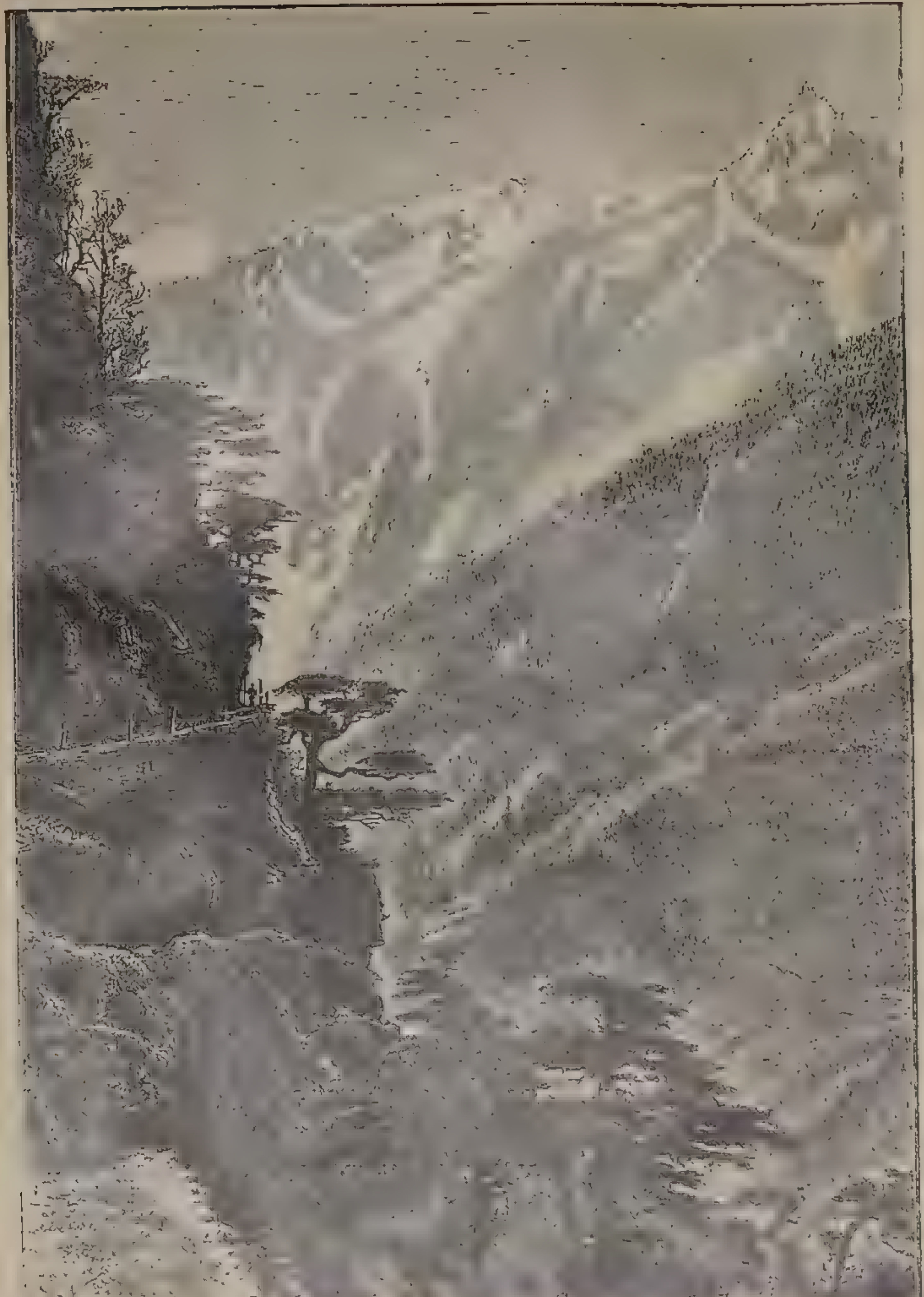
Съ сѣвера Индустанъ упирается въ высокія и неприступныя Гималайскія горы; съ запада его омываетъ Аравійское море, а съ востока—Бенгальскій заливъ. Такимъ образомъ границы его имѣютъ природную защиту—море и горы; но въ Гималаяхъ съ сѣверо-востока и съ сѣверо-запада есть рядъ проходовъ, соединяющихъ его съ внутренней Азіей. Черезъ эти проходы въ различныя времена вторгались полчища завоевателей; черезъ нихъ также велись сношенія съ другими странами.

На протяженіи всего Индустана раскинулась обширная страна Индія. Она настолько велика, что на ея пространствѣ можно было бы умѣстить рядкомъ всѣ государства Европы, кромѣ одной лишь Россіи; а населенія въ ней больше, чѣмъ во всѣхъ этихъ государствахъ вмѣстѣ взятыхъ. Отъ сѣверной границы Индіи и до ея южной оконечности около 3500 верстъ, т.-е. почти такое разстояніе, какъ отъ Петербурга до Гибралтарскаго пролива, отдѣляющаго Европу отъ Африки. Приблизительно такое же протяженіе, какъ съ сѣвера на югъ, Индустанскій полуостровъ имѣетъ въ самомъ широкомъ мѣстѣ съ запада на востокъ.

Въ обширной странѣ мѣстность не можетъ быть одинаковой. У насъ въ Россіи, напримѣръ, гранитныя скалы и многочисленныя озера Финляндіи не похожи на могучія снѣговыя вершины Кавказа; мерзлыя сѣверныя болота, тундры, не похожи на густые лѣса средней полосы и на необозримыя степи Малороссіи. Однако рѣдко гдѣ можно найти такое разнообразіе, такія рѣзкія противоположности, контрасты, какъ въ Индіи. Здѣсь встрѣчаются высочайшія въ мірѣ горы и обширнѣйшія долины, плодороднѣйшія мѣстности, орошенныя огромными рѣками, и выжженныя зноемъ безводныя пустыни. Такое же разнообразіе замѣчается въ растительномъ и животномъ мірѣ: есть роскошные тропическіе лѣса и безконечныя поля и нивы, есть лютые враги человѣка—хищники жаркой полосы—и мелкіе пушные звѣри, обитающіе на высотѣ вѣчныхъ снѣговъ.

Не менѣе разнообразно и населеніе Индіи. Здѣсь живутъ многочисленныя племена, принадлежащія къ тремъ различнымъ расамъ—съ бѣлымъ, желтымъ и черным цвѣтомъ кожи. Они говорятъ болѣе, чѣмъ на семидесяти языкахъ и исповѣдуютъ различныя религіи. Есть между ними дикари, которые не имѣютъ жилищъ и селятся на деревьяхъ; есть горныя воинственныя племена, есть кочевники и есть народы, достигшіе высшаго развитія и знаній, т.-е. высшей цивилизаціи. Есть жалкія лачуги и великолѣпныя зданія, ничтожныя деревеньки и огромные роскошные города. Житель одной части Индіи, попадая въ другую, встрѣчаетъ еще болѣе неожиданныя картины природы и жизни, чѣмъ нашъ москвичъ или харьковецъ, пріѣзжающій въ Крымъ.

Однако, какъ ни разнообразна Индія, эту страну можно раздѣлить на нѣсколько частей, которыя на своемъ протяженіи болѣе или менѣе однородны. Если бы подняться на воздушномъ шарѣ и взглянуть на Индію съ большой высоты, то она представилась бы въ видѣ выпуклой карты, на которой можно различить три отдѣльныя громадныя области.

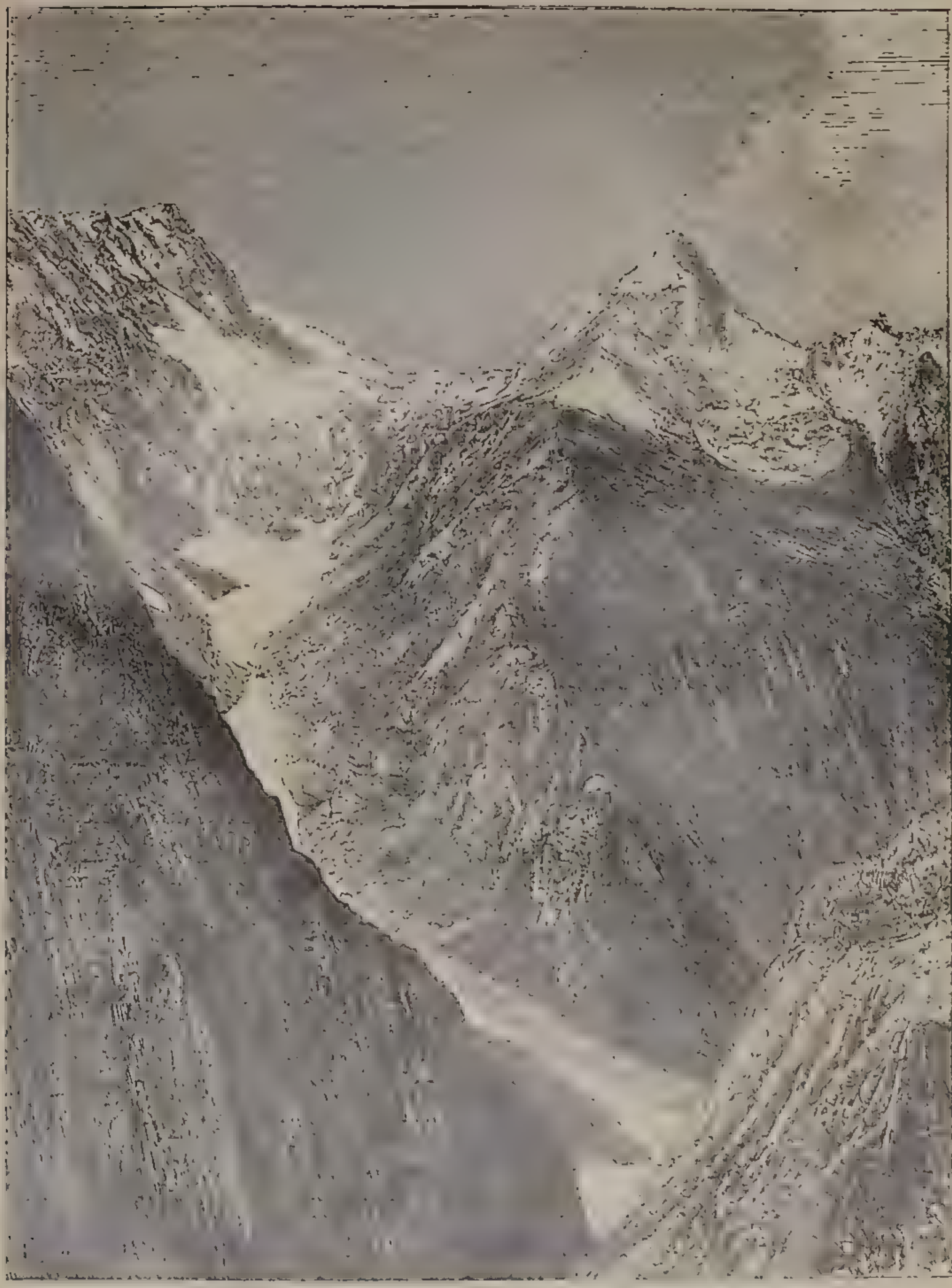

Дорога [illegible]

Первая область—это Гималайскія горы съ ихъ отрогами. Названіе Гималаи означаетъ «снѣжная обитель» и какъ нельзя лучше подходитъ къ величественнымъ громадамъ съ зубчатыми гребнями, остроконечными пиками или круглыми, словно обрѣзанными верхушками, окутанными ослѣпительно-бѣлымъ покровомъ вѣчныхъ снѣговъ и льдовъ.

Подобно тому, какъ около лѣса бываетъ мелкорослый подлѣсокъ, такъ около высокихъ горъ бываютъ предгорья, болѣе низкія горныя цѣпи. Здѣсь предгорья называются Малыми Гималаями или Подгималаями. За ними двумя длинными цѣпями тянутся Большіе Гималаи. Эти цѣпи идутъ въ одномъ направленіи, съ запада на востокъ; разстояніе между ними то суживается, то расширяется, доходя мѣстами до 600—700 верстъ, но нигдѣ онѣ не сходятся и не пересѣкаются. Длина Гималаевъ такова, что если бы ихъ перенести въ Европу, то они протянулись бы отъ Англіи до Каспійскаго моря. По высотѣ съ ними не могутъ соперничать никакія горы на земномъ шарѣ. Особенно высока южная цѣпь Гималаевъ, которая доходитъ до шести верстъ. Главная ея вершина Эверестъ имѣетъ даже около девяти верстъ; это высочайшая изъ существующихъ горъ. Сѣверная цѣпь нѣсколько ниже южной, а между ними, какъ глубокое корыто, лежитъ рядъ ущелій и долинъ, откуда вытекаютъ большія индійскія рѣки.

Двойная стѣна Гималаевъ закрываетъ доступъ въ Индію суровому и холодному сѣверному вѣтру и, кромѣ того, словно гигантскій крѣпостной валъ, защищаетъ ее отъ нападенія враговъ съ сѣвера. Перебираться черезъ крутыя вершины почти немыслимо, и только смѣлые горцы отваживаются гонять своихъ навьюченныхъ животныхъ по отвѣснымъ тропинкамъ, пролегающимъ надъ безднами. Для этой цѣли имъ служитъ быкъ якъ и выносливая горная овца. Маленькій якъ съ горбомъ на спинѣ терпѣливо карабкается по утесамъ и тащитъ тяжелую ношу. Овецъ нагружаютъ мѣшками буры и гонятъ внизъ въ населен-

ныя мѣстности. Тамъ часть ихъ стригутъ и продаютъ на убой; остальныя же возвращаются назадъ въ горы съ грузомъ соли, сахара и тканей.

Только въ восточной и западной части Гималаи понижаются и образуютъ перевалы, по которымъ, то поднимаясь, то спускаясь, можно пройти, какъ черезъ рядъ воротъ. Отъ краевъ Гималайской цѣпи внутрь страны идутъ горные отроги, которые носятъ различныя названія. Они имѣютъ то же значеніе, какъ и Гималаи, и защищаютъ границы Индіи съ суши.

Даже на однѣхъ Гималайскихъ горахъ можно прослѣдить все разнообразіе природы, которымъ такъ отличается Индія. На вершинахъ, покрытыхъ вѣчными снѣгами и огромными ледниками, берутъ начало быстрые горные потоки. Они смываютъ весь слой земли со склоновъ, пока не проложатъ себѣ русла и не покатятъ своихъ водъ внизъ, въ долины. Поэтому непосредственно за областью снѣговъ идутъ обнаженныя, сѣрыя, безжизненныя скалы, изрытыя бороздами, какъ старческое лицо морщинами. Надъ ихъ пропастями и расщелинами парятъ орлы. Ниже склоны становятся болѣе пологими. Они покрыты сочной травой, на которой пасутся дикія козы, пугливыя серны и антилопы. Этими же пастбищами пользуется и горный пастухъ для своихъ стадъ. Еще ниже идутъ хвойные и лиственные лѣса умѣренныхъ странъ, гдѣ водятся пестрые фазаны и куропатки, и поля, засѣянныя пшеницей и ячменемъ.

Чѣмъ ближе къ долинамъ, тѣмъ роскошнѣе становится растительность, тѣмъ больше встрѣчается цвѣтущихъ деревьевъ. На темной зелени гималайскаго кедра, *деодара*, выдѣляются пышные ярко-красные или розовые цвѣты рододендроновъ и бѣлоснѣжныя пахучія магноліи. Исполинскіе папоротники раскидываютъ свои перистые листья. Всѣ стволы и вѣтки покрыты мхами, словно пушистымъ зеленымъ или сѣроватымъ инеемъ. Благодаря обильнымъ дождямъ и теплотѣ воздуха, въ лѣсахъ постоянно стоитъ туманъ, который осѣдаетъ на растеніяхъ въ видѣ серебристыхъ

Истокъ Ганга.

капель росы; изъ-за этой влаги развивается множество породъ мховъ и лишайниковъ. Красивыя деревья перевиты цѣпкими ліанами и цвѣтущими орхидеями. На фонѣ лѣса мѣстами вырисовывается свѣтлая зелень стройныхъ бамбуковъ.

У подножія горъ кольцомъ тянутся сырыя болота, *тераи*, пропитанныя вредными испареніями и грозящія губительной лихорадкой. Они поросли камышами и непроходимой лѣсной чащей, — такъ называемыми джунглями, или по точному произношенію, *джанглями*,—гдѣ водятся дикіе слоны, тигры, львы, леопарды, ягуары, медвѣди и огромныя ядовитыя змѣи. Люди почти не живутъ въ этой нездоровой мѣстности, и лишь немногіе кочевники бродятъ по джанглямъ.

Горцы усиленно вырубаютъ лѣса на продажу; мало того, они выжигаютъ цѣлые участки, чтобы сѣять картофель или устраивать кофейныя плантаціи. Многіе склоны теперь совершенно обнажились. Снѣжные обвалы, увлекающіе за собой ледяныя глыбы и камни, уже не задерживаются лѣсами и низвергаются со страшной силой, опустошая все, что встрѣтится на дорогѣ.

Снѣга Гималаевъ и скопляющіеся дожди даютъ начало огромнымъ рѣкамъ Индіи. Вдоль ихъ теченія лежитъ *вторая* область—рѣчныхъ долинъ. Еще иначе ее называютъ Индо-Гангетической равниной, по имени двухъ главныхъ рѣкъ, Инда и Ганга; третья большая рѣка, орошающая эту область,—Брахмапутра. Всѣ они принимаютъ рядъ притоковъ и отличаются не только большой длиной, по три-четыре тысячи верстъ, но и полноводностью. Indъ и его могучій притокъ Сетледжъ прокладываютъ себѣ путь на западъ между цѣпями Гималаевъ, пока не вырываются на просторъ въ обширную равнину. Тогда они поворачиваютъ къ югу и вмѣстѣ съ другими притоками образуютъ такъ называемое Пятирѣчье, или Пенджабъ. Индъ впадаетъ въ Аравійскій заливъ. Это единственная изъ большихъ рѣкъ Индіи, которая течетъ къ западному берегу. Всѣ другія, наоборотъ, текутъ на востокъ и впадаютъ въ Бенгальскій заливъ.

Мостъ на притокѣ Ранджитъ.

Брахмапутра беретъ начало неподалеку отъ Инда, но направляется въ противоположную сторону, на востокъ; потомъ она дѣлаетъ крутой поворотъ къ югу и незадолго до впаденія въ море сливается съ Гангомъ, который вытекаетъ съ южныхъ склоновъ Гималаевъ. Гангъ или «мать Ганга», какъ его называютъ индусы, считается священной рѣкой; къ ней ежегодно совершаются милліоны паломничествъ. По берегамъ Ганга расположены многіе большіе города: столица Индіи Калькутта, Патна, Бенаресъ; у сліянія Ганга съ главнымъ притокомъ Джамной—Аллагабадъ, а на Джамнѣ—Агра и Дели. Индъ со своими притоками орошаетъ западную часть равнины, Гангъ—среднюю и Брахмапутра—восточную.

Большія рѣки Индіи на протяженіи отъ Гималайскихъ горъ и до впаденія въ море представляютъ постепенныя измѣненія. У истоковъ это бурные ручьи, которые съ шумомъ катятся внизъ по твердымъ скаламъ, унося съ собой камни и песокъ. По дорогѣ къ нимъ присоединяются другіе ручьи и потоки. Изливаясь въ долину, рѣка прорѣзываетъ себѣ глубокое русло и на большомъ пространствѣ течетъ спокойно. Въ рѣкѣ содержится илъ, который она захватываетъ изъ горъ. Илъ бываетъ различнаго состава и цвѣта—то коричневый, то красноватый, то желтый—и придаетъ соотвѣтственную окраску водѣ. Чѣмъ дальше, тѣмъ рѣка становится многоводнѣе, такъ какъ принимаетъ притоки, и тѣмъ больше скопляется въ ней ила, который осѣдаетъ на днѣ и загромождаетъ русло. Въ дождливое время года рѣка выходитъ изъ береговъ, и на поверхности земли остается слой ила, представляющій прекрасное удобреніе и дѣлающій почву плодородною.

Около устья теченіе рѣки становится все медленнѣе; количество ила и воды не даетъ ей быстро катиться, а главное этому препятствуетъ низкая мѣстность. И приближаясь къ морю, рѣка раздѣляется на множество рукавовъ, подобно тому, какъ расплывается вода, пролитая на полъ. Между рукавами образуются

Въ Бенгаліи.

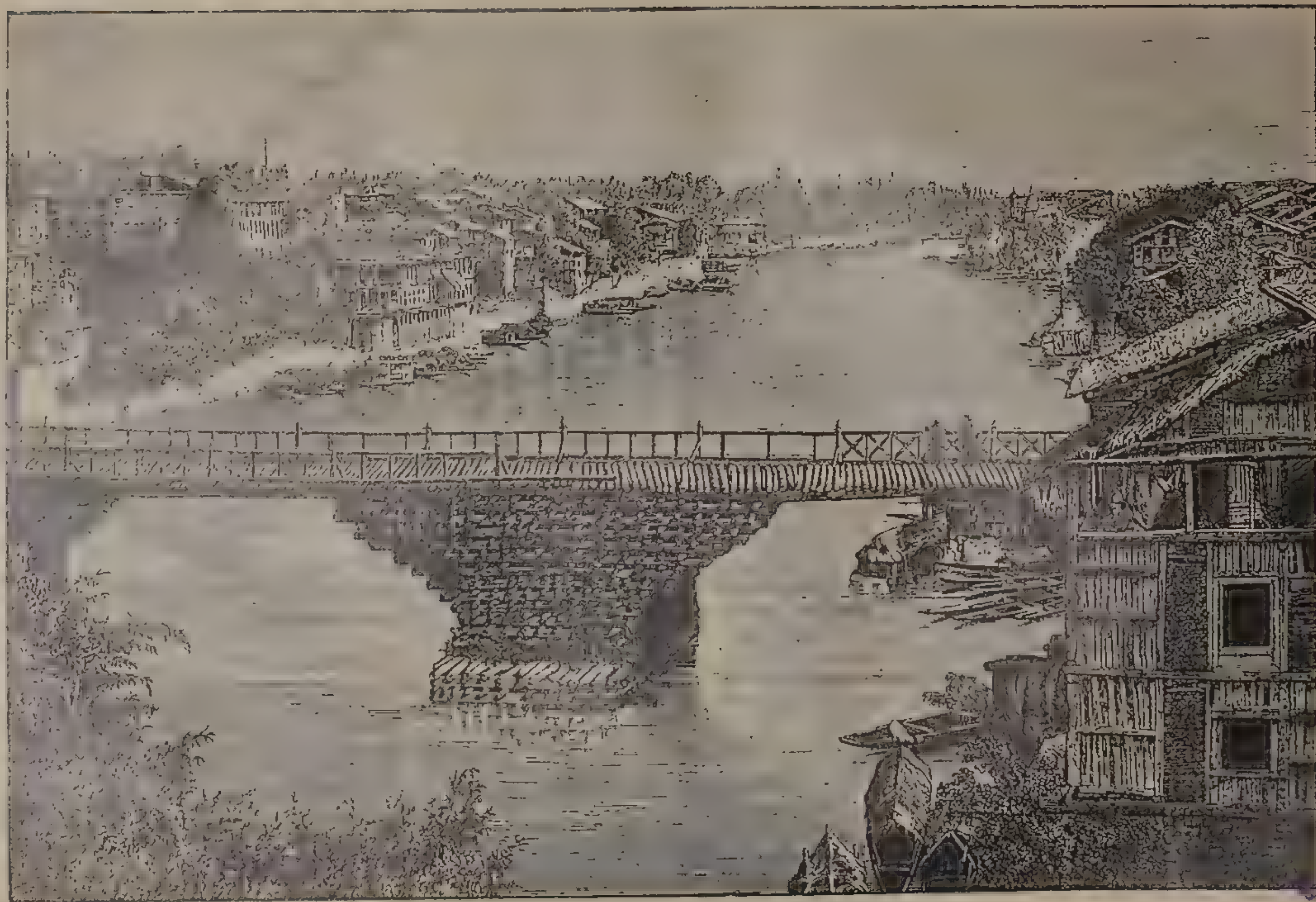
продолговатые острова. Мѣстность, вдоль и поперекъ изрѣзанная этими рукавами, называется *дельтой* и представляетъ болотистую нездоровую низину. Особенно велика такъ называемая Бенгальская дельта—при сліяніи двухъ рѣкъ Ганга и Брахмапутры. На ея обширныхъ топяхъ гнѣздятся страшныя болѣзни, составляющія бичъ человѣчества: желтая лихорадка, холера, чума.

У береговъ моря илъ, принесенный рѣками, откладывается въ видѣ отмелей и косъ. Морскія волны, сталкиваясь съ теченіемъ рѣки, которая заграждаетъ имъ путь, также оставляютъ у берега принесенный ими песокъ. Такимъ образомъ идетъ двойная работа: и рѣки и море «намываютъ» берегъ, достраиваютъ его и продолжаютъ на значительное пространство.

Индійскія рѣки служатъ удобными и дешевыми путями сообщенія, по которымъ продукты промышленности—лѣсъ, уголь, хлѣбъ и всевозможные товары—отвозятся на продажу въ большіе города и приморскіе порты. Онѣ и сами способствуютъ промышленности, орошая и удобряя тѣ мѣстности, гдѣ протекаютъ. За эту благодѣтельную работу народъ сталъ считать ихъ священными. Но на ряду съ такими благодѣяніями и съ созиданіемъ новыхъ мѣстностей рѣки производятъ страшнѣйшія опустошенія. Каждый годъ наводненія причиняютъ большія бѣдствія, затопляя скотъ, унося запасы хлѣба, сметая, какъ щепки, глиняныя мазанки съ несчастными обитателями, которые на крышахъ искали спасенія отъ грозной стихіи.

Индо-Гангетическая равнина представляетъ самую плодородную, богатую, густо-населенную часть Индіи. Она занимаетъ такое пространство, какъ Франція, Германія и Австрія вмѣстѣ взятыя. Здѣсь расположены большія провинціи—Бенгалія, Ассамъ, Аудъ, Пенджабъ, Раджпутана и другія, въ которыхъ живетъ 160 милліоновъ людей, т.-е. болѣе половины всего населенія страны.

Особеннымъ плодородіемъ отличается Бенгалія, которая считается житницей Индіи. Тамъ въ году

Джиламскій мостъ въ Сринагаръ.

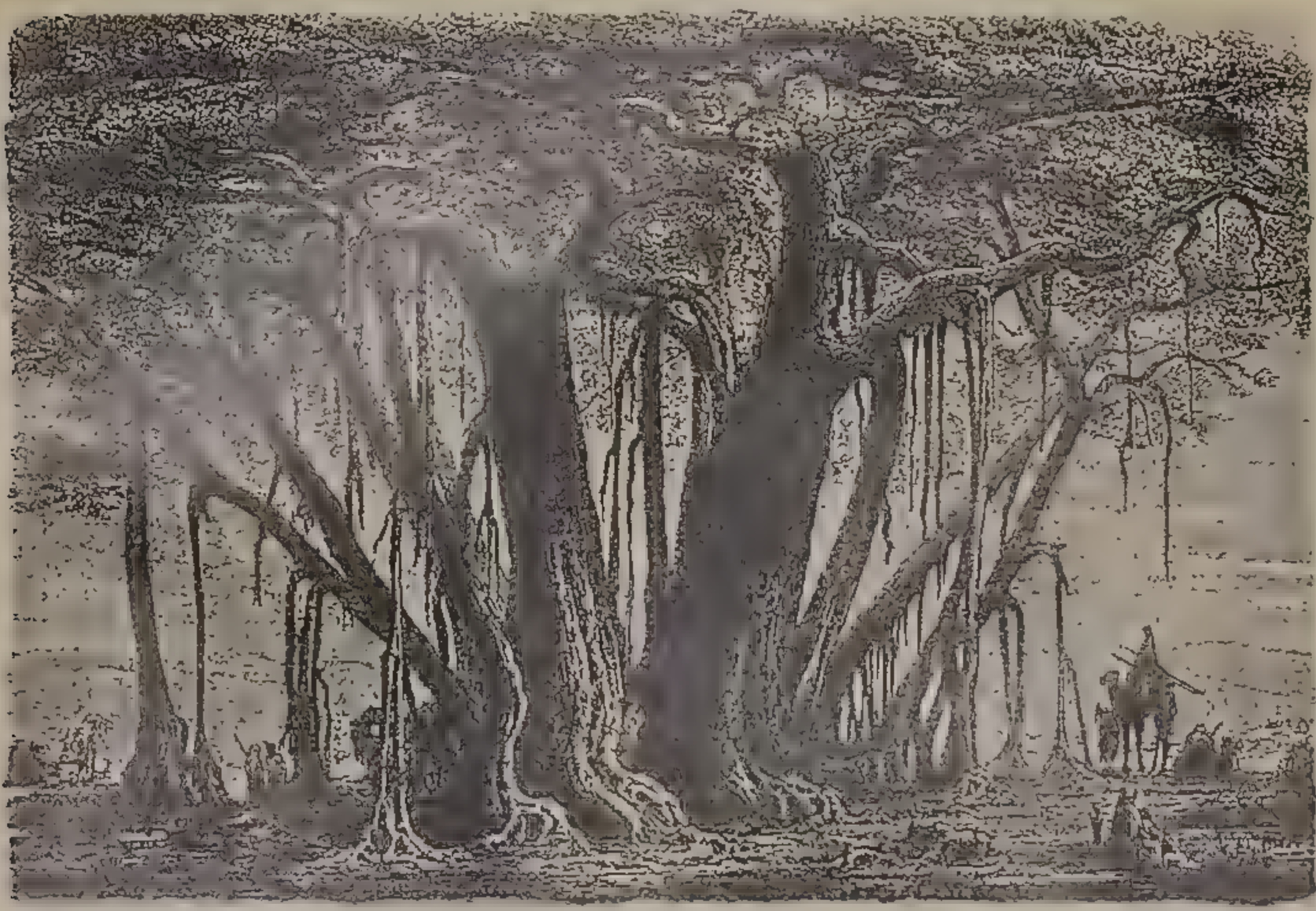
снимаютъ двѣ жатвы, мѣстами даже и три. Обширныя поля засѣяны пшеницей, ячменемъ, просомъ, горохомъ, бобами; за ними идутъ плантаціи сахарнаго тростника, хлопчатника, индиго, табаку. Лентой вьются чайныя плантаціи и посѣвы мака, изъ котораго выдѣлывается опіумъ. Цѣлыя рощи тутовыхъ деревьевъ посажены ради разведенія шелковичнаго червя. Въ болотистыхъ топяхъ сѣютъ рисъ и индійскую коноплю.

Вдоль морскихъ береговъ встрѣчаются многочисленныя породы пальмъ, прямыхъ и твердыхъ, «словно дротики, пущенные съ неба», какъ говорятъ туземцы.

Онѣ сами по себѣ могутъ удовлетворять главнымъ потребностямъ населенія: плоды ихъ идутъ въ пищу, листья—на одежду и ткани, стволы—на мебель и всякую утварь, необходимую для домашняго обихода. Внутри страны растутъ разныя смолистыя деревья, пряности: кардамонъ, мускатный орѣхъ, корица, дерево—желѣзнякъ, которое очень цѣнится для построекъ, благодаря своему крѣпкому волокну. Здѣсь же родина священнаго дерева — смоковницы, которая можетъ укрыть подъ своею сѣнью толпу народа. Каждая смоковница разрастается въ цѣлый лѣсъ, такъ какъ ея раскидистыя вѣтви даютъ воздушные корни, которые свѣшиваются до земли или обвиваются вокругъ сосѣднихъ деревьевъ. Манговыя рощи весною наполняютъ окрестный воздухъ ароматомъ и лѣтомъ приносятъ обильные плоды. Тысячи цвѣтущихъ деревьевъ и кустарниковъ ласкаютъ взоръ, а разныя лѣкарственныя растенія даютъ человѣку средства для борьбы съ болѣзнями.

Полную противоположность Бенгаліи представляетъ лежащая въ западной части Индо-Гангетической равнины пустыня Таръ. Это обширное песчаное море, на которомъ, какъ гребни волнъ, возвышаются бугры и холмы, высотою до шестидесяти саженъ. Таръ хотя и называется пустыней, но въ сущности не совсѣмъ безжизненъ и необитаемъ. Правда, здѣсь бываютъ продолжительныя засухи: иногда по цѣлымъ годамъ не выпадаетъ ни капли дождя. Въ эпоху без-

дождія въ Тарѣ можно встрѣтить лишь колючіе кустарники да растенія почти безъ листьевъ съ разстилающимися по землѣ корнями. Звѣри едва находятъ себѣ кормъ въ лощинахъ и оврагахъ, гдѣ дольше всего сохраняется сырость. Люди бѣгутъ оттуда изъ опасенія получить солнечный ударъ; никто не рискуетъ оставаться въ этой странѣ раскаленныхъ песковъ. Но стоитъ дождю освѣжить почву, какъ кар-

Смоковница.

тина измѣняется. Таръ порастаетъ травою, которая покрываетъ зеленымъ ковромъ дно долинъ и даже скаты песчаныхъ холмовъ. Изъ окрестностей кочевники пригоняютъ на эти пастбища свои стада рогатаго скота, овецъ и верблюдовъ. Такимъ образомъ удается извлечь пользу и изъ этой, повидимому, ни къ чему не пригодной области. Одна бѣда: стадамъ наносятъ страшный вредъ волки, которые здѣсь рыскаютъ стаями и отличаются большой увертливостью и ловкостью, вслѣдствіе чего рѣдко удается напасть на нихъ врасплохъ. Единственное средство избавиться

отъ опасныхъ хищниковъ,—это преслѣдовать ихъ въ самую знойную пору года подъ отвѣсными лучами солнца. Тогда песокъ бываетъ до такой степени раскаленъ, что звѣри обжигаютъ себѣ лапы и не могутъ бѣжать, а охотники для защиты отъ жгучаго песку оборачиваютъ ноги въ свѣжія овечьи шкуры и легко настигаютъ своихъ жертвъ.

Къ югу отъ Тара, близъ моря, находится болѣе страшная солончаковая пустыня — Качскій Раннъ. Въ сухое время года почва ея, тамъ и сямъ подернутая бѣлыми полосами соляного налета, представляетъ гладкую, какъ зеркало, поверхность, твердую и звенящую подъ ногами. Она не имѣетъ ни малѣйшаго наклона или ската, и дождямъ некуда стекать. Отъ этого образуются лужи, которыя вѣтеръ гонитъ передъ собою, взбивая на нихъ бѣлую пѣну. Кругомъ, насколько глазу видно, нѣтъ ни былинки ни кустика. Въ этой голой, безплодной равнинѣ не могутъ жить даже звѣри. Только дикіе ослы, которые любятъ побѣгать на просторѣ, днемъ бродятъ по открытой пустынѣ, а на ночь идутъ пастись въ джангли и болота морского побережья.

Раннъ—одна изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ особенно проявляется миражъ: малѣйшій предметъ, оставленный на землѣ, камень, остовъ верблюда, благодаря зеркальности воздуха, виденъ на разстояніи многихъ верстъ, и не въ дѣйствительной своей формѣ, а въ фантастическихъ очертаніяхъ. То онъ высится, какъ таинственный замокъ, то угрожаетъ, какъ чудовищный великанъ, то скользитъ, какъ неуловимый призракъ.

Отдаленныя селенія показываются передъ глазами, примыкая въ воздушномъ пространствѣ къ перевернутымъ дворцамъ и храмамъ, и кажется, что до нихъ рукой подать; но все это лишь обманъ зрѣнія.

Въ дождливое время года видъ Ранна совершенно измѣняется. Воды моря, гонимыя юго-западнымъ вѣтромъ, бѣгутъ на берегъ. Обширная пустыня, гдѣ еще недавно не было видно ни одной капли воды, покры-

вается на всемъ пространствѣ водяною пеленою болѣе аршина толщины. Раннъ становится озеромъ. Однако и въ періодъ дождей, какъ и въ засуху, по немъ проходятъ караваны. Поверхность Ранна настолько гладка что водяная скатерть ложится равномѣрно, и можно переѣзжать на верблюдахъ, не рискуя затонуть. Эти путешествія всегда дѣлаются ночью. Днемъ донимаетъ страшная жара, которая еще усиливается отраже-

Качскій Раннъ.

ніемъ лучей отъ водяной поверхности. Къ тому же обманы миража могли бы довести до безумія и людей и животныхъ. Ослѣпленные солнцемъ проводники не въ состояніи были бы найти дороги въ безмѣрно раскинувшемся однообразномъ пространствѣ. Скоро караванъ сталъ бы незамѣтно для себя кружиться на одномъ мѣстѣ, и гибель его сдѣлалась бы неизбѣжною. Вотъ отчего караваны предпочитаютъ совершать переходъ черезъ Раннъ ночью, направляя свой путь по звѣздамъ и останавливаясь днемъ для привала.

Третью область Индіи составляетъ Декканское плоскогорье, которое лежитъ къ югу отъ Индо-Гангетической равнины и занимаетъ половину Индустана. Оно имѣетъ видъ огромной трехугольной площади, значительно возвышающейся надъ уровнемъ моря. Его можно сравнить съ гигантскимъ трехугольнымъ столомъ, который немного наклоненъ внутрь страны, къ рѣчнымъ долинамъ. Декканское плоскогорье по краямъ окаймлено горами: съ сѣвера идутъ горы Виндхья, а вдоль береговъ—Западные и Восточные Гаты, которые постепенно сближаются по мѣрѣ того, какъ полуостровъ суживается, и, наконецъ, совсѣмъ сходятся.

Горы Виндхья состоятъ изъ нѣсколькихъ невысокихъ цѣпей. Въ настоящее время онѣ прорѣзаны шоссейными и желѣзными дорогами, а въ старину представляли непроходимую стѣну горныхъ кряжей, окруженныхъ джанглями. Эта стѣна отдѣляла сѣверную Индію отъ южной и служила однимъ изъ главныхъ препятствій для объединенія страны.

Гатскія горы или Гаты очень живописны. Ихъ названіе въ переводѣ значитъ «лѣстница». Почти отъ самаго моря поднимаются онѣ то громадными уступами, то крутыми склонами, чередующимися съ глубокими пропастями, и, дѣйствительно, имѣютъ видъ гигантской лѣстницы, которая ведетъ къ морскому побережью.

Внутренняя часть Деккана на пространствѣ, которое приблизительно равно Франціи, представляетъ равнину, покрытую толстымъ слоемъ застывшей лавы. Эта почва образовалась въ незапамятныя времена подъ дѣйствіемъ вулканическихъ силъ. Съ тѣхъ поръ подъ вліяніемъ вѣтра и дождей, жара и холода обшивка лавы мѣстами растрескалась и разрушилась, но все-таки на ея безжизненной поверхности нѣтъ никакой растительности. Въ другихъ мѣстахъ лава превратилась въ желѣзистую глину, разстилающуюся то сѣрыми, то красноватыми пластами, которые, словно лентами, испещрены полосами ржаваго цвѣта. Дождевая вода тотчасъ же исчезаетъ въ ея скважинахъ, но сверху она все-таки остается всегда сухой и жадно впиты-

ваетъ влагу. Обломки лавы и желѣзистой глины понемногу уносились дождями и горными потоками внизъ, въ долины, и ихъ можно встрѣтить даже на берегу моря, гдѣ они передвигаются и обтачиваются волнами.

На Декканскомъ плоскогорьи мало рѣкъ, да и тѣ невелики. Почти всѣ онѣ, какъ и въ Индо-Гангетической равнинѣ, текутъ на востокъ и впадаютъ въ Бенгальскій заливъ. Такъ какъ горы, откуда онѣ берутъ начало, огибаютъ плоскогорье, то орошаются, по преимуществу, окраины, а середина остается безводной. Побережья Деккана отличаются замѣчательнымъ плодородіемъ и могутъ поспорить даже съ Бенгаліей, а ихъ прекрасная черноземная почва вошла въ поговорку. Горныя мѣстности, въ особенности Гаты, покрыты густыми лѣсами. Это также тропическіе лѣса, хотя не похожіе на тѣ, которыми поросли склоны Гималаевъ. Они состоятъ изъ деревьевъ, сбрасывающихъ на нѣсколько мѣсяцевъ листья, но не отъ холода, какъ въ нашихъ лѣсахъ, а отъ сухости. Въ разгарѣ лѣта солнце ярко свѣтитъ и припекаетъ, а деревья при этомъ стоятъ обнаженными, и природа имѣетъ унылый видъ. Мховъ и лишайниковъ, какъ во влажныхъ мѣстностяхъ Гималаевъ, здѣсь нѣтъ и въ помипѣ. Передъ началомъ дождей деревья сразу покрываются массою яркихъ цвѣтовъ — бѣлыхъ, золотыхъ, огненно-красныхъ. Цвѣты появляются раньше листьевъ, и тогда лѣсъ принимаетъ видъ причудливо-пестраго букета невѣроятныхъ размѣровъ.

Главныя богатства Деккана заключаются въ его минералахъ, но они пока сравнительно мало разрабатываются. Огромныя залежи каменнаго угля, желѣзо, мѣдь находятся здѣсь въ изобиліи. Встрѣчаются и золотыя розсыпи, а алмазы Голконды славились еще въ старину. На Декканскомъ плоскогорьи находятся Центральныя провинціи, Бомбейское и Мадрасское президентства, Низамъ, Майсоръ и т. д. У моря лежатъ большіе портовые города, имѣющіе огромное значеніе для торговли Индіи съ другими государствами. Глав-

ные изъ нихъ: Бомбей на западномъ берегу и Мадрасъ—на восточномъ.

Хотя Декканъ по пространству обширнѣе Индо-Гангетической равнины, но жителей въ немъ меньше—всего около 100 милліоновъ. Равнины съ большими рѣками во всѣ времена привлекали населеніе. Въ этихъ плодоносныхъ мѣстностяхъ сосредоточились земледѣльцы; тамъ возникли многочисленные города и торговые пункты; промышленность быстро развилась,

Баобабъ.

цивилизація сдѣлала чудеса. Но эта область лежала по дорогѣ пришельцамъ съ сѣвера. Нашествія чужеземцевъ одно за другимъ вызывали самыя сильныя столкновенія, и потому тамъ всего чаще смѣнялись или обновлялись народности.

Островъ Цейлонъ, отдѣленный отъ материка рядомъ отмелей, которыя носятъ названіе Адамова моста, по строенію своему представляетъ какъ бы обломокъ Декканскаго плоскогорья. Тѣ же горныя породы, какъ на Декканѣ, вывѣтриваясь, распадаются въ красную

тонкую пыль, которая покрываетъ почву и своимъ яркимъ цвѣтомъ представляетъ контрастъ съ густою зеленью листвы. Въ низменной части острова раститель-

Бамбукъ.

ность еще роскошнѣе, чѣмъ на Индустанѣ. Каждая деревушка, каждый поселокъ ютится подъ сѣнью кокосовыхъ пальмъ, дерева, которое, по выраженію туземцевъ, «не можетъ жить вдали отъ звука человѣческаго голоса». Гладкій стволъ [illegible] пучкомъ громад-

ныхъ листьевъ, какъ крышей, подъ которой могутъ спрятаться десятки людей, а изъ этого пучка поднимается исполинскій цвѣтокъ до трехъ саженъ высотою, заключающій въ себѣ многія тысячи маленькихъ цвѣтовъ. Вообще всѣ сорта пальмъ достигаютъ здѣсь необыкновенныхъ размѣровъ. Низменныя части острова засажены рисовыми и чайными плантаціями. На влажной покатости горъ встрѣчаются лѣса съ разнообразными породами деревьевъ. Тамъ растетъ колоссальный баобабъ, самъ по себѣ напоминающій густую зеленую рощу. Встрѣчаются деревья, дающія прекрасный строевой лѣсъ. Еще полезнѣе крѣпкій бамбукъ, который растетъ съ невѣроятной быстротою: если вечеромъ повѣсить шляпу на узелъ его прямого ствола, то на утро до нея ужъ не достанешь рукою. Индусы даже не могутъ себѣ представить, какъ живутъ люди въ тѣхъ обездоленныхъ странахъ, гдѣ нѣтъ бамбука, который у нихъ служитъ для всевозможныхъ подѣлокъ. Ползучія деревянистыя ліаны, въ палецъ толщиною и до пятидесяти саженъ длиною, также полезны для человѣка. Изъ нихъ плетутъ канаты, которые перекидываютъ черезъ бездны и пропасти, какъ воздушные мосты. Ліаны такъ крѣпки и прочны, что эти мосты свободно выдерживаютъ тяжесть человѣка и могутъ служить по нѣсколько лѣтъ. Въ лѣсной чащѣ Цейлона водится множество хищныхъ звѣрей. Пестрыя яркія птицы оглашаютъ воздухъ своимъ крикомъ. Всевозможныя змѣи — удавъ, свободно проглатывающій ягненка, громаднѣйшая очковая змѣя, или кобра, укушеніе которой грозитъ неминуемой смертью, и другія ядовитыя породы наводятъ ужасъ на человѣка.

Близость моря умѣряетъ жару на Цейлонѣ, приноситъ достаточно влаги и дѣлаетъ этотъ островъ благодатнымъ уголкомъ. Первые европейскіе мореплаватели съ восторгомъ описывали эту благословенную землю и говорили, что прежде, чѣмъ взоръ подмѣтитъ ее, о близости ея догадываешься по благоуханію, приносимому морскимъ вѣтеркомъ. А среди жителей Азіи ходитъ древнее сказаніе, что послѣ изгнанія изъ зем-

Симла.

ного рая первые люди, по милосердію Божію, получили позволеніе жить въ другомъ раю, «томъ, надъ которымъ господствуетъ Адамовъ пикъ», т.-е. на Цейлонѣ.

Главный городъ Цейлона — Коломбо, большой торговый портъ у берега моря. Такъ какъ Цейлонъ лежитъ на дорогѣ кораблей, отправляющихся изъ Европы въ Китай, Японію, на Дальній востокъ, то они всегда заходятъ въ Коломбо, чтобы сдѣлать запасъ топлива и провіанта.

При всемъ различіи отдѣльныхъ мѣстностей Индіи онѣ имѣютъ одну общую черту: вездѣ, за исключеніемъ лишь большихъ высотъ, въ извѣстное время года бываетъ очень сильная жара: термометръ въ тѣни показываетъ до 50 градусовъ, и даже въ комнатахъ нѣтъ отъ нея спасенія. Чтобы сколько-нибудь ее умѣрить, закрываютъ окна ставнями и завѣшиваютъ коврами; по всему дому разставляютъ сосуды съ водою и мокрыя плетенки, такъ какъ вода, испаряясь, нѣсколько охлаждаетъ воздухъ. Особенно плохо приходится въ городахъ, гдѣ каменныя зданія и мостовыя раскаляются отъ жгучаго солнца. Кто имѣетъ возможность, спѣшитъ покинуть городъ. Уѣзжаютъ не только отдѣльныя лица, но и цѣлыя учрежденія. Даже все государственное управленіе Индіи изъ знойной Калькутты на лѣто переѣзжаетъ въ городъ Симлу, расположенный въ прохладныхъ предгорьяхъ Гималаевъ.

Однако чрезвычайная жара сама несетъ въ себѣ и спасеніе, безъ котораго погибла бы вся жизнь въ Индіи. Это спасеніе — правильно чередующіеся вѣтры, *муссоны,* приносящіе дождь. Въ началѣ лѣта обширныя равнины и плоскогорья Индіи нагрѣваются гораздо сильнѣе, чѣмъ море, омывающее ея берега. Съ марта мѣсяца жара въ сѣверной Индіи быстро возрастаетъ. Воздухъ надъ нагрѣтой землею становится жарче и вслѣдствіе этого рѣже, а рѣдкій воздухъ имѣетъ меньшую тяжесть, оказываетъ меньшее давленіе. По другую сторону экватора, въ южной Африкѣ въ это время бываетъ зима, и тамъ воздухъ сгущается, пріобрѣтаетъ большее давленіе. Изъ-за океана воздухъ,

имѣющій большее давленіе, устремляется въ страну съ меньшимъ давленіемъ. Начинаетъ дуть юго-западный муссонъ, который нагоняетъ бѣловатыя тучи, похожія на стаи перелетныхъ птицъ. Онъ приноситъ въ Индію дождь какъ разъ въ то время, когда жара достигаетъ высшаго разгара.

Количество дождя, выпадающаго въ той или иной части Индіи, зависитъ отъ того, встрѣчаетъ ли муссонъ по пути природныя препятствія — горы. Юго-за-

Прибой волнъ во время муссона.

падный муссонъ, несущій съ моря влагу, раньше всего наталкивается на гряду западныхъ Гатскихъ горъ. Горы служатъ преградой, и онъ, вмѣсто того, чтобы направляться впередъ, поднимается вверхъ, гдѣ воздухъ значительно холоднѣе. Отъ соприкосновенія съ холодными слоями влага, которую принесъ теплый муссонъ, сгущается въ тучи, разражающіяся сильнымъ дождемъ. Такимъ образомъ горы, задерживая муссонъ по дорогѣ, заставляютъ его заплатить дань дождемъ въ пользу лежащихъ передъ ними мѣстностей.

Вліяніе горъ еще разительнѣе отражается на Индо-Гангетической равнинѣ. На западномъ ея побережьѣ

нѣтъ большихъ возвышеній, и муссонъ, подвигаясь впередъ, встрѣчаетъ лишь сильно нагрѣтую поверхность, которая не можетъ ни остановить, ни охладить его. Вслѣдствіе этого онъ со всѣмъ запасомъ своей влаги пролетаетъ болѣе тысячи верстъ, не оставляя ни капли дождя. Провинція Синдъ въ западной части равнины превратилась бы въ безжизненную пустыню, если бы съ помощью каналовъ въ ней не было устроено искусственное орошеніе. Зато, встрѣтивъ далѣе на пути высокія цѣпи Гималаевъ, муссонъ даетъ обильные дожди, и восточная часть равнины, Бенгалія, получаетъ столько влаги, какъ ни одна страна въ мірѣ. Въ ней выпадаетъ въ двадцать разъ больше дождя, чѣмъ въ туманной и сырой Англіи. Если бы дождевая вода не наполняла рѣкъ и не впитывалась въ почву, то здѣсь она въ годъ затопила бы землю настолько, что покрыла бы трехъэтажные дома.

Въ концѣ лѣта, когда солнце косыми лучами ужъ не нагрѣваетъ землю съ прежней силой, муссонъ ослабѣваетъ и къ октябрю прекращается. Тогда наступаетъ обратное явленіе: земля быстро охлаждается, и надъ сушей давленіе воздуха становится сильнѣе, а море между тѣмъ сохраняетъ несравненно большій запасъ теплоты. Вслѣдствіе этого начинаетъ дуть вѣтеръ отъ суши къ морю и въ другомъ направленіи, именно съ сѣверо-востока на юго-западъ. Это такъ называемый сѣверо-восточный муссонъ, который дуетъ въ продолженіе второй половины года. Онъ имѣетъ значеніе для тѣхъ мѣстностей Индіи, которыя по своему положенію лишены вліянія юго-западнаго муссона. Проходя надъ Бенгальскимъ заливомъ, онъ вбираетъ влагу, которую несетъ дальше. Встрѣтивъ на пути препятствіе въ видѣ горъ, задерживающихъ его, онъ производитъ дождь на юго-восточномъ побережьи Индіи. Благодаря этимъ условіямъ, въ иныхъ частяхъ Индіи дождливое время бываетъ въ первомъ полугодіи, а въ другихъ—во второмъ.

Малѣйшая неправильность, зависящая отъ перемѣны атмосфернаго давленія, отъ хода вѣтра и обла-

ковъ имѣетъ чрезвычайно важныя послѣдствія. Въ силу этого дожди могутъ совсѣмъ не выпасть или выпасть въ недостаточномъ количествѣ и только сбрызнуть поверхность земли вмѣсто того, чтобы ее обильно полить. Наступаетъ засуха. Почва, выжженная зноемъ, остается безплодною и не даетъ никакихъ всходовъ. Колодцы пересыхаютъ, рѣки мелѣютъ. Наступаетъ неурожай, съ которымъ неминуемо связанъ голодъ, и милліонамъ людей грозитъ смерть.

Ужасное явленіе также представляютъ опустошительные ураганы, или циклоны, которые нерѣдко свирѣпствуютъ въ Индіи. Они происходятъ или въ началѣ или еще чаще въ концѣ лѣтняго муссона. Обыкновеннно урагану предшествуетъ полное затишье, при которомъ на значительномъ пространствѣ воздухъ имѣетъ почти одинаковое давленіе. Нагрѣтые водяные пары, поднимающіеся отъ морей, не находятъ въ верхнихъ слояхъ атмосферы выхода, который позволялъ бы имъ разливаться въ ту или въ другую сторону. Къ этому очагу высокой температуры со всѣхъ сторонъ устремляется холодный воздухъ, а отъ столкновенія воздушныхъ массъ и происходитъ вихрь. Онъ крутится съ ужасающей быстротою, сметая и уничтожая все, что попадается на пути.

Циклоны въ сущности менѣе опасны, чѣмъ недостатокъ дождей, но они внушаютъ больше страха, потому что ихъ дѣло разрушенія совершается внезапно, быстро. Сцены гибели и раздирающія душу катастрофы, вызванныя ураганомъ, сразу проявляются во всемъ своемъ ужасѣ. Притомъ же, если отъ неурожая и голода гибнутъ милліоны людей въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, то и циклоны нерѣдко уносятъ сотни тысячъ жертвъ въ нѣсколько часовъ, а неизбѣжными ихъ слѣдствіями являются мѣстныя голодовки и эпидеміи.

Ужаснѣе всего, если циклонъ разражается гдѣнибудь на низменномъ берегу. Онъ вызываетъ внезапный морской приливъ, который можетъ опустошить равнины и поля, простирающіяся на далекое разстояніе

внутрь страны. Всего больше человѣческихъ поселеній разрушили циклоны, всего больше они потопили народу при устьяхъ рѣкъ. Самый страшный ураганъ, который когда-либо разыгрался на земномъ шарѣ, произошелъ въ 1876 году на восточномъ берегу Индіи, при впаденіи рѣки Мегны. Въ полночь, когда все населеніе мирно спало, три слѣдовавшія одна за другою саженныя волны подступили къ берегамъ. Черезъ нѣсколько часовъ ближайшіе острова и около шестидесяти тысячъ десятинъ суши покрылись водою. Болѣе полумилліона людей были внезапно настигнуты потопомъ. Несчастные, которые искали спасенія на крышахъ своихъ жилищъ, были унесены волнами вмѣстѣ съ хижинами. Только тѣ, которые успѣли взобраться на деревья, росшія небольшими рощами вокругъ селеній, спаслись отъ смерти; но и они могли спуститься изъ своего убѣжища только къ вечеру слѣдующаго дня. Почти всѣ постройки были смыты до основанія, весь домашній скотъ погибъ, и отъ цвѣтущихъ деревень осталась лишь груда развалинъ. Болѣе двухсотъ тысячъ жителей сдѣлались жертвой наводненія. Гніеніе массы труповъ вызвало холеру, и населеніе округа, уцѣлѣвшее отъ циклона, было почти все истреблено эпидеміей.

Для того, чтобъ предотвратить повтореніе подобныхъ ужасающихъ бѣдствій, въ послѣднее время на низменныхъ берегахъ стали сооружать оградительные валы; но работа эта ведется медленно и далеко не во всѣхъ мѣстахъ, представляющихъ опасность.

II.

Древніе арійцы и ихъ бытъ.

Въ отдаленныя времена, задолго до Р. Х., въ Индію съ сѣвера, переваливъ черезъ Гималаи, явились завоеватели. Это были люди съ правильными, красивыми чертами лица и бѣлымъ цвѣтомъ кожи. Они застали въ Индіи племена чернокожихъ дикарей, съ первыхъ

обитателей, къ которымъ они относились съ презрѣніемъ, называя ихъ «врагами» и «рабами»; себя же въ отличіе отъ нихъ они именовали *арійцами*, т.-е. благородными.

Арійцы по цивилизаціи стояли гораздо выше чернокожихъ туземцевъ, которыхъ они частью покорили себѣ, частью оттѣснили въ глубь страны или же къ морю и заставили очистить мѣсто для нихъ самихъ. Они знали употребленіе огня и варили себѣ пищу, а не ѣли ее сырьемъ. Огонь они добывали посредствомъ тренія. Въ деревянную дощечку съ углубленіемъ посрединѣ вставляли заостренную палочку. Привязавъ къ ней ремень или веревку, ее быстро крутили до тѣхъ поръ, пока острый конецъ не загорался. Этотъ приборъ, т.-е. дощечка и палочка, дѣлался изъ сухого дерева и назывался *арани;* огонь считался «сыномъ арани».

Арійцы приручили многихъ животныхъ и занимались, главнымъ образомъ, скотоводствомъ. Для стадъ нужны были хорошія пастбища, и въ поискахъ за ними арійцы кочевали съ мѣста на мѣсто. Иногда пастбище попадалось такое, что могло служить на нѣсколько мѣсяцевъ. Тогда они дѣлали продолжительную остановку, во время которой засѣвали нивы, ждали, пока созрѣетъ жатва, и, снявъ ее, отправлялись дальше.

Идя по теченію большихъ рѣкъ, арійцы добрались до плодородныхъ долинъ. Тамъ они нашли благопріятную почву и стали заниматься, по преимуществу, земледѣліемъ. Превратившись изъ пастуховъ въ пахарей, они оставили прежній кочевой образъ жизни и устроили себѣ постоянныя поселенія.

Неизвѣстно, гдѣ была родина арійцевъ; нѣтъ никакихъ точныхъ указаній на ихъ мѣсто жительства до переселенія въ Индію, и мнѣнія ученыхъ на этотъ счетъ расходятся. Несомнѣнно лишь одно, что ихъ страна была гораздо холоднѣе. Объ этомъ свидѣтельствуютъ выраженія въ ихъ языкѣ, которыя употреблялись даже тогда, когда они ужъ много вѣковъ прожили въ жаркой Индіи.

«О, дайте намъ прокормить нашихъ близкихъ и родныхъ въ продолженіе *ста зимъ*!» молили арійцы своихъ боговъ. Очевидно, это было отдаленное воспоминаніе о прежней странѣ, потому что въ Индіи зимы не бываетъ.

Литературное нарѣчіе арійцевъ—*санскритъ*—теперь принадлежитъ къ числу такъ называемыхъ мертвыхъ языковъ, на которыхъ не говоритъ ни одинъ изъ живущихъ народовъ. Санскритъ имѣлъ сложныя, выработанныя формы и отличался большимъ запасомъ словъ. Это показываетъ, что создавшій его народъ находился на высокой степени умственнаго развитія. Чѣмъ ниже по цивилизаціи стоитъ какой-нибудь народъ, тѣмъ проще и бѣднѣе его языкъ—и наоборотъ.

Современные ученые изслѣдователи изучаютъ санскритскій языкъ для того, чтобы знакомиться въ подлинникѣ съ замѣчательными литературными произведеніями арійцевъ, которыя въ продолженіе тысячелѣтій оказывали и еще продолжаютъ оказывать огромное вліяніе.

Изученіе санскрита выяснило также, что всѣ европейскіе языки, въ томъ числѣ и русскій, имѣютъ много общихъ или сходныхъ съ нимъ словъ. Во всѣхъ этихъ языкахъ названія членовъ семьи, наименованія чиселъ и многія другія слова позаимствованы съ санскритскаго. Мало того, имена боговъ, которымъ поклонялись арійцы, представляютъ большое сходство съ именами древне-греческихъ, римскихъ и славянскихъ божествъ. Санскритское имя «Варуна» (богъ всеобъемлющаго неба) легко узнать въ греческомъ «Уранъ», «Агни» (богъ огня), въ латинскомъ—«Игнисъ» и славянскомъ—«Огнь». И не только въ именахъ боговъ, но и въ самой своей сущности религіозныя вѣрованія арійцевъ и древне-европейскихъ народовъ имѣли много общаго. Отсюда можно сдѣлать выводъ, что отдаленные предки индусовъ и европейцевъ нѣкогда жили вмѣстѣ, говорили одинаковымъ языкомъ, который съ теченіемъ времени, когда они разселились, подвергся значительнымъ измѣненіямъ, и поклонялись однимъ богамъ.

Арійцы считали всю природу божественной. Все, что поражало ихъ своимъ величіемъ, все, что казалось непонятнымъ, все, что, по ихъ мнѣнію, могло вредить или быть полезнымъ, требовало поклоненія. Они взывали къ горамъ, рѣкамъ, источникамъ, деревьямъ, растеніямъ, какъ къ божествамъ. Животнымъ, окружающимъ человѣка, коню, несущему его въ сраженіе, коровѣ, питающей его, собакѣ, стерегущей его жилище, птицѣ, пугающей его зловѣщимъ крикомъ, дикимъ звѣрямъ, угрожающимъ его жизни,—всѣмъ имъ воздавались почести и къ нимъ всѣмъ обращались съ моленіемъ. Мало того, арійцы молились многимъ вещамъ, сдѣланнымъ ихъ собственными руками и служившимъ для жертвоприношеній, войны, земледѣлія.

Алтарь, оружіе для нападенія и защиты отъ враговъ, плугъ, свѣже-вспаханная борозда,—все это были священные предметы.

Занимаясь земледѣліемъ, арійцы, конечно, замѣчали, что солнце, вѣтеръ, дождь, гроза такъ или иначе вліяютъ на урожай. Не умѣя объяснить себѣ, отчего это происходитъ, они стали обоготворять явленія природы. Они полагали, что природа распредѣлена между многими божествами, изъ которыхъ каждое завѣдуетъ особымъ отдѣломъ: солнцемъ, луной, тучами, громомъ, молніей и т. д. Слово «богъ» для нихъ было непонятно, если не прибавить *какой* богъ, *чего* онъ богъ, напримѣръ, богъ грозы.

Родоначальниками боговъ они считали Отца-небо и Мать-землю и всѣхъ боговъ представляли себѣ въ видѣ людей, которые жили такъ же, какъ и они сами. Каждый изъ боговъ, по ихъ понятіямъ, имѣлъ не только особыя качества, но также и своеобразную, характерную наружность и свойственныя ему одному принадлежности, атрибуты. Напримѣръ, бога яснаго неба, Индру, арійцы описывали, какъ замѣчательнаго красавца съ золотисто-рыжими волосами и длинными руками. Атрибутами ему служила громовая стрѣла и другое оружіе; онъ разъѣзжалъ въ блестящей золотой

колесницѣ, запряженной парой золотыхъ коней, которые неслись быстрѣе мысли.

Очевидно, солнце, озаряющее ясное небо и посылающее на землю свои животворные лучи, въ народномъ воображеніи приняло видъ сіяющей колесницы. Вообще арійцы картинно, образно представляли себѣ каждое явленіе природы. Молнія, упавшая на дерево и причинившая лѣсной пожаръ, вызвала понятіе о томъ, что боги грозы «пожираютъ лѣса». Объ этихъ же богахъ говорилось, что они «доятъ небесныхъ коровъ (облака) и поятъ землю молокомъ (дождь)». Такое сравненіе вполнѣ понятно у народа, который занимался скотоводствомъ и земледѣліемъ.

«Подобно тому, какъ молоко питаетъ человѣка,— думалъ онъ,—такъ и дождь питаетъ землю, которая производитъ обильный урожай».

Для пастуха корова, дающая молоко, есть главный источникъ благосостоянія. На этомъ основаніи арійцы считали корову священнымъ животнымъ. Не было большей любезности въ ихъ устахъ, какъ сравненіе съ рогатымъ скотомъ, который составлялъ ихъ богатство. Утреннюю зарю они называли «красной коровой», могущественнаго бога—«сильнымъ быкомъ».

Чѣмъ больше рогатаго скота, чѣмъ больше коровъ у пастуха, тѣмъ онъ обезпеченнѣе. Чтобы увеличить свое богатство, люди часто прибѣгали къ войнѣ. Вотъ почему для обозначенія понятія «воевать» арійцы употребляли выраженіе «желать коровъ». Искать прибыли у нихъ называлось «гоняться за коровами».

Присматриваясь къ окружающей природѣ, арійцы замѣтили, что есть растеніе сома, изъ котораго, растирая стебель камнемъ, можно по каплямъ выдавить желтоватую жидкость. Перебродивъ, она даетъ опьяняющій напитокъ, и подъ его вліяніемъ люди становятся веселыми, жизнерадостными. Въ глазахъ арійцевъ такія необычайныя свойства напитку могъ придавать только богъ этого растенія, носящій одно съ нимъ имя—*Сома*. И самое добываніе сока стало считаться священнодѣйствіемъ, а всѣ предметы, которые при этомъ

употреблялись,—священными. Такъ какъ боги во вкусахъ сходились съ людьми, то и имъ нравилось вино, возбуждающее силу и мощь, и его начали приносить имъ въ жертву. Боги пили его и становились безсмертными. На землѣ Сома давалъ обиліе водамъ, питаніе растеніямъ, живительную бодрость звѣрямъ и людямъ, вдохновлялъ пѣвцовъ, окрылялъ молитву, которая летѣла на небо къ богамъ. Все это были необходимыя блага, и о дарованіи ихъ надо было молиться богу Сомѣ.

Необычайное впечатлѣніе на арійцевъ производилъ огонь. Его яркое пламя, жаръ, блескъ, дымъ вызывали восторженное удивленіе. Поразительнымъ казалось то, что онъ свѣтилъ *даже* ночью и что онъ виденъ издали. Съ особеннымъ изумленіемъ отмѣчали они, что огонь при содѣйствіи вѣтра стремится къ небу.

Наблюдали они, какъ огонь «пожираетъ» дрова, растенія и всякіе другіе предметы, и ихъ поражало, что это легкое, воздушное существо такъ ловко справляется не только съ мягкой, но и съ твердой пищей. И они стали олицетворять его въ видѣ особаго божества *Агни*.

Арійцы знали, что огонь можно добывать изъ сухого дерева посредствомъ тренія. Опытъ показалъ имъ, что можно также высѣкать его изъ камня. Они видѣли, что въ грозовыхъ тучахъ сверкаетъ молнія; а такъ какъ въ этихъ тучахъ находятся небесныя воды, то они стали толковать, что молнія—это огонь, скрывающійся въ водахъ, и дали ей особое названіе: «Агни—сынъ водъ». Отсюда у нихъ сложилось понятіе о томъ, что огонь видимо или невидимо находится вездѣ: на небѣ, въ землѣ, въ водахъ, которыя поятъ землю, въ растеніяхъ, получающихъ соки изъ земли, въ животныхъ, питающихся растеніями и другими животными.

Огонь былъ нуженъ человѣку; онъ помогалъ ему обставить свою жизнь бо̀льшими удобствами. И арійцы называли бога Агни «мудрецомъ», потому что онъ

«устрояетъ общежитія смертныхъ». Еще чаще его называли «жрецомъ». Представляя себѣ, что всѣмъ міромъ управляютъ боги, аріецъ старался ихъ умилостивить и предотвратить ихъ гнѣвъ, а средствомъ для этого служили жертвоприношенія и хвалебныя молитвы, или гимны. Въ жертву богамъ аріецъ приносилъ такую же ѣду и такое же питье, какіе самъ употреблялъ. Первоначально жертвоприношенія сжигались, и потому Агни считался посредникомъ между человѣкомъ и богами; боги «вкушали» все это не иначе, какъ при его содѣйствіи.

Совершая обряды жертвоприношенія, арійцы читали или, точнѣе, распѣвали гимны, которые у нихъ сложились уже въ глубокой древности. Иные гимны существовали ранѣе, чѣмъ за тысячу лѣтъ до Р. Х. Сборники этихъ гимновъ, или *Веды*, принадлежатъ къ числу первыхъ литературныхъ произведеній человѣчества. Слово «Веда» значитъ «премудрость»; арійцы полагали, что устами *риши*, т.-е. мудрецовъ, составившихъ Веды, говорили сами боги, и потому Веды — священнѣйшія изъ священныхъ книгъ. Религія древнихъ индусовъ, построенная на Ведахъ, которыя считались божественнымъ откровеніемъ, извѣстна подъ именемъ *ведаической* или *ведийской*.

Всѣхъ Ведъ четыре; онѣ сложились постепенно въ теченіе ряда вѣковъ. Старѣйшая и главнѣйшая изъ нихъ—Риг-Веда—содержитъ 1017 гимновъ Агни, Индрѣ и другимъ богамъ. Въ тѣ времена, когда составлялись Веды, и еще долго спустя, индусамъ не была извѣстна письменность, и гимны сохранялись исключительно въ памяти людской, передаваясь изъ поколѣнія въ поколѣніе, отъ родителей къ дѣтямъ, отъ дѣтей къ внукамъ. Изученіе ихъ было одною изъ главныхъ обязанностей для всѣхъ, кромѣ рабовъ. Гимны заучивались сравнительно легко, такъ какъ они написаны стихами. Содержаніе Ведъ исключительно религіозное, но вся жизнь арійцевъ была построена на точномъ соблюденіи религіозныхъ обрядовъ, и потому гимны подробно знакомятъ насъ съ ихъ бытомъ.

Хотя арійцы поклонялись многимъ богамъ — даже опредѣленно указывалось число ихъ, тридцать три, — но думали, что они всѣ равны и не различали между ними болѣе важныхъ или менѣе важныхъ, старшихъ или младшихъ. Величайшимъ считался тотъ богъ, которому молились въ данную минуту, а такъ какъ молиться можно было любому изъ нихъ, то всѣ они получали одинаковый почетъ и поклоненіе.

Гимны Риг-Веды показываютъ, что индусы въ древности молились не иначе, какъ при жертвоприношеніи, и молитва составляла только одну изъ его частей. Ихъ «молитвы» не были похожи на то, что мы понимаемъ подъ этимъ названіемъ. Въ ту отдаленную эпоху арійцы еще не достигли такой ступени развитія, когда человѣкъ приходитъ къ сознанію своего ничтожества передъ всемогуществомъ божества и обращается къ нему съ полной покорностью и глубокимъ благоговѣніемъ.

Совсѣмъ не то было у арійцевъ. Они называли своихъ боговъ «свѣтлыми», «сіяющими», относились къ нимъ, какъ къ добрымъ друзьямъ, а молитвѣ придавали лишь смыслъ, такъ сказать, полюбовнаго договора. «Дай мнѣ много коровъ и земли и долгую жизнь *въ отвѣтъ на этотъ гимнъ*», просилъ аріецъ. «Порази моего врага, разсѣй чернокожихъ — *и я принесу тебѣ жертву*». Онъ былъ увѣренъ, что богъ, получая жертвоприношеніе, непремѣнно долженъ исполнить его моленіе—услуга за услугу. Дѣло въ томъ, что хотя боги считались безсмертными, но, по мнѣнію арійцевъ, ихъ безсмертіе не было вѣчнымъ, а поддерживалось людскими молитвами и жертвами, въ которыхъ они потому и нуждались. Вѣрующій поддерживалъ строгій порядокъ въ совершеніи обрядовъ, нужныхъ богамъ. За это боги, въ свою очередь, поддерживали весь порядокъ, господствующій въ мірѣ и необходимый для людей: правильную смѣну временъ года, дня и ночи, движеніе свѣтилъ небесныхъ и т. д.

Обращаясь съ гимномъ къ богу, аріецъ перечисляетъ подъ конецъ его достоинства, восхваляетъ его и

уже излагаетъ свою просьбу. Вотъ для примѣра одинъ изъ гимновъ богу Варунѣ:

«Всемогущій богъ съ неба видитъ наши дѣла, какъ на ладони. Боги знаютъ все, что люди дѣлаютъ, хотя бы люди и старались скрыть свои поступки. Кто стоитъ, кто движется, кто подкрадывается, кто прячется въ укромномъ мѣстѣ,—все это боги отмѣчаютъ. Гдѣ бы двое ни сговаривались, считая, что они наединѣ, царь Варуна, какъ третій, всегда между ними, и всѣ ихъ намѣренія ему извѣстны. Эта земля принадлежитъ ему, эти обширныя, необъятныя небеса принадлежатъ ему; оба моря подвластны ему, и даже маленькая лужица зависитъ отъ него. Если бы кто-нибудь направилъ свой путь далеко за предѣлы неба, то все-таки не вышелъ бы изъ владѣній царя Варуны. Его слуги, сходя съ неба, скользятъ по всему міру и тысячами всевидящихъ очей наблюдаютъ за отдаленнѣйшими уголками земли. Все, что существуетъ на землѣ, на небѣ и выше небесъ, открыто передъ глазами царя Варуны. Ему извѣстно, сколько разъ каждый смертный моргнетъ. Онъ управляетъ міромъ, какъ игрокъ костями. О боже! крѣпкіе сѣтки, которые ты плетешь, чтобы ловить злыхъ, закинь ты на лжецовъ, но помилуй всѣхъ праведныхъ».

Иногда, впрочемъ, бываетъ, что молящійся не восхваляетъ бога, а какъ бы укоряетъ его, читаетъ ему наставленіе:

«Если бы ты былъ смертнымъ, а я безсмертнымъ, то, повѣрь, я не оставилъ бы тебя въ нуждѣ и бѣдѣ. Мой поклонникъ не былъ бы ни бѣднымъ, ни огорченнымъ, ни обездоленнымъ!»

Изъ ведійскихъ гимновъ видно, что арійцы, разселившіеся въ Пенджабѣ, были раздѣлены на отдѣльныя племена, которыя то враждовали между собою, то вступали въ союзы, чтобы вмѣстѣ сражаться противъ чернокожихъ туземцевъ.

Древніе арійцы устраивали себѣ деревни, иногда даже обнесенныя укрѣпленіями, но настоящихъ городовъ у нихъ еще не было. Жили они большими се-

мьями, не выдѣляя женатыхъ сыновей или замужнихъ дочерей. Женщины у нихъ пользовались уваженіемъ, и бракъ считался священнымъ, а мужъ и жена назывались «правителями дома». Въ древности у арійцевъ господствовало одноженство и лишь черезъ много столѣтій въ Индіи появилось многоженство.

Отецъ или старшій въ роду самъ читалъ молитвы и совершалъ обряды для своей семьи. Тѣ же обязанности отца для цѣлаго племени исполнялъ вождь. Однако во время большихъ торжествъ онъ приглашалъ какого-нибудь знатока обрядовъ, чтобы совершать жертвоприношенія отъ имени всего народа. Дѣлалось это потому, что для торжественныхъ случаевъ существовали особенно сложные обряды, и самъ вождь могъ ихъ не знать.

Арійскія племена уже занимались многими ремеслами. Въ ихъ средѣ были искусные кузнецы, ювелиры, гончары, плотники, кожевники. Они были знакомы съ выдѣлкой желѣза и изготовляли изъ него оружіе и орудія. Землю они обрабатывали желѣзными плугами. Для жилья они строили себѣ дома, а для переѣздовъ — телѣги и лодки. Изъ одной долины въ другую они перекочевывали цѣлыми общинами съ семьями, имуществомъ и рогатымъ скотомъ. Женщины умѣли прясть, ткать и шить.

Въ отличіе отъ чернокожихъ туземцевъ, которые ходили почти нагими, арійцы носили одежду. Она состояла изъ длиннаго халата и плаща. У женщинъ въ ходу были различныя украшенія: браслеты на рукахъ и на ногахъ, золотыя серьги и булавки, ожерелья изъ драгоцѣнныхъ камней. Не только женщины, но и мужчины носили длинные волосы и заплетали ихъ или закручивали. Прическа часто служила отличительнымъ наружнымъ признакомъ, по которому можно было узнать, къ какой семьѣ принадлежитъ человѣкъ.

Отправляясь на войну, древній индусъ надѣвалъ кольчугу, покрывавшую ему плечи и грудь, и шлемъ, защищавшій ему голову. Главнымъ оружіемъ былъ крѣпкій лукъ. Чтобы его натягивать, требовалось боль-

шое напряженіе, которое нерѣдко повреждало связки и мускулы руки, и во избѣжаніе этого руку перевязывали ремнемъ. Стрѣлы употребляли съ роговыми или металлическими и притомъ отравленными наконечниками. Оружіемъ служили также копья, дротики, ножи и топоры. Сражались арійцы съ колесницъ: одинъ правилъ конями, а другой, стоя за нимъ, дѣйствовалъ оружіемъ. По преданію, сами боги не гнушались править колесницей какого-нибудь прославленнаго героя.

Въ мирное время часто устраивались ристалища, т.-е. состязанія въ ѣздѣ на колесницахъ, и это было однимъ изъ любимыхъ народныхъ развлеченій. Въ часы досуга арійцы охотно занимались разными играми; особенно увлекались они игрою въ кости, которая доводила ихъ до гибельныхъ послѣдствій. Нерѣдко какой-нибудь человѣкъ проигрывалъ все свое имущество, семью, дѣтей, наконецъ, даже «себя самого», становясь рабомъ своего счастливаго соперника. Они понимали, что эта страсть ослѣпляетъ, затмеваетъ разумъ, вліяетъ на поступки, и все-таки предавались ей. Въ одномъ изъ гимновъ Риг-Веды пѣвецъ проситъ бога Варуну простить ему грѣхъ и въ свое оправданіе говоритъ:

«Я сдѣлалъ это не по доброй волѣ, о Варуна! Вино, гнѣвъ, игра въ кости и необдуманность ввели меня въ искушеніе».

Арійцы очень любили музыку и примѣняли ее въ различныхъ случаяхъ жизни: отправляясь въ походъ, празднуя радостное событіе, совершая жертвоприношеніе или обрядъ. У нихъ были различные музыкальные инструменты — арфы и лютни, флейты, цимбалы, трубы и барабаны. Очень распространена была также пляска. По описаніямъ арійцевъ даже у боговъ празднества не обходились безъ музыки и танцевъ, а богиня утренней зари считалась искусной танцовщицей. Пѣсни и пляски бывали и на похоронахъ. Похороны происходили по различному обряду: иногда тѣла покойниковъ съ особыми церемоніями погребались въ землѣ, но чаще всего они сожигались на кострѣ

Арійцы вѣрили, что послѣ земной смерти наступаетъ загробная жизнь въ царствѣ бога Ямы, который сидитъ подъ раскидистымъ деревомъ и пируетъ вмѣстѣ съ другими богами и предками. Они вѣрили, что Яма поведетъ умершаго въ свои сіяющіе чертоги, гдѣ не угасаетъ свѣтъ, гдѣ тихо струятся прозрачныя воды, гдѣ исполняются всѣ желанія, гдѣ царитъ вѣчное веселье, радость и счастье. Они думали, что послѣ смерти человѣка его душа остается еще нѣкоторое время на землѣ, пока не будутъ исполнены всѣ обряды, и этимъ обрядамъ придавали особенное значеніе. Поминки совершалъ сынъ, и всякій индусъ боялся умереть бездѣтнымъ, потому что некому будетъ позаботиться о его душѣ.

Сначала арійцы, подобно многимъ другимъ народамъ, страшились смерти, какъ чего-то непонятнаго и таинственнаго. Они опасались, что покойникъ вздумаетъ возвратиться на землю и какъ-нибудь вредить живущимъ. Поэтому они старались «преградить его душѣ путь» — клали на дорогѣ камень, который долженъ былъ изображать высокую, неприступную гору, выливали нѣсколько кружекъ воды, которая представляла глубокую, непроходимую рѣку, или разводили костеръ, который будто бы защищалъ своей огненной стѣной. Сложились и другія суевѣрныя примѣты—затирали, напримѣръ, слѣды ногъ по направленію къ кладбищу, чтобы душа не нашла обратной дороги. Мало-помалу суевѣрный страхъ передъ покойниками смѣнился чувствомъ глубокаго почитанія умершихъ предковъ, которымъ боги за заслуги даютъ безсмертіе. Имъ стали воздавать поклоненіе, приносить жертвы, одежду, ѣду, цвѣты и просить, чтобы они оказывали покровительство своимъ благочестивымъ потомкамъ. Могилы ихъ содержались въ порядкѣ, украшались и на нихъ ставились памятники, которые были первыми религіозными постройками въ Индіи: могильные памятники существовали раньше алтарей и храмовъ.

Въ то время, какъ поселенцы устроились въ рѣчныхъ долинахъ, съ сѣвера продолжали приходить но-

вые племена арійцевъ. Оттѣсняя своихъ предшественниковъ, они заставляли ихъ понемногу подвигаться дальше на юго-востокъ по теченію Ганга и его притока Джамны. Изъ отдѣльныхъ племенъ составилось нѣсколько царствъ, и бытъ арійцевъ, благодаря условіямъ жизни, постепенно измѣнялся. Въ прежнее время глава семьи самъ былъ и земледѣльцемъ, и воиномъ, и жрецомъ. Когда нужно было защищаться отъ враговъ, онъ бросалъ плугъ и брался за оружіе, а для умилостивленія боговъ совершалъ обряды и жертвоприношенія. Обряды дѣлались сложнѣе, количество гимновъ увеличивалось, и заучивать ихъ наизусть становилось все труднѣе и труднѣе. Заучиваніемъ ихъ стали заниматься не всѣ единоплеменники, а отдѣльныя семейства, гдѣ знаніе гимновъ передавалось по наслѣдству. Членовъ этихъ семействъ приглашали совершать обряды или пѣть гимны на полѣ битвы.

Если за гимномъ слѣдовала побѣда, то во мнѣніи вѣрующихъ онъ пріобрѣталъ чудодѣйственную силу. Такіе гимны дѣлались какъ бы семейной собственностью тѣхъ, кто ихъ сочинялъ или зналъ наизусть. Это была могущественная молитва, или такъ называемая *брахма*, а произносилъ ее жрецъ, *брахманъ*. Знатоки гимновъ и обрядовъ заявляли притязаніе на то, чтобы народныя жертвоприношенія поручались исключительно имъ. Желая поднять свое значеніе въ глазахъ народа, они окружали жертвоприношенія особой торжественностью и распредѣляли обязанности между нѣсколькими лицами: одинъ убиралъ и приготовлялъ жертвенную землю, другой воздвигалъ на ней алтарь, третій приносилъ жертвенную пищу, четвертый пѣлъ гимны и т. д., а главный брахманъ наблюдалъ за всѣмъ и исправлялъ ошибки. Понемногу брахманы, или жрецы, выдѣлились въ особое сословіе, и вліяніе ихъ поддерживалось гимнами, гдѣ описывалось ихъ могущество.

«Лишь тотъ царь, передъ которымъ идетъ жрецъ, говорится въ одномъ гимнѣ, — можетъ прочно утвердиться, и передъ нимъ преклонится народъ. Царь,

щедро одаряющій жрецовъ, будетъ побѣждать, боги будутъ ему покровительствовать.

Не только народное, но и домашнее богослуженіе сдѣлалось настолько сложнымъ, что ужъ глава семьи не могъ съ нимъ справиться, и каждая семья приглашала себѣ домашняго жреца. Вслѣдствіе этого число жрецовъ все увеличивалось, и сословіе ихъ разросталось.

По мѣрѣ того, какъ усложнялись обряды, самыя Веды, на которыхъ основано было богослуженіе, не могли уже давать всѣхъ необходимыхъ указаній и справокъ: понадобились болѣе подробныя объясненія и толкованія. Тогда составлены были новыя священныя книги *Брахманы*. Каждая Брахмана служитъ дополненіемъ къ какой-нибудь Ведѣ; поэтому ихъ столько же, сколько и Ведъ, т.-е. четыре. Подобно Ведамъ, онѣ считались божественнымъ откровеніемъ. Веды—это внушенные богами гимны, Брахманы—переданныя богами правила и толкованія богослуженія.

Въ Брахманахъ были изложены подробности жертвоприношеній, которыхъ недоставало въ ведійскихъ гимнахъ; но ни въ тѣхъ ни въ другихъ не говорилось о самой сущности вѣроученія, о томъ, какъ его надо понимать и объяснять. Между тѣмъ потребность въ этомъ чувствовалась все больше и больше, потому что различныя толкованія порождали споры. Въ диспутахъ по богословскимъ вопросамъ принимали участіе не только жрецы, но и міряне. Сами жрецы сохранили преданія о царяхъ, поучавшихъ ихъ, и даже о женщинахъ, принимавшихъ участіе въ спорахъ и приводившихъ самыхъ знаменитыхъ ученыхъ въ затрудненіе своими глубокомысленными доводами. Тѣмъ не менѣе разработкою вѣроученія, главнымъ образомъ, занимались жрецы, и ихъ усилія были направлены къ тому, чтобы отстранить отъ этого всѣхъ другихъ. Они изложили основы, догматы вѣроученія въ особыхъ сочиненіяхъ, которыя носятъ названіе *Упанишадъ* или «наставленій». Упанишады даютъ отвлеченную, теоретическую сторону ученія и составляютъ отдѣлъ умозрительный, философскій.

Еще въ гимнахъ высказывалось вѣрованіе въ то, что жертвоприношенія являются главнымъ условіемъ для правильнаго хода міра: безъ людскихъ молитвъ боги не были бы безсмертными, не могли бы совершать подвиговъ и оказывать благодѣяній своимъ земнымъ поклонникамъ. Это вѣрованіе постепенно развивалось, и на ряду съ жертвоприношеніями получили значеніе и другіе обряды. Во мнѣніи индусовъ подробности церемоніала служили причиной того, что солнце встаетъ на востокѣ и садится на западѣ, что горы покрыты снѣгомъ, что рѣки текутъ къ морю, что жатвы созрѣваютъ раньше всего на югѣ. Такими же причинами они объясняли, почему срубленныя деревья пускаютъ ростки, почему животныя родятся съ костями, почему черепъ имѣетъ швы, почему листья бываютъ зелеными, а цвѣты—пестрыми и т. д. Однимъ словомъ, считалось, что въ самомъ обрядѣ кроется сила, которая можетъ быть обращена на добро или на зло, смотря по тому, правильно ли совершается религіозная церемонія.

Обряды изложены были жрецами въ особыхъ руководствахъ, такъ называемыхъ *Сутрахъ*, представляющихъ обширнѣйшій сводъ церемоній на всѣ случаи жизни. Между прочимъ, Сутры подробно описываютъ домашніе обряды, которые должны совершаться каждымъ человѣкомъ. Въ нихъ все предусмотрѣно: какъ нужно зажигать и поддерживать священный огонь на очагѣ, какъ готовить ѣду, какъ ее вкушать, какъ совершать омовенія, какъ одѣваться и т. п.

Указывая на необходимость точнаго выполненія обрядовъ, Сутры гласили, что малѣйшая ошибка или неточность можетъ причинить смерть. Этимъ внушался страхъ и трепетъ передъ несоблюденіемъ какой-нибудь подробности. Кто же могъ отъ этого предостеречь? Конечно, жрецы, которымъ и надлежало вѣдать большинство обрядовъ. Ихъ обязанности, права и преимущества особенно выдѣлялись, подчеркивались. Съ одной стороны, Упанишады, излагавшія догматы, выработанные преимущественно жрецами, съ другой —

Сутры, доказывавшія, что безъ жрецовъ не могутъ существовать жертвоприношенія и обряды, а слѣдовательно, и міровой порядокъ, возвеличивали ихъ значеніе. Такимъ образомъ постепенно утверждалось могущественное сословіе брахмановъ, которое заняло первенствующее мѣсто.

На ряду съ этимъ образовались и другія сословія. Когда арійцы разселились на востокъ отъ рѣки Инда, то нѣкоторые воины завладѣли большими участками завоеванной земли. Вмѣсто того, чтобъ въ мирное время, какъ прежде, обрабатывать поля собственными руками, они стали поручать это покореннымъ туземцамъ. Сами же воины, или, по санскритскому наименованію, *кшатріи*, всегда готовые къ битвѣ, окружали царя, составляя его свиту и государственную армію.

Во время переселеній арійцамъ приходилось непрерывно воевать, прокладывая себѣ путь по странѣ. Однако, когда войны прекратились, часть народа, сложивъ оружіе, предалась исключительно мирнымъ занятіямъ — земледѣлію, ремесламъ, мѣновой торговлѣ. Земледѣльца ужъ не отрывали отъ плуга, чтобы итти въ сраженіе. Прежде, когда поля лежали на границѣ чужихъ владѣній, ему волей-неволей приходилось отстаивать ихъ съ оружіемъ въ рукахъ. Теперь же внутри обширной страны земледѣльцы, или *вайшіи*, могли безпрепятственно работать, не опасаясь вражескихъ набѣговъ, отъ которыхъ охраняло постоянное войско.

Покоряя себѣ туземныя племена, арійцы иныхъ истребляли, а инымъ даровали жизнь, но зато обращали ихъ въ рабство. Рабы, или *шудры*, никогда не могли освободиться отъ своего зависимаго положенія — неволя ихъ была вѣчной. Господа угнетали ихъ, относились къ нимъ свысока, давали разныя презрительныя и насмѣшливыя прозвища. Принижая чернокожихъ, они издѣвались не только надъ ихъ нравственными качествами, но даже надъ ихъ наружностью. Себя они считали красивыми, богоподобными, а рабовъ, которые принадлежали къ другой расѣ, отличавшейся широкими скулами и приплюснутыми носами, они на-

зывали «курносыми» или «безносыми». Рабы должны были исполнять всю самую трудную и тяжелую работу въ полѣ, въ домахъ и поселеніяхъ. Хозяинъ могъ продать раба, словно вещь. Жизнь его цѣны не имѣла. Высокорожденный брахманъ имѣлъ право убить его безъ зазрѣнія совѣсти, такъ какъ это «все равно, что придушить кошку, лягушку или ворону». Благодаря тому, что шудры считались низкими людьми, имъ не позволяли присутствовать на большихъ всенародныхъ жертвоприношеніяхъ, гдѣ бывало все остальное населеніе.

Такимъ образомъ общество раздѣлилось на четыре сословія. Три изъ нихъ—жрецы, воины и земледѣльцы—составились изъ арійцевъ; къ четвертому относились покоренныя не-арійскія племена. Занятія сословій были разграничены. Брахманы считались жрецами и учеными; они должны были изучать и преподавать Веды, совершать жертвоприношенія и обряды, получая за это дары, и заниматься науками. Кшатріи, какъ воины и дворяне, обязаны были управлять страной, защищать народъ, приносить жертвы черезъ посредство брахмановъ и изучать Веды. Вайшіи призваны были обрабатывать землю, разводить скотъ, заниматься ремеслами и торговлей и подавать милостыню, не упуская при этомъ ни изученія гимновъ ни священныхъ обрядовъ. Брахманы поучали, что богъ Брахма создалъ жрецовъ изъ своихъ устъ, воиновъ — изъ рукъ, а земледѣльцевъ — изъ ногъ, объясняя тѣмъ распредѣленіе ихъ обязанностей. Шудры единственно что могли дѣлать, это — служить тремъ высшимъ сословіямъ.

III.

Касты.—Жизнь и занятія брахмановъ. Свѣтская литература.

Въ каждомъ сословіи занятія передавались по наслѣдству изъ рода въ родъ: кшатрій готовилъ своего сына къ военной службѣ, купецъ пріучалъ своихъ дѣтей торговать. Были даже цѣлыя деревни, въ которыхъ жители занимались однимъ ремесломъ, напри-

мѣръ, гончарнымъ или кузнечнымъ, подобно тому, какъ у насъ (особенно на Волгѣ) до сихъ поръ есть селенія, гдѣ всѣ отъ мала до велика занимаются башмачнымъ дѣломъ, ножевымъ производствомъ и т. д. Односельчанъ соединяло не только общее ремесло, общее занятіе: у нихъ также были одинаковые обряды и церемоніи. Кромѣ того, они старались не смѣшиваться съ другими и заключать браки въ своей же деревнѣ, среди своихъ же земляковъ. И мало-по-малу сословія разбились на отдѣльные замкнутые кружки, которымъ впослѣдствіи было дано названіе *кастъ*. Къ кастѣ принадлежали люди одинаковаго происхожденія, съ одинаковыми занятіями и одинаковыми обрядами.

Число кастъ постепенно увеличивалось. Дѣло въ томъ, что за проступокъ, несоблюденіе обряда или нарушеніе правилъ грозило тяжелое наказаніе: человѣка исключали изъ его касты и никакая другая его къ себѣ не принимала. Такимъ людямъ оставалось только одно—образовать новую касту. Къ этому вели также неравные браки: если родители были изъ разныхъ кастъ, то дѣти не принадлежали ни къ той ни къ другой. При составленіи новой касты принималось въ соображеніе, кто изъ супруговъ былъ знатнѣе. Тѣ касты, гдѣ мужъ по происхожденію былъ выше жены, считались менѣе презрѣнными, чѣмъ тѣ, гдѣ жена была благороднѣе мужа. Самую презрѣнную касту составляли дѣти отъ брака брахманки съ шудрой. Это была каста такъ называемыхъ *чандаловъ*.

Чандаламъ не дозволялось жить въ домахъ и пользоваться какими бы то ни было удобствами. Они должны были ютиться въ пещерахъ или лѣсныхъ чащахъ, далеко отъ людскихъ поселеній, и питаться падалью. Къ человѣку другой касты чандалъ не могъ подойти ближе, чѣмъ на сто шаговъ. Если же случайно его тѣнь падала на кого-нибудь, то это считалось величайшимъ оскверненіемъ, отъ котораго надо было очищаться омовеніемъ и молитвою.

Высокомѣрное отношеніе къ этой кастѣ обрисовано въ индійской баснѣ.

Левъ и Шакалъ.

Приходитъ къ льву шакалъ.

— Отдай за меня свою дочь,—говоритъ онъ.—Она давно мнѣ приглянулась.

Левъ зоветъ дочь.

— За тебя сватается шакалъ,—сообщаетъ онъ ей.

— Какъ!—восклицаетъ она.—Шакалы—это чандалы между звѣрями, а мы, львы, принадлежимъ къ высшей кастѣ. Его сватовство такое оскверненіе, что мнѣ остается только покончить самоубійствомъ.

Выше всѣхъ другихъ стояли касты брахмановъ, которые руководили всѣми дѣлами, не только личными и семейными, но и государственными. Безъ ихъ совѣта и участія не обходилось ни одно событіе. Нужно ли было вспахать поле, снять жатву, открыть лавку, объявить войну, выступить въ походъ, заключить договоръ,—все это рѣшали брахманы. Они считались посредниками между людьми и богами: богамъ они передавали людскія молитвы и жертвы, а людямъ сообщали волю боговъ.

Брахма́ны пользовались величайшимъ почетомъ и дѣлали все, чтобы поднять свое значеніе. Они проводили мысль, что безъ нихъ не могутъ выполняться обряды и церемоніи, необходимые для мірового порядка; они создали священную литературу, которая ихъ возвеличивала и поддерживала ихъ обаяніе въ глазахъ народа. Однако, добиваясь первенства и власти, брахманы, тѣмъ не менѣе, отказались отъ притязаній на царскій престолъ. Съ ихъ стороны это была не болѣе какъ осторожность и дальновидность. Царства образовались непосредственно послѣ крупныхъ завоеваній, которыя совершены были кшатріями; военное сословіе играло тогда большую роль, и изъ его среды выдвинулись царскія фамиліи. Брахманы, какъ умные и прозорливые люди, не рѣшались выступить въ открытую борьбу съ кшатріями, потому что исходъ ея былъ сомнителенъ. Если бы побѣда оказалась на сто-

ронѣ кшатріевъ, имѣвшихъ за собою вооруженную силу, то брахманы упали бы въ глазахъ народа и ужъ не могли бы подняться до прежняго положенія. Они предпочли другой образъ дѣйствій и вмѣсто того, чтобы добиваться царской власти, стали учить, что брахманы выше земныхъ владыкъ, а потому и заслуживаютъ бо̀льшаго уваженія и большихъ почестей, чѣмъ цари.

Съ юныхъ лѣтъ брахманъ, вѣрный обязанностямъ своей касты, изучалъ священныя книги и жертвенные обряды. Къ этому изученію онъ могъ приступить только послѣ посвященія въ касту, которое происходило на девятомъ или десятомъ году его жизни. Посвященіе считалось вторымъ рожденіемъ, и тотъ, кто его получалъ, съ тѣхъ поръ назывался «дважды рожденнымъ». Оно сопровождалось сложными церемоніями, послѣ которыхъ мальчику черезъ лѣвое плечо надѣвался тонкій «священный шнуръ», который онъ долженъ былъ носить всю жизнь.

Для занятій брахманъ обыкновенно поступалъ къ какому-нибудь извѣстному учителю, знатоку Писанія. Обученіе его продолжалось долго: девять, восемнадцать, тридцать шесть лѣтъ, иногда даже всю жизнь. Это вполнѣ понятно, если представить себѣ, какую огромную литературу ему приходилось заучивать. Если онъ ограничивался Ведами и Брахманами, то курсъ былъ короче; но онъ могъ проходить и другія второстепенныя книги, и чѣмъ больше книгъ онъ изучалъ, тѣмъ больше времени затрачивалъ на это.

Брахманъ-ученикъ обязанъ былъ во всемъ повиноваться своему учителю и относиться къ нему съ почтеніемъ и вниманіемъ. Онъ долженъ былъ въ положенные часы совершать омовенія и дѣлать возліянія воды богамъ, вдохновеннымъ мудрецамъ и умершимъ предкамъ. Отъ зари до зари онъ былъ занятъ: за исключеніемъ того времени, которое уходило на обряды и на ѣду, онъ непрерывно учился. Онъ обязанъ былъ вести праведную жизнь, со всѣми кротко обращаться, не обижать живыхъ существъ, воздержи-

ваться отъ гнѣва и жадности, избѣгать ссоръ и пререканій. Кромѣ того, онъ долженъ былъ кое въ чемъ себѣ отказать: не носить обуви, не брать съ собою зонтика, не ѣсть мяса, не пить вина, не играть въ кости, не предаваться никакимъ развлеченіямъ.

Окончивъ ученіе, брахманъ дѣлался домохозяиномъ. Раньше всего онъ женился. Священныя книги точно предписывали, какія требованія надо было предъявлять къ невѣстѣ. «Она не должна имѣть тѣлесныхъ недостатковъ и должна обладать нравственными достоинствами; у нея должно быть красивое имя, она должна ходить, какъ гусыня или какъ молодой слонъ». Первая жена могла быть только изъ брахманской касты, но для остальныхъ это не было обязательно. Съ тѣхъ поръ, какъ стало прививаться многоженство, женщины, пользовавшіяся уваженіемъ у древнихъ индусовъ, были совершенно принижены. Въ семьѣ женщина занимала угнетенное положеніе и всегда должна была кому-нибудь подчиняться: до замужества— отцу, затѣмъ—мужу, а если овдовѣетъ, то старшему сыну. Глава семьи не садился за ѣду вмѣстѣ съ женою или сыновьями, еще не посвященными въ касту, такъ какъ они считались ниже его; ему готовили отдѣльно, и обѣдалъ онъ отдѣльно.

Домохозяинъ-брахманъ долженъ былъ выполнять множество повседневныхъ обрядовъ, а главное—поддерживать на очагѣ священный огонь, который зажигался, когда онъ въ первый разъ переступалъ порогъ своего жилища. Онъ слѣдилъ за порядкомъ въ домѣ и распредѣлялъ всѣ работы между членами семьи. Пуще всего онъ оберегалъ себя отъ оскверненія, стараясь никогда не прикоснуться къ человѣку низшей касты, не дотронуться до нечистаго предмета. Если къ нему въ домъ заходили другіе брахманы, то онъ долженъ былъ привѣтливо встрѣтить ихъ и оказать имъ гостепріимство.

Вырастивъ сыновей, которые могли бы справить погребальныя церемоніи и поминки послѣ его смерти, брахманъ-домохозяинъ считалъ свои семейныя обязан-

ности завершенными. Тогда онъ могъ по своему желанію удалиться въ лѣсъ, захвативъ священный огонь и необходимыя принадлежности для домашнихъ жертвоприношеній, которыя онъ попрежнему долженъ былъ совершать, и дѣлался отшельникомъ. Онъ питался только травами, корнями и плодами и вмѣсто одежды носилъ антилоповую шкуру или кусокъ древесной коры. Въ жару онъ искалъ такого мѣста, гдѣ его немилосердно жгли палящіе лучи солнца; въ дурную погоду простаивалъ по цѣлымъ часамъ съ непокрытой головой подъ проливнымъ дождемъ. Этими лишеніями онъ стремился довести себя до такого состоянія, чтобы все мірское сдѣлалось для него безразличнымъ, чтобы онъ не испытывалъ ни радостей ни горестей.

Іогины.

— Что такое земная жизнь? — говорилъ одинъ брахманскій мудрецъ. — Это древесный сукъ, на которомъ птица проводитъ ночь, но на утро, отдохнувъ, она летитъ дальше.

И отшельникъ добивался того, чтобы ничто его не привязывало къ этой временной, преходящей жизни.

Лѣсной отшельникъ могъ, наконецъ, сдѣлаться странствующимъ нищимъ. Обѣ эти степени не были обязательны для брахмановъ, хотя и приближали ихъ къ желанному спасенію: кто хотѣлъ, могъ до конца

жизни оставаться домохозяиномъ. Странствующій нищій давалъ обѣтъ молчанія, нигдѣ ни съ кѣмъ не заговаривалъ и не отвѣчалъ на вопросы. Переходя съ мѣста на мѣсто, онъ нигдѣ не останавливался дольше, чѣмъ на день, «чтобы мірская суета не закралась въ его сердце». Благочестивые люди считали своимъ долгомъ кормить его. Нищенствующіе брахманы подвергали себя самымъ тяжкимъ истязаніямъ, чтобы убить въ себѣ всѣ желанія и привязанности и сосредоточить помыслы на духовномъ размышленіи. Иной давалъ обѣтъ не опускать руки, которая отъ этого становилась неподвижной, или не разжимать кулака, такъ что ноготь большого пальца прорасталъ насквозь черезъ ладонь и выходилъ наружу. Другой пристально смотрѣлъ на солнце, пока не ослѣпнетъ; третій морилъ себя голодомъ; четвертый удерживалъ дыханіе; пятый наносилъ себѣ раны, которыя онъ постоянно растравлялъ, не давая имъ заживать.

Нищіе, подвергавшіе себя лишеніямъ, чтобы спасти душу, или такъ называемые *іогины*, пользовались большимъ уваженіемъ, даже если они не принадлежали къ кастѣ брахмановъ [1]). По понятіямъ индусовъ вывести человѣка изъ его касты и возвысить могло только умерщвленіе плоти, и многіе къ этому стремились. Кромѣ того, было много людей всевозможнаго происхожденія, званія и занятія, которые, тяготясь кастовыми стѣсненіями, уходили отъ міра и дѣлались отшельниками-аскетами.

Индійское преданіе разсказываетъ, какъ одинъ царь обратился къ богамъ съ моленіемъ даровать ему священный шнуръ брахманской касты. Боги ему отказали. Тогда онъ покинулъ свое царство, удалился въ горы и тысячу лѣтъ стоялъ неподвижно на большомъ пальцѣ ноги. Благодаря такому самоистязанію, онъ получилъ возможность управлять теченіемъ рѣкъ, останавливать приливъ и отливъ моря.

[1]) Іогины и въ настоящее время чрезвычайно многочисленны. Въ Индіи, кромѣ нихъ, есть еще мусульманскіе религіозные нищіе, такъ называемые *факиры*, предающіеся не меньшимъ самоистязаніямъ.

— Возьми себѣ всѣ земныя царства!—воскликнули испуганные боги.

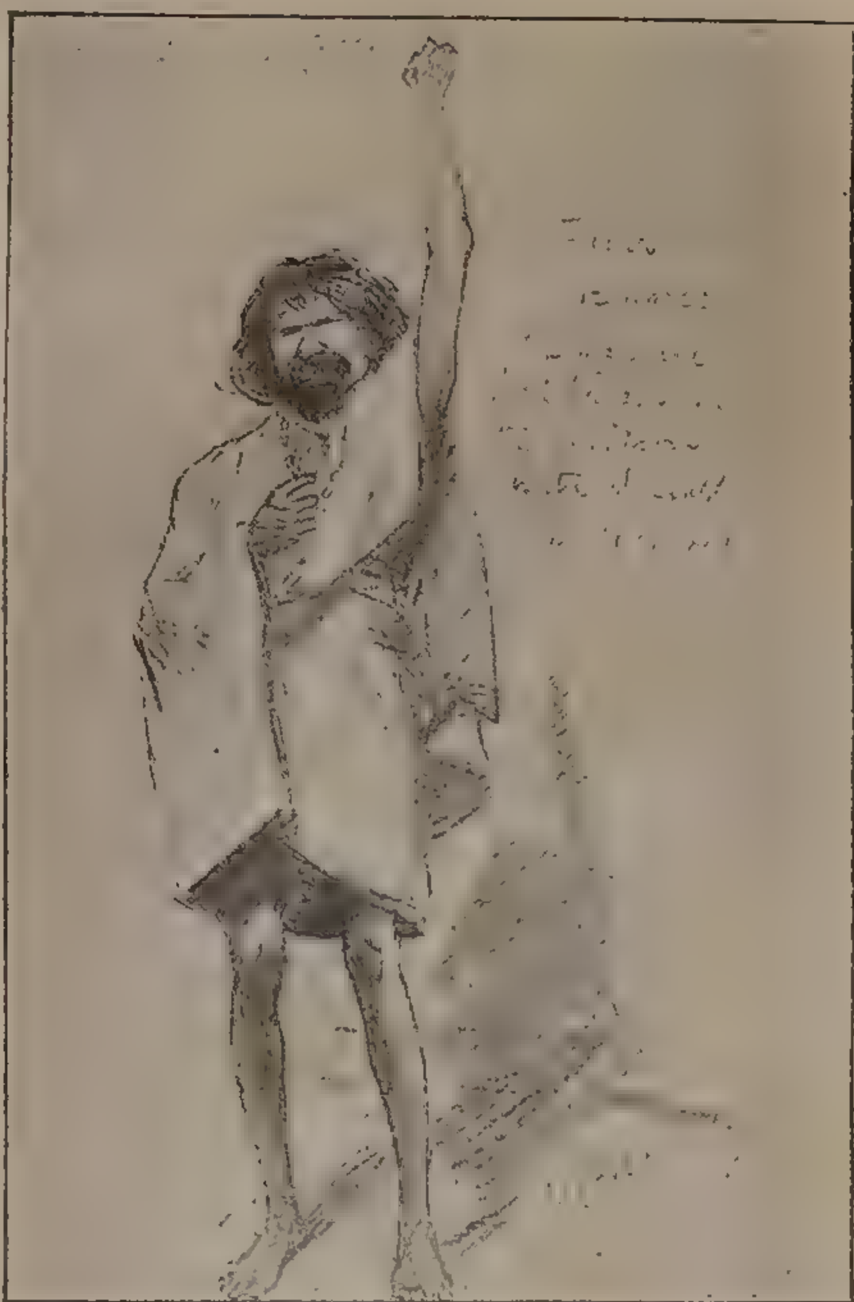
Но аскетъ не шевельнулся.

Прошло еще десять вѣковъ. Онъ пріобрѣлъ такую силу, что могъ управлять движеніемъ солнца и луны. Боги сказали ему:

— Приди въ нашъ сонмъ!

Но іоги не захотѣлъ быть богомъ. Еще тысяча лѣтъ лишеній сдѣлали его владыкой боговъ. Тогда онъ получилъ брахманскій шнуръ.

Это преданіе свидѣтельствуетъ о почтеніи, съ которымъ народъ относился къ аскетамъ, а брахманы считаютъ также, что оно подтверждаетъ ихъ превосходство надъ остальными кастами.

Факиръ изъ Бенареса.

На ряду съ самоистязаніями брахманы ставили себѣ другую цѣль—самообразованіе. Истязая тѣло. лишая его самаго необходимаго, брахманы всѣми силами старались обогатить свой умъ и пріобрѣсти побольше знаній. Они были въ своей странѣ не только жрецами, но также мыслителями, учеными, законодателями и поэтами.

Размышленія привели ихъ къ убѣжденію, что солнце, небо, вѣтеръ, роса не могли быть отдѣльными творцами міра, а все создано единымъ божествомъ. Ему посвященъ одинъ изъ самыхъ красивыхъ гимновъ:

Въ началѣ былъ рожденъ Златой Младенецъ,
То былъ единый сущаго владыка.
Онъ землю утвердилъ и небо.
Какому богу воздадимъ мы жертву?

—

Источникъ духа и податель силы,
Чьему велѣнью всѣ послушны боги,
Онъ тотъ, чья тѣнь есть смерть, чья тѣнь — безсмертье.
Какому богу воздадимъ мы жертву?

—

Въ величьи былъ владыкой онъ единымъ
Всего, что дышитъ, ходитъ или дремлетъ,
Двуногихъ царь, четвероногихъ царь онъ.
Какому богу воздадимъ мы жертву?

—

Тотъ, кѣмъ земля прочна, кѣмъ сильно небо,
Тотъ, коимъ твердь упрочена и солнце.
Кто атмосферу широко раскинулъ!
Какому богу воздадимъ мы жертву?

—

Кого двѣ рати въ трепетѣ сердечномъ
Зовутъ къ себѣ на помощь, уповая,
Кого на небѣ солнце озаряетъ!
Какому богу принесемъ мы жертву?

—

Куда стеклись, огонь рождая, воды,
Великія, чреватыя, оттуда
Воздвигся богъ — единый, животворный!
Какому богу воздадимъ мы жертву?

—

Кто созерцалъ тѣ творческія воды,
Когда онѣ рождали жертвы тайну,
Кто надъ богами богомъ былъ единымъ!
Какому богу принесемъ мы жертву?

(Перев. съ санскр. проф Д. Н. Овсянико-Куликовскаго

Брахманы, однако, не отвергли ведійскихъ боговъ, а лишь признали ихъ за различныя проявленія божественной силы и продолжали попрежнему совершать въ ихъ честь жертвоприношенія и обряды.

Съ теченіемъ времени «сіяющіе боги» древнихъ арійцевъ стали утрачивать прежній обликъ. Разселившись въ восточной части Индо-Гангетической равнины, арійцы встрѣтились съ иными условіями жизни и съ такими грозными явленіями природы, которыхъ имъ прежде не приходилось видѣть. «Сіяющіе боги», которые олицетворяли собою силы природы, были добрыми друзьями индусовъ. Вѣтеръ пригонялъ тучи, которыя проливались дождемъ на нивы; рѣки въ мѣру орошали поля. Все содѣйствовало ихъ благосостоянію. Но развѣ могли тѣ же добрые

Брахма, Вишну и Шива.

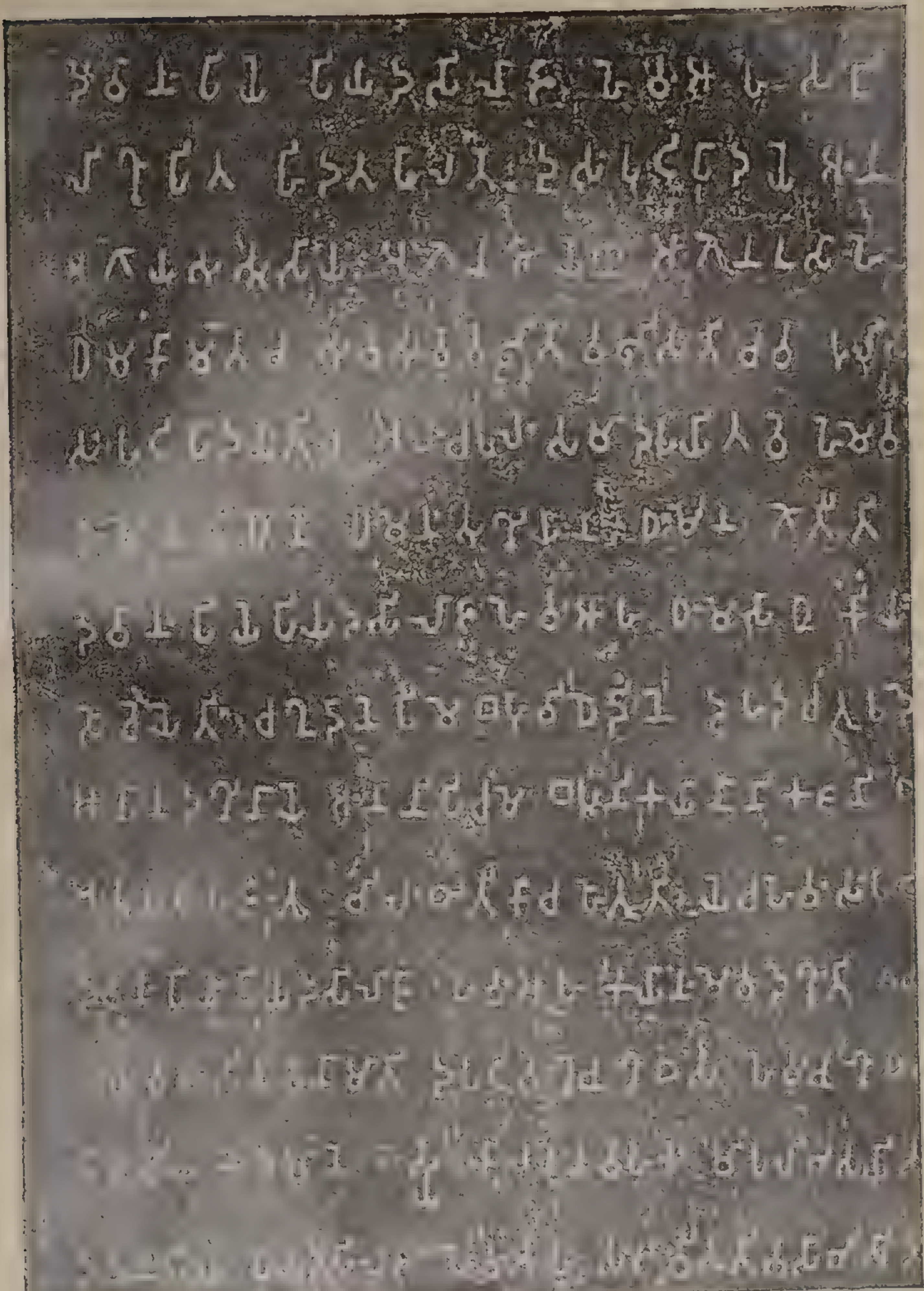
боги управлять грозными ураганами, производившими огромныя опустошенія, и многоводными рѣками, которыя, разливаясь, затопляли цѣлыя области, разрушали цвѣтущія поселенія, заносили иломъ большіе города? Тогда выступило ученіе брахмановъ о существованіи высшаго бога, который имѣетъ три проявленія: Брахма — создатель, Вишну — хранитель и Шива — разрушитель. На изображеніяхъ онъ представленъ, какъ творецъ, хранитель и разрушитель, въ видѣ бюста о трехъ лицахъ, или *тримурти*. Однако ученіе о тримурти не имѣло преобладающаго вліянія. Прежнія божества не только остались на ряду съ высшимъ богомъ, но даже число ихъ увеличилось, такъ какъ къ ихъ сонму были постепенно присоединены божества покоренныхъ народовъ.

Для толкованія религіи въ ея новыхъ измѣненіяхъ понадобились и новыя священныя книги. Веды и Брахманы, Сутры и Упанишады уже оказывались недостаточными. Священная литература еще расширилась. Составлены были такъ называемыя *Араніаки*, или «лѣсныя книги», дававшія указанія для лѣсныхъ отшельниковъ, и *Пураны*, или древнія преданія обо всемъ существующемъ въ мірѣ.

Брахманы глубоко задумывались надъ таинственными явленіями жизни. Когда и какъ сотворенъ былъ видимый міръ, откуда мы сами взялись, куда дѣнемся послѣ смерти, — всѣ такіе вопросы сильно интересовали ихъ, наводили на размышленія, заставляли разсуждать, философствовать. Отвѣты на эти глубокомысленные вопросы они свели вмѣстѣ и получились такимъ образомъ философскія ученія, которыя назывались «зеркалами знанія». Однако вопросы не всѣми брахманами разрѣшались одинаково, и отвѣты получались несходные. Вслѣдствіе этого образовалось нѣсколько философскихъ ученій, или философскихъ школъ, изъ которыхъ каждая имѣла своихъ послѣдователей. Главныхъ школъ было шесть.

Различныя науки въ средѣ брахмановъ получили весьма значительное для того времени развитіе. Индусы раньше всѣхъ другихъ народовъ стали интересоваться наукой о языкѣ и изложили ея основы. Замѣтивъ сходство въ измѣненіяхъ словъ и отдѣльныхъ выраженій, индусы стали ихъ сравнивать и нашли, что существуютъ опредѣленныя правила и законы, которымъ подчиняется человѣческая рѣчь. Эти правила были сведены въ первой санскритской грамматикѣ, составленной за 350 лѣтъ до Р. Х.

Азбука, а съ нею и письменность появилась въ Индіи за нѣсколько вѣковъ до Р. Х. Первоначально санскритскія письмена отличались простотою, но съ теченіемъ времени начертанія ихъ стали гораздо сложнѣе. (См. рис. на стр. 61 и 62). До сихъ поръ существуютъ очень древнія надписи, сдѣланныя на скалахъ, столбахъ и мѣдныхъ доскахъ; однако старин-

Древній санскритскій текстъ.
(Страница [illegible] указа царя Асоки, см. главу VI.)

ныхъ санскритскихъ рукописей сохранилось очень мало. Объясняется это отчасти тѣмъ, что для письма употреблялись очень непрочные матеріалы, на которыхъ иные индусы пишутъ и понынѣ,—береста и пальмовые листья: они настолько хрупки, что не могутъ долго сохраняться. Съ другой стороны, установилось обыкновеніе заучивать книги со словъ. Память у брахмановъ

प्रज्ञाकरमतिकृता
बोधिचर्यावतारपञ्जिका ।

ओँ नमो बुद्धाय[1] ॥

सुगतान् ससुतान् सधर्मकायान्
प्रणिपत्यादरतो ऽखिलांश्च वन्द्यान् ।
सुगतात्मजसंवरावतारं
कथयिष्यामि यथागमं समासात् ॥[2] १ ॥

Санскритскій текстъ болѣе поздней эпохи, когда начертанія буквъ стали сложнѣе.

была необычайно развита, благодаря постоянному упражненію, и для насъ казалось бы невѣроятнымъ удержать въ памяти то, что могъ заучить каждый изъ нихъ.

Многія науки процвѣтали въ Индіи уже въ глубокой древности. Брахманы были основательно знакомы съ астрономіей, знали движеніе свѣтилъ небесныхъ, затменія, фазисы луны. Ихъ календарь былъ составленъ довольно правильно; они опредѣлили солнечный годъ въ 360 дней и, такимъ образомъ, сдѣлали сравнительно незначительную ошибку, которая исправлялась тѣмъ, что каждыя пять лѣтъ вставлялся лишній дополнительный мѣсяцъ. Они тѣсно связывали

астрономію съ религіей. «Планеты и звѣзды сіяютъ съ неба, гдѣ обитаютъ боги, и черезъ нихъ посредство боги передаютъ свою волю», говорили они. Поэтому по движенію свѣтилъ небесныхъ они вычисляли и предсказывали будущее.

Въ математикѣ брахманы также были очень сильны. Между прочимъ, человѣчество обязано имъ изобрѣтеніемъ цифръ для десятичной системы счисленія, которыя теперь употребляются у всѣхъ народовъ. Цифры 1—9 представляютъ упрощенныя формы заглавныхъ буквъ отъ ихъ санскритскихъ названій, а нуль (0) — первую букву санскритскаго слова, означающаго «порожній», «пустой». Арабы позаимствовали у индусовъ эти цифры и привезли ихъ въ Европу, а потомъ уже знакомство съ ними постепенно перешло отъ одного народа къ другому.

Медицина достигла у брахмановъ значительныхъ успѣховъ. Она такъ же, какъ и астрономія, имѣла отношеніе къ религіи индусовъ. Наблюденіе надъ свѣтилами небесными было необходимо для того, чтобы опредѣлить время жертвоприношеній. Жертвенныя животныя должны были разрѣзаться, такъ какъ каждая часть тѣла посвящалась другому богу. Благодаря этому индусы познакомились со строеніемъ тѣла у животныхъ, а эти знанія легли въ основу всей врачебной науки. Они знали, какіе органы находятся внутри тѣла, гдѣ лежатъ мускулы, связки, кровеносные сосуды, нервы. Они открыли цѣлебныя дѣйствія многихъ лѣкарственныхъ травъ и примѣняли ихъ для лѣченія. Многія изъ ихъ лѣкарствъ даже были приняты впослѣдствіи европейскими врачами. Поддержанію здоровья много содѣйствовали строгія правила о чистотѣ и воздержности, предписываемыя религіей. Нѣсколько разъ на день полагалось дѣлать омовенія и полоскать ротъ; нужно было также часто перемѣнять одежду. Ѣда по преимуществу употреблялась растительная, и это тоже имѣло значеніе, такъ какъ мясная пища въ жаркихъ странахъ дѣйствуетъ вредно на здоровье. Брахманы были искусны и въ медицинскихъ операціяхъ: они умѣли вправлять

вывихи, перевязывать переломы, останавливать кровотеченіе, лѣчить раны, отнимать омертвѣлыя части рукъ и ногъ, вырѣзывать опухоли и язвы не только наружныя, но и внутреннія, извлекать глубоко застрявшіе обломки оружія. Они умѣли выдѣлывать хорошіе инструменты для операцій. Неопытной рукой было рискованно дѣлать операцію живому человѣку: какое-нибудь неловкое движеніе, неосторожность, недостаточныя знанія врача могли стоить больному жизни. Поэтому было обращено вниманіе на подготовку молодыхъ операторовъ, хирурговъ. Они упражнялись на разрѣзаніи мертвыхъ животныхъ и на восковыхъ фигурахъ, изображавшихъ человѣческое тѣло. Брахманы умѣли лѣчить не только людей, но и животныхъ, и у нихъ существовали обширныя сочиненія о болѣзняхъ лошадей и слоновъ.

Брахманы смотрѣли на науки, какъ на божественное знаніе, внушенное имъ свыше. Кромѣ астрономіи, математики и медицины, они занимались также разработкой военнаго искусства, музыки и архитектуры. Отцомъ военныхъ знаній считался мудрецъ Вишвамитра, который первый сталъ преподавать ихъ людямъ. Въ музыкѣ арійцы различали семь основныхъ звуковъ и дали имъ названія первыхъ буквъ азбуки. Впослѣдствіи черезъ персовъ и арабовъ это обозначеніе перешло отъ нихъ въ Европу, гдѣ стало примѣняться съ XI вѣка. Архитектура у брахмановъ еще не достигла высокаго развитія, такъ какъ ихъ религія не требовала пышныхъ храмовъ и довольствовалась скромными алтарями. Они ограничивались подражаніемъ другимъ народамъ, и только съ расцвѣтомъ буддизма въ Индіи начали появляться замѣчательныя постройки.

Признавая религію, богословіе и философію своею главною областью, а науки и искусства какъ бы дополнительными спеціальностями, брахманы окончательно упрочили свое верховное вліяніе, благодаря составленнымъ ими же сводамъ законовъ. Еще въ отдаленную старину брахманы извлекли изъ Ведъ нѣкоторыя законоположенія, которыми и руководились.

но главные законы были составлены уже позднѣе. Около Р. X. выработаны были такъ называемые *законыМану*. Брахманы приписывали имъ божественное происхожденіе, утверждая, что ихъ составилъ первый арійскій человѣкъ Ману въ незапамятныя времена. На самомъ же дѣлѣ здѣсь изложены были тѣ обычаи, на которыхъ основывалась семейная и общественная жизнь арійскихъ общинъ въ сѣверной части Индо-Гангетической равнины. Законы Ману, какъ большая часть санскритской литературы, написаны въ стихахъ. Главною цѣлью ихъ было поддерживать значеніе кастъ, которое подрывалось возникшей въ Индіи буддійской религіей. Черезъ нѣсколько вѣковъ, когда буддизмъ пріобрѣлъ большое распространеніе, брахманамъ сдѣлалось еще труднѣе отстаивать свои порядки и тогда для борьбы съ буддійскимъ вліяніемъ они составили еще одинъ сводъ законовъ, извѣстный подъ именемъ *Яджнавалькія*.

Эти своды законовъ предназначались для общинъ брахманскаго устройства и распадались на три отдѣла: 1) семейныя и гражданскія обязанности, 2) судъ, 3) очищенія и епитиміи.

Описывая кастовую систему, они точно разграничиваютъ занятія, присущія каждой кастѣ и передаваемыя въ ней по наслѣдству. Высшимъ кастамъ подъ страхомъ строгаго наказанія запрещается ѣсть, пить, вести дѣла или вступать въ бракъ съ низшими. Низшимъ кастамъ грозитъ еще болѣе суровое наказаніе, если онѣ будутъ осквернять высшія своимъ прикосновеніемъ или какъ-нибудь нарушать ихъ права и преимущества. Законы указываютъ, что въ древнихъ индусскихъ общинахъ существовало подраздѣленіе на жрецовъ, воиновъ и земледѣльцевъ, которые, какъ чистокровные арійцы, получали священный шнуръ и носили почетный титулъ «дважды рожденныхъ» въ отличіе отъ «однажды рожденныхъ» рабовъ. Въ то же время отмѣчается, что отъ смѣшенія этихъ четырехъ главныхъ сословій уже образовалось цѣлое множество промежуточныхъ кастъ.

Распространяя свое вліяніе къ востоку и югу Индо-Гангетической долины, брахманы вносили туда и свои законы. Постепенно прибавлялись и новые законы. Нѣкоторые изъ нихъ имѣли значеніе только для одной какой-нибудь мѣстности. По мѣрѣ того, какъ брахманы подчиняли себѣ новыя племена, уже этихъ законовъ оказалось недостаточно. Позднѣйшіе индусскіе законодатели, подтверждая значеніе кастъ, въ то же время признавали мѣстные обычаи, которые господствовали въ различныхъ частяхъ страны у различныхъ покоренныхъ племенъ и народовъ. Такимъ образомъ брахманское законодательство, какъ и брахманская религія, пополнялось позаимствованіями отъ менѣе цивилизованныхъ народовъ, подпавшихъ подъ власть арійцевъ.

Немудрено поэтому, что законы допускали величайшее разнообразіе во всѣхъ областяхъ какъ семейной, такъ и общественной жизни. Они терпѣли и многоженство, развивавшееся среди арійцевъ, и многомужіе одного изъ полудикихъ племенъ. Они признавали и бродячихъ пахарей, переходившихъ съ мѣста на мѣсто, и помѣщиковъ, которые черезъ цѣлую цѣпь посредниковъ сдавали свою землю въ аренду крестьянамъ. Подъ ихъ покровительствомъ существовали различныя ремесла и занятія; допускались общества промышленныхъ людей на всѣхъ ступеняхъ развитія, начиная отъ варварскихъ охотничьихъ племенъ и до сложныхъ, благоустроенныхъ купеческихъ гильдій.

Индусскіе законодатели объясняли, почему необходимо считаться съ обычаями и порядками разнообразнаго населенія. Одинъ индусскій мудрецъ сказалъ: «Законы различныхъ странъ, кастъ и племенъ должны быть сохранены, чтобы народъ не волновался». Другой мудрецъ выразился такъ: «Каковы бы ни были боги, каковы бы ни были обычаи и законы страны, ихъ нельзя презирать». Третій опредѣлилъ: «Раньше всего надо присмотрѣться къ обычаямъ страны и что тамъ принято, то надлежитъ дѣлать». Однако масса противорѣчивыхъ обычаевъ затрудняла примѣненіе за-

кона, и онъ требовалъ толкованій, за которыми необходимо было обращаться къ брахманамъ.

Священныя книги, философія, наука, законы древней Индіи сосредоточивались въ рукахъ брахмановъ, но этимъ еще не ограничивалась ихъ роль: они были также создателями и хранителями обширной свѣтской литературы. Чтобы обезпечить себѣ первенство и здѣсь, они выводили происхожденіе литературы, какъ и всѣхъ отраслей знанія, отъ Ведъ. Сильно имъ помогло то обстоятельство, что ужъ въ глубокой древности образовалась большая разница между разговорнымъ и литературнымъ языкомъ Индіи, и послѣдній сдѣлался достояніемъ не всего народа, а лишь образованныхъ людей: по образованію же съ брахманами никто не могъ соперничать.

Въ двухъ большихъ поэмахъ Махабхаратѣ и Рамаянѣ они повѣдали міру о жизни древнихъ арійцевъ, объ ихъ войнахъ и подвигахъ ихъ героевъ. Это самыя обширныя поэмы въ мірѣ: одна Махабхарата имѣетъ 220 тысячъ строкъ.

И Махабхарата и Рамаяна описываютъ эпоху арійскихъ завоеваній въ Индо-Гангетической равнинѣ. Въ первой изъ нихъ изложены преданія одного изъ западныхъ царствъ, близъ нынѣшняго Дели, а во второй—преданія одного изъ восточныхъ царствъ, на мѣстѣ котораго теперь находится провинція Аудъ. Въ обѣихъ поэмахъ основнымъ содержаніемъ служитъ борьба за престолъ, изъ-за которой происходятъ интриги, столкновенія, междоусобицы. Съ этимъ переплетается описаніе вѣрованій и обрядовъ, нравовъ и характерныхъ обычаевъ, напримѣръ, состязанія въ стрѣльбѣ изъ лука, «великаго конскаго жертвоприношенія», игры въ кости, жизни отшельниковъ въ лѣсу и т. д., а также войнъ съ чернокожими туземцами, которые выведены то подъ видомъ демоновъ, то подъ видомъ обезьянъ и медвѣдей.

Долгое время эти поэмы передавались устно по частямъ, а потомъ были сложены въ одно цѣлое искусными собирателями. Каждое поколѣніе дѣлало

новыя дополненія и поправки въ сказаніяхъ и старалось приспособить ихъ къ духу, религіознымъ вѣрованіямъ и культурѣ своего времени. Вслѣдствіе этого поэмы не только безмѣрно разрослись въ объемѣ, но также подверглись значительнымъ измѣненіямъ относительно языка, формы и понятій. Кромѣ того, въ нихъ были вставлены многія религіозныя и нравственныя поученія. Въ уста героевъ были вложены рѣчи о войнѣ и объ обязанностяхъ военной касты, направленныя къ тому, чтобъ доказать превосходство брахмановъ надъ кшатріями. Эти добавленія, очевидно, были внесены уже впослѣдствіи, когда началась борьба между кастами.

Великія индійскія поэмы, созданныя задолго до Р. Х., являются одними изъ интереснѣйшихъ произведеній человѣчества. Развиваясь въ теченіе долгаго ряда вѣковъ, онѣ отразили въ себѣ нравственный и умственный уровень развитія создавшаго ихъ даровитаго народа. Богатое воображеніе въ изобиліи прикрасило всѣ происшествія чудесными подробностями, невѣроятными приключеніями, вмѣшательствомъ сверхъестественныхъ силъ. Если откинуть весь фантастическій элементъ и разсматривать только описаніе дѣйствительной жизни, то раньше всего нельзя не изумляться чуткости арійцевъ къ красотамъ природы. Картины природы у нихъ въ высшей степени правдивы и ярки. Вотъ, напримѣръ, отрывокъ:

«Посмотри, какъ разнообразны птицы, которыя населяютъ эту гору, украшенную высокими гребнями. Однѣ изъ нихъ похожи на серебряные пучки, другія—на кровь; эти своими красками напоминаютъ марену или опалъ, а тѣ—чистѣйшій изумрудъ. Однѣ словно покрыты ковромъ молодого дерна, другія блещутъ какъ брильянты, играющіе на солнцѣ. Взгляни на эти деревья, поломанныя борьбою слоновъ; посмотри, какія смолистыя слезы они льютъ; со всѣхъ сторонъ сверчки поютъ свои длинныя грустныя пѣсни. Послушай эту птичку, которая изъ любви къ своимъ птенцамъ щебечетъ: «сынъ, сынъ!... сынъ, сынъ!

какъ нѣкогда говорила сладкимъ и жалобнымъ голосомъ моя мать. Вотъ еще одна обитательница воздушнаго царства—птица-муха. Усѣвшись на могучія плечи величественнаго дуба, она тоже принимаетъ участіе въ общемъ хорѣ и отвѣчаетъ призыву кукушки...»

Очень интересно описана въ поэмахъ бытовая сторона, воскрешающая передъ нами древнюю жизнь индійскихъ царствъ. Но едва ли не важнѣе всего выведенные типы людей, въ которыхъ преобладающею чертою является достоинство личности. Правда, область ихъ чувствъ ограничена тѣснымъ семейнымъ кругомъ, родительской, сыновней, супружеской любовью, однако привязанность къ семьѣ иногда доходитъ до героизма и самопожертвованія. Зато нѣтъ никакихъ слѣдовъ болѣе возвышенныхъ и широкихъ чувствъ—гуманности, патріотизма, любви къ справедливости и т. д. Подъ гнетомъ господствовавшаго въ Индіи деспотическаго управленія и религіознаго строя эти чувства и не могли развиваться такъ же, какъ не развивались наблюдательныя науки и исторія. Народъ былъ слишкомъ слабъ, чтобы свергнуть это двойное иго, и всецѣло погрузился въ занятія философіей и математикой, вполнѣ безобидныя для царей и жрецовъ.

Кромѣ упомянутыхъ обширныхъ поэмъ, существуютъ еще и другія, которыя уступаютъ имъ и по размѣру и по достоинствамъ. Хроника царствованій и подвиги героевъ въ нихъ смѣняются легендами о богахъ. Малыя поэмы появились уже значительно позже Махабхараты и Рамаяны, и наилучшія изъ нихъ приписываются знаменитому поэту Калидасѣ, жившему въ первомъ вѣкѣ до Р. Х.

Калидаса прославился не столько своими поэмами, сколько драматическими произведеніями. Онъ былъ въ полномъ смыслѣ слова отцомъ индійской драмы. Въ Индіи сценическія представленія существовали уже въ глубокой древности. Начало они вели отъ священныхъ пѣсенокъ, которыми сопровождались ведійскія жертво-

приношенія. Пляски смѣнились пантомимой, т.-е. представленіемъ жестами, знаками, безъ словъ и, наконецъ, позже разговорами въ лицахъ.

Драмы Калидасы отличаются такой правдивостью и художественностью, въ нихъ видно такое знаніе человѣческаго сердца, что многія изъ нихъ могутъ съ интересомъ читаться и до сихъ поръ. Лучшая между ними—«Сакунтала или Узнанная по кольцу». Героиня этой драмы Сакунтала представляетъ типъ цѣломудренной и вѣрной индусской жены, и народъ ужъ около двухъ тысячелѣтій умиляется надъ ея любовью и страданіями.

Послѣдующіе драматурги во многомъ подражали Калидасѣ, но не могли сравниться съ нимъ по талантливости, и ихъ произведенія никогда не занимали такого виднаго положенія. Очень часто для своихъ драмъ они заимствовали содержаніе изъ какой-нибудь отдѣльной части Махабхараты или Рамаяны.

Народная мудрость индусовъ отразилась въ многочисленныхъ басняхъ и сказкахъ. Уже въ глубокой древности у нихъ были басни о животныхъ, въ которыхъ любимыми дѣйствующими лицами являлись тигръ и шакалъ такъ же, какъ у насъ волкъ и лиса. Особенности каждаго звѣря были тонко подмѣчены, и подъ видомъ животныхъ выводились люди со всѣми ихъ достоинствами и недостатками. Для примѣра мы приводимъ одну индійскую басню:

Шакалъ на царствѣ [1]).

Одинъ шакалъ бродилъ около города и случайно упалъ въ бочку съ разведеннымъ индиго. Онъ никакъ не могъ оттуда выбраться и потому рѣшилъ притвориться мертвымъ, на случай если кто-нибудь придетъ. Въ такомъ видѣ утромъ его засталъ владѣлецъ бочки, который вытащилъ его и бросилъ на большой дорогѣ. Шакалу удалось благополучно добраться до лѣсу.

[1]) Сборникъ „Хитопадеса“, кн. 3, № 6.

Оглядѣвшись, онъ увидѣлъ свою новую окраску и подумалъ:

«Вотъ теперь какой я важный! Отчего бы мнѣ не добиться высокаго положенія!»

Онъ созвалъ другихъ шакаловъ и обратился къ нимъ съ такой рѣчью:

— Боги собственноручно соками всѣхъ существующихъ травъ помазали насъ на царствованіе и господство въ лѣсу. Взгляните на нашъ цвѣтъ! Отнынѣ лѣсъ будетъ управляться нашими распоряженіями!

Шакалы присмотрѣлись къ его цвѣту, почтительно поклонились и отвѣтили:

— Повинуемся вашему величеству!

Онъ сталъ владыкою всѣхъ лѣсныхъ звѣрей. Его окружали тигры, львы и другіе благородные царедворцы, но шакаловъ онъ стыдился и, наконецъ, совсѣмъ прогналъ ихъ отъ себя. Это ихъ очень возмутило. Тогда одинъ престарѣлый шакалъ сказалъ утѣшительное слово:

— Не огорчайтесь тѣмъ, что этотъ дуракъ насъ презираетъ. Мы вѣдь знаемъ его слабую струнку! Скоро онъ перестанетъ куражиться, вотъ увидите. Надо только сорвать съ него личину, а то тигръ и другіе введены въ заблужденіе его цвѣтомъ. Они признаютъ его царемъ, такъ какъ не подозрѣваютъ, что онъ шакалъ. Вотъ что мы сдѣлаемъ. Въ сумерки соберитесь всѣ поблизости отъ него и разомъ начните выть. Когда онъ услышитъ вой, то въ силу своей натуры невольно присоединится къ вамъ. Тигръ узнаетъ его по голосу и убьетъ.

Они послѣдовали совѣту мудраго шакала, и все совершилось такъ, какъ онъ предсказалъ.

Многія индійскія сказанія перешли въ европейскія страны, и гдѣ-нибудь въ Италіи, Франціи, Англіи или Россіи можно услышать ту же исторію, которая разсказывается на берегахъ Ганга, только подъ другимъ названіемъ и съ нѣсколько измѣненной обстановкой.

Тутъ и отважный горшечникъ, очень напоминающій храбраго портняжку, и Харисарманъ, кудесникъ по случайности, совершающій подвиги, какъ Иванушка-дурачокъ, и еще много нашихъ знакомцевъ. Мы найдемъ и извѣстный всему міру разсказъ о молочницѣ, но въ немъ дѣйствующимъ лицомъ является не дѣвушка, а мужчина. Вотъ онъ:

Кули [1]).

Несъ кули [2]) на головѣ горшокъ съ масломъ. Купилъ у него масло за два пайса купецъ и говоритъ:

— Отнеси горшокъ въ мою лавку!

Понесъ кули горшокъ въ лавку.

Сталъ разсуждать: «Далъ мнѣ купецъ два пайса; куплю я на два пайса курицу; продамъ курицу, куплю козу. Какъ будутъ отъ нея козлята, куплю корову. Корова будетъ молоко давать, стану молоко продавать и куплю буйвола; много будетъ молока, стану продавать молоко и сметану. Наберу много рупи [3]). Построю домъ; какъ выстрою домъ, такъ женюсь. И будутъ у меня дѣти, и станутъ они мнѣ говорить: «Батюшка, дай намъ ѣсть!»

Потрясъ онъ тутъ головою, и говоритъ:

— А я имъ скажу: «молчите, отстаньте!»

Затрясъ онъ опять головой. Упалъ горшокъ и разбился. Было ему большое горе. Вотъ пришелъ онъ къ купцу.

Говоритъ ему купецъ:

— Ты, зять [4]), зачѣмъ горшокъ разбилъ?

— А ты, зять,—отвѣчалъ кули,—зачѣмъ разорилъ все, что я настроилъ, всю мою семью?

Пошли они къ царю судиться.

— Какъ ты разбилъ горшокъ?—спросилъ царь.

---

[1]) Изъ книги проф. И. П. Минаева „Индійскія сказки и легенды, собранныя въ Камаонѣ". Спб. 1876.

[2]) Кули,—рабочій.

[3]) Индійская монета.

[4]) Назвать зятемъ посторонняго человѣка считается великимъ оскорбленіемъ.

— Задумался я, великій царь, и покачалъ головою, горшокъ упалъ и разбился. Теперь таково мое желаніе: разстроилъ его горшокъ всю мою семью, такъ пусть же онъ состроитъ!

Разсмѣялся царь и прогналъ кули.

Однако не объ однихъ нашихъ знакомцахъ говорится въ индійскихъ сказкахъ. Въ нихъ являются неслыханные нами богатыри, которые совершаютъ чудесные подвиги и переживаютъ разнообразныя приключенія. Народное воображеніе такъ работаетъ, что для него даже въ наши дни міръ сказочный почти что сливается съ міромъ дѣйствительнымъ. Дивная природа Индіи живетъ въ фантастическихъ образахъ, и съ каждой горой или рѣкой связаны легенды, полныя силы и яркости. Примѣромъ можетъ служить сказаніе о горныхъ великанахъ, стоящихъ на стражѣ Индіи съ сѣверной стороны.

Гвашбрари и Вестерванъ [1]).

Это было давно, и міръ тогда еще былъ юнъ, тотъ міръ, который теперь уже старъ. И все было не такъ, какъ теперь, и великій Вестерванъ былъ царемъ надъ горами. Высоко, высоко поднимался онъ надъ всѣмъ, что было вокругъ него. И тучи ложились плащомъ на его плечи, а глава стояла гордо и одиноко въ синемъ небѣ. Надменный, онъ взиралъ только на солнце и звѣзды. И темною ночью звѣзды сіяли вѣнцомъ вокругъ его головы.

Зависть и злоба закрались въ сердце окрестныхъ горъ: онѣ гнѣвались и негодовали на презрѣніе Вестервана. Одна дивная Гвашбрари, холодная и сіяющая среди льдовъ, молчала, наслаждаясь своей красотой.

[1]) Изъ предисловія акад. С. Ѳ. Ольденбурга къ книгѣ О. М. Коржинской: „Индійскія сказки". Спб. 1908.

Однажды, когда Вестерванъ окутался тучами и скрылся изъ глазъ, окрестныя горы повели опять свои злобныя рѣчи.

И съ презрѣніемъ сказала имъ красавица Гвашбрари:

— Чего вы только спорите и негодуете? Гордъ великій Вестерванъ, и главу его вѣнчаютъ звѣзды, но самъ онъ, ноги его здѣсь, въ землѣ, изъ земли, какъ и мы. Въ немъ только немного больше земли, вотъ и все.

— Такъ чего жъ онъ гордится? Кто сдѣлалъ его царемъ среди насъ?

Улыбнулась красавица Гвашбрари, улыбнулась нехорошей улыбкой:

— Кто сдѣлалъ его царемъ? А вы сами. Для меня онъ не царь, даже въ вѣнцѣ изъ звѣздъ. Я его царица.

И горы кругомъ засмѣялись, ибо ниже всѣхъ ихъ была Гвашбрари.

— Подождите! Не встанетъ еще завтра солнце, а у ногъ моихъ будетъ лежать Вестерванъ.

И вновь засмѣялись насмѣшливо горы, но красавица Гвашбрари не смѣялась и не говорила.

И весь длинный лѣтній день она сіяла и улыбалась. Солнце стало заходить и, какъ чары, розовыя чары, легли лучи его на весь міръ. И блѣдная Гвашбрари вспыхнула, точно блестѣла красотой и любовью.

И увидѣлъ высокій Вестерванъ это сіяніе и обернулъ онъ свой надменный взоръ туда, внизъ, въ долины, и глядѣлъ, глядѣлъ въ нѣмомъ изумленіи на дивную красоту.

Ниже спустилось солнце, и еще ярче зардѣлась красавица Гвашбрари, будто отъ взора великаго царя горъ. И по долинамъ пронесся крикъ:

— Гвашбрари, поцѣлуй меня или я умру.

Пораженныя стояли горы кругомъ и молчали, а отзвукъ переносилъ слова изъ долины въ долину.

И улыбнулась Гвашбрари и отвѣтила:

— Какъ быть тому, ты высокъ безконечно, царь, а я такъ низка? Какъ мнѣ достичь твоей вѣнчанной звѣздами главы?

И вновь раздался тотъ же крикъ Вестервана.

И красавица съ ледянымъ сердцемъ Гвашбрари чарующимъ шопотомъ дала свой отвѣтъ:

— Ты любишь меня, наклонись ко мнѣ и поцѣлуй меня.

Ниже и ниже наклонился онъ, пока не легъ къ ногамъ Гвашбрари. Но солнце сѣло, и попрежнему, какъ всегда холодная и надменная, стояла красавица Гвашбрари—и у ногъ ея лежалъ развѣнчанный навсегда великій Вестерванъ, а на небѣ сіялъ его звѣздный вѣнецъ.

IV.

Будда, его жизнь и ученіе.

Число индусовъ, удалявшихся отъ міра и уходившихъ въ пустыни или въ горы, все увеличивалось. Уходили знатные и простые, бѣдные и богатые, старые и молодые, иногда даже брали съ собою женъ и дѣтей. Отшельники стали селиться не только въ одиночку, но и цѣлыми общинами. Обыкновенно, они расчищали и расширяли какую-нибудь природную пещеру, украшали ее священными изображеніями и устраивали въ ней алтарь, а кругомъ нея выкапывали маленькія кельи. Такъ положено было начало «пещернымъ» храмамъ въ Индіи.

Одни удалялись отъ міра изъ-за жизненныхъ неудачъ. Другихъ тяготили кастовыя ограниченія, изъ которыхъ они искали какого-нибудь выхода. Третьи, наконецъ, жаждали избавиться отъ той цѣпи переселеній, которую имъ сулили брахманы.

Брахманы говорили, что душа по смерти одного существа переселяется въ другое. Согласно ихъ ученію, за заслуги душа послѣ многихъ возрожденій въ той же кастѣ могла перейти въ человѣка высшей касты. И обратно, за проступки душа несла наказа-

ніе и переходила нетолько въ людей низшихъ кастъ, но даже въ животныхъ и въ неодушевленные предметы. Слѣдующее возрожденіе иногда всецѣло зависѣло отъ того, какое прегрѣшеніе было совершено.

«Люди, наносящіе другимъ оскорбленія, дѣлаются плотоядными животными», учили брахманы. «За кражу зерна человѣкъ превращается въ крысу, за кражу мяса — въ ястреба» и т. д.

Отшельники искали способа достигнуть высшаго блаженства, которое положитъ конецъ переселеніямъ ихъ души. Они ждали, что явится великій учитель Будда (просвѣтленный), который научитъ ихъ, какъ этого достигнуть, а пока сами видѣли только единственный путь къ спасенію — умерщвленіе плоти.

Подвергая себя всевозможнымъ лишеніямъ, изнуряя тѣло, размышляя по цѣлымъ часамъ, иной іоги, сидѣвшій неподвижно съ костылемъ подъ мышкою, вдругъ вскакивалъ и восклицалъ: «Я Будда!» Послѣ долгихъ размышленій онъ начиналъ по-своему понимать, въ чемъ должно искать спасенія, и считалъ себя осѣненнымъ свыше. Взволнованный, съ горящимъ взоромъ онъ принимался проповѣдывать. Женщины, слушая его, рыдали, юноши падали ницъ, грѣшники били себя въ грудь, и только старики недовѣрчиво качали головою. Увѣровавшіе въ него люди всюду сопровождали его. Окруженный своими приверженцами, онъ переходилъ изъ деревни въ деревню, изъ города въ городъ, поучая и наставляя народъ. Такіе странствующіе отшельники положили начало видоизмѣненнымъ ученіямъ, *сектамъ*. Сектанты въ общихъ чертахъ вѣрили тому же, чему учили брахманы, но отличіе заключалось въ какихъ-нибудь частностяхъ.

Не всѣ, однако, дѣлались послѣдователями новаго проповѣдника; иные не признавали его. Одни считали, что истинный Будда уже былъ раньше и составляли цѣлые легендарные разсказы о немъ; другіе еще ожидали его пришествія.

Въ Индіи насчитываютъ много проповѣдниковъ, но величайшимъ между ними былъ Гаутама Будда,

жившій въ шестомъ вѣкѣ до Р. Х. и положившій начало новой религіи, которая пріобрѣла огромное распространеніе и по его имени была названа *Буддизмомъ*.

Преданіе окружило жизнь Будды легендами, подчасъ очень красивыми и поэтичными[1]). Мы приведемъ лишь нѣкоторые отрывки изъ нихъ.

Тримурти въ брахманскомъ пещерномъ храмѣ.

Къ сѣверу отъ нынѣшняго Бенареса лежало царство, въ которомъ правилъ родъ Шакіевъ (Сильныхъ) Въ семьѣ царя Шуддходаны родился сынъ по имени Гаутама. Онъ былъ истиннымъ Буддою, и потому его рожденіе сопровождалось разными чудесными знаменіями. Земля задрожала, съ неба разлился ослѣпительный свѣтъ; слѣпые прозрѣли, нѣмые заговорили, глухіе стали слышать, хромые начали ходить, на узникахъ сами собою свалились цѣпи.

Черезъ недѣлю послѣ рожденія Гаутамы мать его тихо, безъ страданій умерла. Царь поселилъ своего сына въ чудномъ дворцѣ, которому не было равнаго по великолѣпію, и окружилъ его роскошью, богатствомъ, развлеченіями. Одного только онъ не позволилъ царевичу — выходить за черту дворцовыхъ владѣній.

---

[1]) Легенды о Буддѣ очень интересно изложены въ поэмѣ *Э. Арнольда* «Свѣтъ Азіи». Есть ея переводъ на русскій языкъ въ прозѣ А. Анненской, подъ редакціей Б. Лесевича, и въ стихахъ — Федорова. Вскорѣ переводъ Федорова долженъ выйти въ новомъ роскошно иллюстрированномъ изданіи.

«Такимъ образомъ сынъ мой никогда не узнаетъ свѣта, — думалъ царь, — и не станетъ сокрушаться о горестяхъ существованія».

Царевичъ выросъ и сдѣлался блестящимъ воиномъ. На одномъ турнирѣ онъ оказался побѣдителемъ и получилъ обѣщанную награду — руку прекрасной царевны Яшодхары. Его, однако, очень томила невозможность выйти изъ дворца. Онъ хотѣлъ бы повидать, какъ живутъ другіе люди, услыхать отъ нихъ самихъ, какіе у нихъ интересы, что ихъ занимаетъ.

Замѣтивъ, что онъ загрустилъ и затосковалъ, царь позволилъ ему выѣхать, но принялъ мѣры, чтобъ онъ не увидалъ чего-нибудь печальнаго.

Городъ былъ разукрашенъ по-праздничному. Улицы тонули въ зелени и цвѣтахъ. Царевичъ ѣхалъ на золотой колесницѣ, въ которую была запряжена четверка бѣлоснѣжныхъ лошадей съ черными гривами. Его сопровождала большая свита: придворные, тѣлохранители, охотники, карлики, шуты, танцовщицы.

Народъ въ бѣлыхъ одѣяніяхъ толпился на улицѣ. Всѣ любовались красотою царевича, благородствомъ его осанки, изяществомъ движеній. А онъ смотрѣлъ на веселыя лица и думалъ, что хорошо жить на свѣтѣ.

Однако тщетно царь удалялъ съ его пути то, что могло бы какъ-нибудь пробудить грустныя чувства. Изъ толпы отдѣлился старикъ нищій и подошелъ къ колесницѣ, протягивая руку за милостыней.

Лошадьми правилъ придворный Чандака. Царевичъ спросилъ у него:

— Скажи, кто этотъ человѣкъ, который ходитъ съ трудомъ, опираясь на палку? Волосы у него бѣлы, какъ снѣгъ; глаза глубоко впали; ноги подкашиваются; руки висятъ, какъ плети. Что съ нимъ случилось?

— Владыка!—отвѣтилъ придворный.—Этого человѣка сразило время, то самое время, которое похищаетъ красоту, разрушаетъ силу, уничтожаетъ радость. Онъ тоже когда-то былъ ребенкомъ, а мать нянчила его и учила ходить. Постепенно ребенокъ превратился во взрослаго, а взрослый—въ старика.

— Значитъ и я когда-нибудь буду старикомъ?— съ тревогой въ голосѣ спросилъ Гаутама.

— Если боги пошлютъ моему владыкѣ долгіе дни, то мой владыка тоже долженъ будетъ состариться.

Царевичъ глубоко вздохнулъ и покачалъ головою. Онъ посмотрѣлъ на старика, на веселую толпу и сказалъ:

— Всѣмъ угрожаетъ старость, но, повидимому никто объ этомъ не думаетъ. Другъ, вернемся во дворецъ. Съ сегодняшняго дня сердце мое ужъ не будетъ радоваться.

Царевичъ сталъ сторониться отъ веселья. Неотвязная мысль не давала ему покоя. Чело его было мрачно, и взоръ устремленъ въ пространство. Встревоженный царь позволилъ ему выѣхать во второй разъ, думая, что это его развлечетъ. Въ то время, какъ Гаутама проѣзжалъ по разукрашенному городу, его вниманіе привлекъ какой-то незнакомецъ.

— Скажи, что это за худой и блѣдный человѣкъ? — спросилъ онъ у Чандаки. — Онъ дрожитъ, цѣпляется своими худыми руками за другихъ и что-то бормочетъ.

— Это больной, государь.

— Неужели же всѣ люди могутъ быть больными?

— Увы! всѣ, государь.

При этихъ словахъ Гаутама задрожалъ, какъ отраженіе луны на зыби рѣки.

— Какъ!—воскликнулъ онъ.—Они видятъ такія страданія, и сердце ихъ не смущается? Поверни обратно, я поѣду во дворецъ.

Царевичъ и въ третій разъ получилъ позволеніе посѣтить городъ. Опять дома были разукрашены, и опять толпа наполняла улицы. Вдругъ лошади заржали, и колесница остановилась. Мимо шли чандалы, несшіе покойника.

— Послушай, другъ,—сказалъ Гаутама.—Кто этотъ человѣкъ съ блѣднымъ, неподвижнымъ лицомъ? Грудь его не вздымается, губы не шевелятся. Сзади идутъ его друзья и плачутъ.

Чандака не хотѣлъ было отвѣчать, но его уста заговорили помимо его воли:

— Царевичъ! Это пронесли мертвеца. Онъ больше не видитъ, не слышитъ, не понимаетъ. Теперь онъ подобенъ гнилому бревну. Даже самые близкіе друзья должны его покинуть.

— И всѣ умираютъ?

— Всѣ, государь.

— Какъ! Всѣхъ ждетъ смерть, и никто объ этомъ не думаетъ? Неужели сердце человѣческое до того черство, что не способно отзываться на страданія?

Въ четвертый разъ царевичъ выѣхалъ верхомъ въ лѣсъ. Отъ опушки разстилались свѣже-вспаханныя поля. Долго смотрѣлъ онъ молча на глубокія борозды, на разрытые муравейники, на земляныхъ червей, разрѣзанныхъ плугомъ. Страдающія и мертвыя созданія возбуждали въ его душѣ жалость и напоминали ему о страданіяхъ и смерти людей.

Онъ соскочилъ съ лошади и сѣлъ подъ деревомъ на кучѣ сухихъ листьевъ.

— Какой ужасъ!—воскликнулъ онъ.—Люди носятъ въ себѣ старость, болѣзнь, смерть. А, между тѣмъ, видъ этихъ страданій вызываетъ въ нихъ только отвращеніе, а не размышленіе и не раскаяніе.

Въ это время къ нему подошелъ отшельникъ въ рубищѣ, съ бритой головою.

— Кто ты?—спросилъ царевичъ.

— Кто я? Нищій. Нищій всегда готовъ уйти. Нищій всегда готовъ умереть. Да, я нищій, но я прошу высшей благодати, а ей нѣтъ конца.

Аскетъ исчезъ. Гаутама возвратился во дворецъ и упалъ къ ногамъ царя.

— Государь!—воскликнулъ онъ.—Я нашелъ себѣ путь. Мірскія блага мнѣ ненавистны. Я жажду уйти отъ міра.

Царь разгнѣвался.

— Наслѣдникъ Шакіевъ долженъ быть воиномъ, а не нищимъ.

— Ахъ, отецъ! Мой домъ горитъ, и я хочу убѣжать. А ты мнѣ говоришь: «останься и погибай въ пламени».

Эти упреки не тронули царя. Онъ велѣлъ запереть тяжелыя ворота, которыхъ не могъ проломить и слонъ, и окружить дворецъ стражей.

Царевичъ, мрачный какъ туча, удалился въ свои покои. Онъ сѣлъ на золотой тронъ, усыпанный драгоцѣнными камнями. Передъ нимъ воскурили оиміамъ. Справа и слѣва зажгли золотые свѣтильники. Его стали развлекать музыкой и пляскою. Появились молодыя женщины съ флейтами, лютнями и тамбуринами. Танцовщицы въ воздушныхъ одѣяніяхъ плавно двигались и граціозно изгибались.

Но царевичъ даже не смотрѣлъ на нихъ. Онъ былъ глубоко погруженъ въ думы. Ему хотѣлось въ послѣдній разъ увидѣть Яшодхару и малютку сына Онъ съ тревогой спрашивалъ себя:

— Смогу ли я разбить эти узы, привязывающія меня къ жизни?

Настала ночь. Яшодхара крѣпко спала. Ребенокъ прижавшись къ ней, тоже заснулъ. Царевичъ трепетно подошелъ, чтобы поцѣловать сына, но сейчасъ же подумалъ:

«Я разбужу ихъ, и они поднимутъ тревогу».

Затаивая дыханіе и сдерживая слезы, онъ бросилъ послѣдній взглядъ на тѣхъ, кого такъ горячо любилъ, и удалился, не простившись съ ними.

На дворѣ ужъ нетерпѣливо фыркалъ его любимый конь. Царевичъ потрепалъ его по шеѣ, погладилъ и сказалъ:

— Ты носилъ моего отца на битву, на побѣду. Неси же теперь сына на единственную войну, достойную человѣка, на дѣйствительную побѣду.

Тяжелыя ворота сами собою отворились. Конь помчался, какъ стрѣла, едва касаясь земли.

Такъ совершилось великое отреченіе.

Гаутама удалился въ пустыню и сталъ предаваться

такимъ истязаніямъ, что удивлялъ даже самыхъ строгихъ іогиновъ. Въ это время къ нему являлся врагъ человѣчества, злой духъ Мара, и искушалъ его. Однако Гаутама не поколебался.

Мара отошелъ, говоря съ горечью:

— Я былъ подобенъ воронѣ, которая ищетъ добычи и видитъ что-то блестящее въ травѣ. «Вѣроятно, это сало», думаетъ она, бросается и клювомъ ударяется объ камень.

Убѣдившись въ безплодности собственныхъ попытокъ, Мара подослалъ къ Гаутамѣ своихъ трехъ дочерей, но аскетъ устоялъ и передъ ихъ искушеніями.

Много думалъ и размышлялъ Гаутама о томъ, какъ надо жить, въ чемъ состоитъ спасеніе. Однажды, когда онъ сидѣлъ подъ тѣнью раскидистой смоковницы, его вдругъ осѣнила мысль. Онъ сразу понялъ все, къ чему стремился. Онъ нашелъ истину. Съ этой минуты онъ сталъ Просвѣтленнымъ, Буддой и пошелъ проповѣдывать міру то, что онъ самъ позналъ. И многіе увѣровали въ него.

Что же дѣлалось, между тѣмъ, въ столицѣ Шакіевъ? Когда царевичъ доѣхалъ до лѣса, то отпустилъ своего коня, который вернулся обратно во дворецъ. Остановившись передъ воротами, конь жалобно заржалъ, и всѣ женщины въ испугѣ выбѣжали посмотрѣть, что случилось.

Увидѣвъ его, Яшодхара горько зарыдала и воскликнула:

— Жестокій, теперь ты ржешь и оглашаешь дворецъ своими стонами! А когда увозилъ моего господина, безмолвствовалъ? Если бъ ты въ ту минуту заржалъ, мы были бы спасены. Но ты этого не сдѣлалъ!

Царь въ это время былъ въ храмѣ. Когда жертвоприношеніе окончилось, онъ вышелъ, чтобы итти домой. Передъ дворцомъ онъ увидѣлъ толпу, услышалъ ржаніе лошади, вопли и плачъ женщинъ. Это его

удивило. Онъ приблизился и, узнавъ, въ чемъ дѣло, безъ чувствъ упалъ на землю.

Съ того дня дворецъ погрузился въ печаль. Яшодхара стала носить бѣлыя одежды вдовы. Царь разсылалъ во всѣ стороны гонцовъ въ поиски за сыномъ, но его нигдѣ не могли найти.

Наконецъ черезъ семь лѣтъ одинъ гонецъ привезъ извѣстіе:

— Царевичъ сдѣлался Буддой. Вѣрующіе толпами ходятъ за нимъ.

— Вернись къ моему сыну,—сказалъ старый царь,— и передай ему мои слова: «ты, который жалѣешь всѣхъ, пожалѣй и своихъ!»

Гаутама внялъ голосу отца. Вмѣстѣ со своими учениками онъ пришелъ въ лѣсъ, близъ столицы. Царь со знатными вельможами навѣстилъ его въ этомъ лѣсу. Увидѣвъ сына въ рубищѣ, старый царь не удержался отъ слезъ, а вельможи отвернулись, находя, что царевичъ опозорилъ свой родъ.

На утро отшельники вошли въ городъ. Гаутама останавливался передъ каждой дверью и просилъ милостыни. Царь вышелъ ему навстрѣчу и сказалъ:

— Неужели подобаетъ нашимъ нищенствовать?

— Это подобаетъ моимъ,—отвѣтилъ Гаутама,—тѣмъ Буддамъ, къ которымъ я принадлежу.

Царь взялъ чашу своего сына и отвелъ его во дворецъ, гдѣ уже ждали всѣ придворные и слуги.

Яшодхара при видѣ мужа залилась слезами и бросилась цѣловать его ноги. Гаутама оставался совершенно безучастнымъ, и Яшодхара поняла, что онъ ужъ не питаетъ къ ней привязанности.

Черезъ нѣсколько дней Яшодхара послала своего сына къ Гаутамѣ.

— Иди къ отцу,—сказала она,—и попроси, чтобъ онъ уступилъ тебѣ свое наслѣдство.

Мальчикъ повиновался.

Гаутама снялъ съ себя плащъ и набросилъ его на плечи сына.

— Возьми этотъ плащъ, — сказалъ онъ. — Вотъ мое наслѣдство.

Гаутама въ своихъ странствіяхъ еще разъ посѣтилъ родной городъ, когда хоронили его престарѣлаго отца.

Въ многочисленныхъ легендахъ о Гаутамѣ Буддѣ вымыселъ переплетается съ дѣйствительностью. Достовѣрно въ нихъ лишь то, что Гаутама происходилъ изъ состоятельной семьи, былъ женатъ, имѣлъ сына, который впослѣдствіи сдѣлался его ученикомъ и, наконецъ, что въ возрастѣ двадцати девяти лѣтъ онъ отрекся отъ міра и «ушелъ изъ дому на бездомную жизнь». Родиной его была маленькая община съ земледѣльческимъ населеніемъ, гдѣ даже главенствующія семьи занимали довольно скромное положеніе. Всѣ чудесныя подробности о богатствѣ и пышности царскаго дворца, въ которомъ Гаутама жилъ, окруженный восточной роскошью, были, очевидно, прибавлены впослѣдствіи изъ желанія возвеличить значеніе его поступка, оттѣнить его добровольный переходъ отъ благосостоянія къ нищенству.

Удалившись отъ міра, онъ, по примѣру іогиновъ, сталъ искать спасенія въ самоистязаніяхъ и въ умерщвленіи плоти.

Однако черезъ нѣсколько времени онъ убѣдился, что всѣ эти лишенія не ведутъ къ желанной цѣли.

«Въ надеждѣ избавиться отъ страстей и открыть истину, — разсказывалъ онъ своимъ ученикамъ, — я рѣшилъ: буду затаивать дыханіе, чтобы достигнуть экстаза, когда человѣкъ себя не помнитъ. Такъ я и сдѣлалъ, и въ первый разъ у меня въ ушахъ что-то гудѣло, какъ кузнечный мѣхъ. Во второй разъ мнѣ казалось, что какой-то великанъ хлещетъ меня колючей вѣткой терновника по головѣ. Въ третій разъ я испыталъ жгучую боль, какъ человѣкъ, котораго катаютъ по раскаленнымъ угольямъ. Я страдалъ, но эти страданія меня не удовлетворяли.

«Воля моя была непоколебима. Я рѣшилъ, что буду ѣсть въ день только пригоршню зерна. Руки мои сдѣлались похожими на сухой камышъ; ребра мои выступали, какъ балки дома, съ котораго обвалилась вся соломенная крыша. Въ моихъ впалыхъ орбитахъ глаза казались маленькими, какъ отраженіе предметовъ въ глубокомъ колодцѣ.

«И я подумалъ: ни одинъ аскетъ не страдалъ больше меня, между тѣмъ никакія мученія не проясняютъ моихъ мыслей. Значитъ, не въ этомъ путь къ спасенію.

«Тогда я пересталъ поститься и подвергать себя лишеніямъ. Силы мои возвратились, умъ прояснился.

«Сосредоточивъ помыслы, я понялъ первую истину: *жизнь есть страданіе*. Рожденіе есть страданіе; старость есть страданіе; болѣзнь есть страданіе; смерть есть страданіе; соединеніе съ непріятнымъ есть страданіе; разлука съ пріятнымъ есть страданіе; недостигнутое желаніе есть страданіе.

«И понялъ я вторую истину: *привязанность къ жизни есть причина страданія.*

«Затѣмъ уразумѣлъ третью истину: *отреченіе ведетъ къ избавленію отъ страданія.*

«Постигъ и четвертую: *срединный путь — вотъ спасеніе.*

Срединный путь между двумя крайностями — страстями человѣческими и самоистязаніями аскетовъ—не что иное, какъ монашеская жизнь. Будда иначе еще называлъ этотъ путь «восьмеричнымъ», такъ какъ для праведника, согласно его ученію, требовалось восемь условій: истинная вѣра, истинное размышленіе, истинное слово, истинное дѣло, истинная жизнь, истинное стремленіе, истинные помыслы, истинное созерцаніе.

Главное отличіе буддійскаго вѣроученія отъ брахманскаго состояло въ отсутствіи всякихъ внѣшнихъ формальностей, обрядовъ, церемоній, омовеній, жертвъ.

«Я освободился отъ всѣхъ божескихъ и человѣческихъ узъ, — говорилъ Будда, — и вы тоже, о уче-

ники, освободились отъ всѣхъ божескихъ и человѣческихъ узъ».

«Къ чему омовенія?—училъ онъ.—Вы погружаетесь въ воду, чтобы очиститься. Но вода всегда останется водою. Откуда у нея явится свойство смывать грѣхи?»

Будда отрицалъ также Веды, которыя служили основой всего брахманскаго ученія.

«Зачѣмъ твердить сотни гимновъ, смысла которыхъ вы не понимаете?—говорилъ онъ.—Это совершенно безполезно. Гораздо важнѣе одно слово, которое могло бы успокоить ваши страсти».

Буддійское ученіе отвергало и касты, поселявшія неравенство между людьми, разъединявшія ихъ и воздвигавшія между ними преграды.

— Если царскій рабъ или слуга надѣнетъ рубище и будетъ вести монашескую жизнь по мысли, по словамъ и по дѣламъ, то скажешь ли ты тогда: пусть онъ попрежнему будетъ моимъ рабомъ и слугою, пусть встаетъ и падаетъ предо мною ницъ, пусть исполняетъ мои приказанія, пусть служитъ моимъ удовольствіямъ, говоритъ со мною почтительно, ловитъ каждое мое слово? — такъ спрашивалъ Будда одного царя.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ царь.—Я преклонюсь передъ нимъ, приглашу его сѣсть, предложу ему одежду, пищу, кровъ, а въ случаѣ болѣзни лѣкарство, и обезпечу приличествующую ему защиту и охрану.

И Будда вполнѣ одобрилъ эти слова.

Людямъ предписывалось быть кроткими, миролюбивыми, милосердными.

«Кто удерживаетъ закипающій гнѣвъ, какъ колесницу на полномъ ходу, того я назову настоящимъ возницей,—говорилъ Будда.—Пусть человѣкъ преодолѣваетъ въ себѣ гнѣвъ, пусть побѣждаетъ зло добромъ, алчность—щедростью, ложь—правдою».

На необходимость миролюбія указывали слѣдующія слова:

«Вражды въ этомъ мірѣ нельзя прекратить враждою; конецъ ей можетъ положить только примиреніе».

Будда училъ, что надо быть милосердными не только къ людямъ, но и ко всѣмъ живымъ существамъ, и не питать ни къ кому злобы.

«Я отношусь одинаково къ тѣмъ, кто причиняетъ мнѣ страданіе, и къ тѣмъ, кто доставляетъ мнѣ радость. Привязанности и ненависти я не знаю. Я не поддаюсь ни радости, ни горю; при почетѣ и при безчестіи я одинаковъ»,—такъ проповѣдывалъ онъ.

Будда говорилъ, что не отъ жертвоприношеній и молитвъ мнимымъ божествамъ зависитъ спасеніе людей, а отъ нихъ самихъ. Ни одинъ проступокъ не остается безъ наказанія, ни одно доброе дѣло—безъ награды. И потому—что посѣетъ человѣкъ, то и пожнетъ; ничье заступничество не можетъ этого измѣнить. За добродѣтельную жизнь онъ возродится въ высшемъ существованіи, за порочную—въ низшемъ.

Такимъ образомъ Будда, какъ и брахманы, признавалъ переселеніе душъ. Разница была лишь въ томъ, что по ученію брахмановъ всякое новое существованіе души назначалось богами, которыхъ можно было умилостивить жертвоприношеніями и молитвами, чтобы они смягчили наказаніе или увеличили награду. Будда же говорилъ, что переселенія души—лишь неизбѣжныя послѣдствія, которыя сами собою вытекаютъ изъ поступковъ.

Однако, по словамъ Будды, могъ наступить предѣлъ переселеніямъ души. Человѣкъ переставалъ возрождаться въ другихъ существованіяхъ, когда достигалъ Нирваны, блаженнаго покоя. Слово Нирвана, собственно, значитъ «погашеніе». Подъ этимъ подразумѣвалось погашеніе желаній, страданій, заблужденій, однимъ словомъ, высшее совершенство, доступное для человѣка. «Кто его достигаетъ, тотъ побѣждаетъ смерть и сіяетъ, какъ солнце».

Будда училъ, что Нирваны можно достигнуть и до смерти, и такъ описывалъ это состояніе:

«Мудрецъ угасаетъ, словно догорающая лампа. Онъ не жаждетъ смерти, онъ не жаждетъ жизни. Онъ ждетъ, чтобы пробилъ его часъ, какъ слуга ждетъ уплаты жалованья».

Буддѣ было тридцать шесть лѣтъ отъ роду, когда онъ впервые выступилъ со своею проповѣдью. Онъ переходилъ съ мѣста на мѣсто, поучая народъ. Въ странствіяхъ его сопровождали ближайшіе ученики. Когда наступало дождливое время года, онъ принужденъ былъ гдѣ-нибудь остановиться на болѣе продолжительный срокъ и поселялся, обыкновенно, вблизи города или деревни. Сюда къ нему толпами стекались вѣрующіе, которымъ онъ преподавалъ основы своего ученія. Въ числѣ ихъ были люди всѣхъ возрастовъ и состояній: цари, вельможи, воины, земледѣльцы, ремесленники, рабы, старики и молодежь, женщины и дѣти.

Онъ говорилъ, преимущественно, притчами, иносказаніями, и индусы, которые очень любятъ картинныя сравненія, охотно внимали ему. Вотъ для образца одна его притча:

«О ученики, въ лѣсу, на склонѣ горы, лежитъ низменная влажная мѣстность, гдѣ живетъ большое стадо оленей. Приходитъ человѣкъ, который желаетъ оленямъ зла, бѣды, опасности. Онъ закрываетъ хорошую, удобную и пріятную для нихъ дорогу и открываетъ имъ новую болотистую тропинку. Отъ этого большое стадо оленей терпитъ бѣду и опасность, убываетъ. Но теперь, о ученики, если придетъ человѣкъ, который желаетъ этому большому стаду оленей процвѣтанія, благополучія и безопасности, расчиститъ для нихъ хорошую безопасную дорогу, уничтожитъ ложный путь, болотистую тропинку, то большое стадо оленей будетъ благоденствовать, расти и множиться. Я сказалъ вамъ, о ученики, притчу, чтобы повѣдать мою мысль. А моя мысль такова: большое болото и вода, о ученики,—это удовольствія; стадо оленей—это живые люди. Человѣкъ, который желаетъ бѣды и погибели,—это злой Мара. Ложный путь—это

восьмеричный ложный путь: ложная вѣра, ложная рѣшимость, ложное слово, ложное дѣло, ложная жизнь, ложное стремленіе, ложные помыслы, ложное созерцаніе. Болотистая дорога—это удовольствіе и желаніе; болотистая тропинка—это невѣжество. Человѣкъ, который желаетъ благосостоянія, процвѣтанія, спасенія—это совершенный, святой, высшій Будда. Безопасная хорошая дорога, по которой удобно итти,—это восьмеричный путь.

«Все, что учитель, который хочетъ спасенія своихъ учениковъ, который жалѣетъ ихъ, долженъ дѣлать изъ состраданія къ нимъ, все это я дѣлалъ для васъ».

Будда также часто поучалъ короткими изреченіями, въ которыхъ выражались то основы его вѣры, то какія-нибудь глубокомысленныя замѣчанія о жизни и нравственности. Приводимъ нѣсколько изъ нихъ:

«Человѣкъ не долженъ ничего любить; потеря любимаго есть несчастье. Кто ни къ чему не питаетъ ни любви, ни ненависти, тотъ не связанъ узами».

«Даже по каплямъ сосудъ наполнится водою; такъ и мудрый человѣкъ исполнится добра даже въ томъ случаѣ, если будетъ собирать его понемногу».

«Добрыя дѣла встрѣчаютъ того, кто ихъ совершалъ и перешелъ изъ этого міра въ другой, какъ родственники возвратившагося друга».

«Ни на небѣ, ни среди моря, ни въ горныхъ пещерахъ,—нигдѣ не можешь ты скрыться отъ послѣдствій своихъ злыхъ дѣлъ».

«Ни нагота, ни заплетенные волосы, ни грязь, ни постъ, ни лежаніе на землѣ, ни натираніе пылью, ни неподвижное сидѣніе не могутъ очистить смертнаго, который не подавилъ въ себѣ желаній».

«Лучше побѣдить себя, чѣмъ кого-нибудь другого».

«Подобно тому, какъ пастухъ загоняетъ коровъ въ хлѣвъ, такъ время и смерть гонятъ жизнь людскую».

«Прекрасныя слова, не осуществленныя на дѣлѣ, подобны красивому яркому цвѣтку безъ запаха».

«Чужую вину легко замѣтить, а свою трудно».

«Глупецъ, сознающій свою глупость, можетъ считаться мудрецомъ; но глупецъ, который мнитъ себя мудрымъ, вполнѣ достоинъ своего прозвища».

«Если бы глупецъ хоть всю жизнь провелъ съ умнымъ человѣкомъ, то не больше научился бы распознавать истину, чѣмъ ложка—вкусъ кушанья».

У Будды было много учениковъ. Въ самомъ началѣ, когда онъ только впервые выступилъ со своею проповѣдью, его учениками сдѣлались два брахмана, которые оставались вѣрными ему всю жизнь и умерли въ преклонныхъ лѣтахъ незадолго до него самого. Къ числу близкихъ учениковъ Будды принадлежали также его родственники Девадатта и Ананда. Девадатта впослѣдствіи сдѣлался измѣнникомъ. Онъ завидовалъ тому, что Будда оказываетъ вліяніе на умы, и пытался даже убить Учителя, надѣясь, что тогда вліяніе перейдетъ къ нему. Легенда добавляетъ, что рядъ чудесъ спасъ Будду отъ этого покушенія. Совершенно иначе относился къ Буддѣ Ананда. Когда Учитель состарился, онъ заботился о немъ, никогда не оставлялъ одного и сопровождалъ во всѣхъ странствіяхъ. Многія изъ послѣднихъ поученій Будды обращены къ преданному Анандѣ.

Изъ числа своихъ первыхъ учениковъ Будда отобралъ шестьдесятъ человѣкъ и послалъ ихъ проповѣдывать по окрестнымъ странамъ. Въ напутствіе имъ онъ сказалъ:

«Идите, о ученики, и странствуйте для общаго блага, для общей радости, изъ состраданія къ міру, для спасенія, блага и радости всѣхъ людей. Не ходите по-двое въ одно и то же мѣсто».

Самъ Будда въ странствіяхъ и проповѣди провелъ сорокъ четыре года. Странствовалъ онъ преимущественно по двумъ царствамъ—Магадхѣ и Косалѣ. Къ концу жизни силы его очень ослабѣли.

«Теперь, о Ананда, я старикъ, прошедшій свой жизненный путь и достигшій его предѣла,—говорилъ онъ своему любимому ученику.—Мнѣ скоро будетъ восемьдесятъ лѣтъ. Ветхую повозку можно двигать только съ особою осторожностью. Такъ лишь съ особою осторожностью можетъ теперь передвигаться тѣло Просвѣтленнаго».

Во время своего послѣдняго путешествія Будда сильно заболѣлъ и терпѣливо, безъ стоновъ и жалобъ, переносилъ жестокія страданія. Съ трудомъ добрался онъ до одного большого города. Тамъ онъ скончался, не переставая до послѣдней минуты вербовать новыхъ учениковъ. Умирая, онъ сказалъ:

«Истинно, истинно говорю вамъ, братья! Все на свѣтѣ скоротечно. Итакъ, заботьтесь о своемъ спасеніи!»

Городская знать похоронила Будду съ царскими почестями. По преданію, тѣло его завернули въ пятьсотъ новыхъ бумажныхъ и шерстяныхъ савановъ, уложили въ два ящика и сожгли на благовонномъ кострѣ.

Ученіе Будды оказало огромное вліяніе, и, главнымъ образомъ, потому, что Будда глубоко понималъ потребности своего времени и своего народа. По образу мысли онъ былъ истымъ индійцемъ, и вслѣдствіе этого его ученіе легко воспринималось его соотечественниками. Кромѣ того, онъ былъ высокоталантливымъ проповѣдникомъ и умѣлъ «глаголомъ жечь сердца людей», а его нравственный обликъ служилъ достойнымъ примѣромъ для подражанія. Однако, какъ ни самобытенъ былъ его трудъ, но, несомнѣнно, онъ опирался на работу предшественниковъ, безъ которой былъ бы немыслимъ. Будда извлекъ многія основы своего ученія изъ брахманизма, но освободилъ его отъ вѣковыхъ кастовыхъ узъ и внесъ въ него высокіе общечеловѣческіе принципы — кротости, милосердія и состраданія.

Вскорѣ послѣ смерти Будды, какъ гласитъ преданіе, ближайшіе ученики его собрались, чтобы сообща припомнить его слова и наставленія. Это былъ первый буддійскій соборъ. Слова великаго учителя легли въ основу священныхъ книгъ, которыя составлены были послѣдующими поколѣніями.

Когда уже образовался канонъ*) буддійскаго писанія, буддійская священная литература раздѣлилась на три части, называемыя *питаками*, т.-е. корзинами. Это названіе довольно характерно. Въ древнія времена при какой-нибудь постройкѣ выкопанная земля обыкновенно уносилась въ корзинахъ. Онѣ передавались изъ рукъ въ руки, отъ одного рабочаго къ другому, отъ другого къ третьему и т. д., проходя черезъ цѣлый рядъ людей, выстроенныхъ отъ мѣста выемки земли до мѣста ея свалки. Такъ точно надо себѣ представлять цѣлый рядъ учителей и учениковъ, передававшихъ другъ другу со временъ Будды сокровища «закона» въ этихъ трехъ корзинахъ, питакахъ.

Первая питака содержитъ въ себѣ все, что касается общины нищенствующихъ монаховъ; здѣсь разсказывается, какъ была основана община, и перечисляются всѣ правила, которымъ должны слѣдовать монахи и монахини. Во второй изложены основы буддійской религіи и приведены поученія, бесѣды и изреченія Гаутамы Будды. Въ третьей питакѣ болѣе подробно истолкована отвлеченная часть ученія.

V.

Буддійская община.—Монастыри и храмы.—Джайны.

Изъ послѣдователей Будды одни, по его примѣру, покидали домъ, отказывались отъ имущества и семьи и становились нищенствующими монахами, другіе оставались въ міру. Монахи жили не въ одиночку, а вмѣстѣ, цѣлымъ братствомъ или общиной. Самъ

*) Канономъ называется собраніе священныхъ книгъ, въ которыхъ излагаются основы вѣроученія.

Будда еще съ первыхъ шаговъ своей дѣятельности положилъ ей начало, и постепенно для нея выработаны были обязательныя правила.

Вступающій въ общину сперва былъ послушникомъ, а потомъ уже становился монахомъ. Послушникомъ можно было сдѣлаться не раньше двѣнадцати лѣтъ, а монахомъ—не раньше двадцати. Однако несовершеннолѣтнихъ принимали въ общину не иначе, какъ съ согласія ихъ родителей. Каждый послушникъ имѣлъ руководителя, какого-нибудь пожилого монаха, который ужъ нѣсколько лѣтъ пробылъ въ общинѣ. Онъ долженъ былъ повиноваться своему руководителю, заботиться о немъ и поучаться отъ него. Поступить въ общину было не трудно, и никто не препятствовалъ послушнику или монаху въ любое время уйти изъ нея и опять сдѣлаться міряниномъ.

Все имущество монаха состояло изъ платья и нищенской чаши. Платье было коричнево-краснаго, а въ иныхъ мѣстностяхъ желтаго цвѣта, какъ и у многихъ индійскихъ аскетовъ. Оно надѣвалось такимъ образомъ, чтобы правое плечо оставалось обнаженнымъ. Голова у монаха была бритая, ноги босыя.

Такую же внѣшность имѣютъ буддійскіе монахи и въ наше время. Медленно и чинно, съ опущеннымъ взоромъ идетъ монахъ по дорогѣ или по улицѣ. Онъ несетъ свою нищенскую чашу и молча ждетъ, чтобы въ нее опустили ѣду. Словами онъ не проситъ милостыни, и не вступаетъ ни въ какіе разговоры со своими благодѣтелями. Если ему ничего не подадутъ, онъ безропотно проходитъ мимо. Вѣтеръ развѣваетъ его желтое платье, солнце печетъ его непокрытую голову. Время отъ времени онъ перебираетъ четки, висящія у него на рукѣ, да завидѣвъ женщину спѣшитъ закрыть лицо круглымъ пальмовымъ вѣеромъ.

Ни отдѣльный монахъ, ни вся община не должны были брать въ даръ золота или серебра: это строго запрещалось. Монахъ могъ принимать въ видѣ подаянія только платье и ѣду, а вся община, кромѣ того,

еще могла получать участокъ земли или готовое помѣщеніе для монастыря.

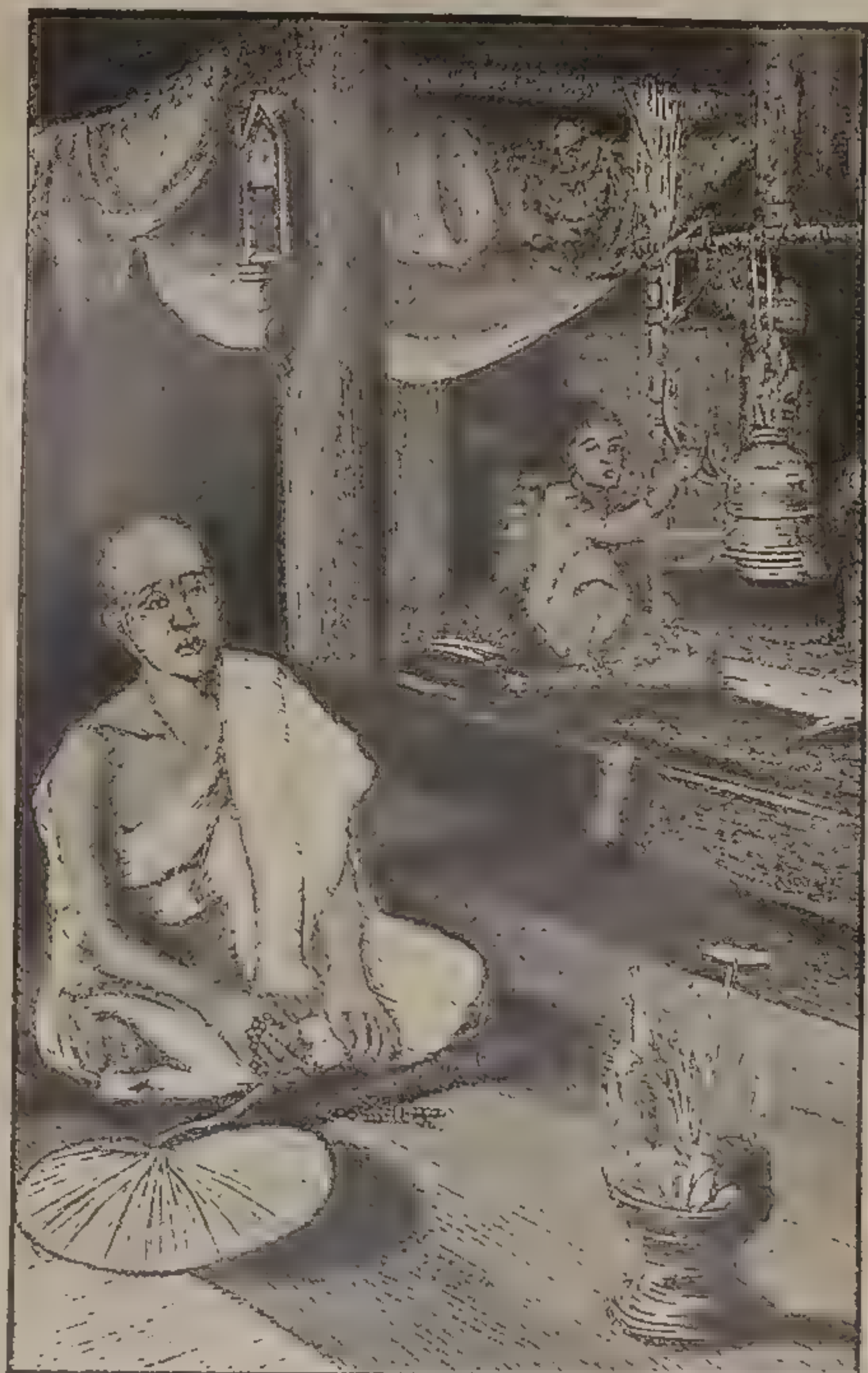
Буддійскіе монахи отличались отъ членовъ другихъ индійскихъ братствъ своей внѣшней благопристойностью. Ихъ одежда, хотя и очень бѣдная, всегда должна была имѣть приличный видъ. Они всячески избѣгали грязи и обращали большое вниманіе на купанье и уходъ за тѣломъ, а жилища свои чисто убирали и провѣтривали.

Буддійскіе монахи.

Монахи вставали на зарѣ и начинали день съ заучиванія или повторенія священныхъ изреченій. Иногда каждый читалъ ихъ про себя, прохаживаясь передъ своею кельей. Въ другой разъ нѣсколько монаховъ садились въ кружокъ, и одинъ задавалъ вопросы, а остальные отвѣчали и поправляли другъ друга. Въ полдень они по одиночкѣ уходили за милостыней, а возвратившись обѣдали. Затѣмъ послѣ отдыха они принимались за работы, которыя были распредѣлены между всѣми членами общины, и слушали поученія старѣйшихъ монаховъ.

Два раза въ мѣсяцъ, на новолуніе и на полнолуніе, у монаховъ устраивались собранія для общей исповѣди. Былъ составленъ длинный списокъ прегрѣшеній. На каждомъ собраніи этотъ списокъ читали вслухъ и по очереди вызывали всѣхъ присутствующихъ, которые должны были на каждый пунктъ троекратно отвѣтить, виновны они или нѣтъ. Виновнымъ братія назначала покаяніе.

Призывъ къ молитвѣ въ буддійскомъ монастырѣ.

Когда оканчивалось дождливое время года, монахи отправлялись въ странствія. Передъ началомъ странствій монахи даннаго округа собирались вмѣстѣ, садились на землю, воздѣвали сложенныя руки кверху и *приглашали*, чтобы собратья уличили ихъ въ прегрѣшеніяхъ, обѣщая загладить всякую вину, вольную и невольную. Эта церемонія носила названіе Паваараны, т.-е. приглашенія.

Во время странствій послушники шли впереди, заготовляя для своихъ руководителей квартиры и собирая для нихъ подаяніе. Странствія вносили нѣкоторое разнообразіе въ жизнь общины. То дорогой встрѣчались нищенствующіе монахи изъ другого округа;

то путь лежалъ черезъ брахманскую деревню, и между брахманами и буддистами возникалъ религіозный споръ; то какой-нибудь благочестивый вельможа выходилъ навстрѣчу монахамъ и приглашалъ ихъ къ себѣ на трапезу.

Такимъ образомъ община жила въ мірѣ, хотя и не принадлежала къ міру. Она постоянно видѣла передъ собою свѣтскую жизнь, но не принимала въ ней никакого участія. Для людей, которые защищали узкіе интересы разграниченныхъ между собою кастъ, буддійская община служила нагляднымъ примѣромъ того, что есть на свѣтѣ лучшія стремленія. Народъ убѣждался, что милосердіе и человѣколюбіе стоятъ выше кастовыхъ правилъ, и видѣлъ, что можно побѣдить страсти, освободиться отъ горя и достигнуть равнодушнаго спокойствія. Благодаря этому, число приверженцевъ буддизма быстро возрастало.

Помимо мужской, существовала и женская монашеская община. Самъ Будда относился къ женщинамъ съ недовѣріемъ и опасеніемъ, но, уступая просьбамъ своей воспитательницы-тетки и ученика Ананды, позволилъ женщинамъ устроить особую общину.

Тѣмъ не менѣе, онъ скорбѣлъ объ этомъ и съ укоризною говорилъ своему любимому ученику:

— Если бы, о Ананда, женщины не получили дозволенія покинуть домашнюю жизнь и стать отшельницами по закону и установленіямъ Будды, то святая вѣра просуществовала бы долго, благой законъ стоялъ бы твердо въ теченіе тысячи лѣтъ, но такъ какъ теперь женщины получили это дозволеніе, то святая вѣра не просуществуетъ такъ долго, благой законъ будетъ твердо стоять лишь пятьсотъ лѣтъ. Подобно тому, какъ домъ, въ которомъ много женщинъ и мало мужчинъ, легко ограбляется разбойниками, такъ и вѣра, по закону и установленіямъ которой женщинамъ дозволяется покинуть домашнюю жизнь и стать отшельницами, не просуществуетъ долго.

Не только самъ учитель укорялъ Ананду: когда послѣ смерти Будды пятьсотъ старцевъ собрались на

первый соборъ, то не хотѣли принять его въ свою среду. Первымъ грѣхомъ противъ общины они считали допущеніе въ нее, благодаря Анандѣ, женщинъ.

Женская община имѣла свои отдѣльныя собранія два раза въ мѣсяцъ, но во всемъ была подчинена мужчинамъ - монахамъ. Монахини соблюдали строжайшую дисциплину по отношенію къ монахамъ, а тѣ относились къ нимъ свысока и съ презрѣніемъ. Монахъ считалъ женщину врагомъ, искусителемъ и въ униженіи ея, въ презрѣніи къ ней искалъ спасенія. Въ отзывахъ о женщинѣ онъ не щадилъ красокъ, чтобы ее унизить. Одно изъ сравнительно мягкихъ монашескихъ изреченій гласило:

«Что рѣка, что дорога, что постоялый дворъ, что судбище, что водопой—

То и женщины! Не гнѣваются на нихъ мудрецы!»

Несмотря на это враждебное, недовѣрчивое отношеніе, женщины все-таки вступали въ общину. Вскорѣ нѣсколько выдающихся женщинъ своимъ примѣромъ показали, что женщина вполнѣ способна подняться на ту же умственную высоту, какъ и мужчина, и достичь высшей точки нравственнаго совершенства, какъ его понимали буддисты. И взглядъ монаховъ постепенно измѣнился: монахини перестали быть въ ихъ глазахъ женщинами и врагами, а сдѣлались существами равноправными съ ними самими.

Монахини не только учились, но и другихъ поучали. Онѣ подвизались на ряду съ монахами и часто давали отвѣты на самые трудные и запутанные вопросы, связанные съ буддійской религіей. Изреченія выдающихся старицъ даже введены въ буддійскія священныя книги.

Къ числу замѣчательныхъ проповѣдницъ принадлежала монахиня Пурна. Однажды она увидѣла брахмана, который погружался съ головою въ воду, бормоча молитвы и дрожа отъ холода. Она спросила:

— Кого ты боишься, брахманъ, что все въ воду погружаешься? Дрожащіе члены твои показываютъ, что тебѣ очень холодно.

— Милая госпожа Пурна, вѣдь ты знаешь, что старикъ или юноша, который дурное дѣло дѣлаетъ, отъ дурного дѣла омовеніемъ освобождается.

— Кто тебѣ, незнающему, незнающій сказалъ, что отъ дурного дѣла омовеніями освобождаешься? Вѣдь тогда на небо отправились бы всѣ лягушки, черепахи, змѣи, крокодилы и другіе водяные звѣри; тогда тѣ, кто убиваетъ барановъ и свиней, и рыбаки, и охотники, и воры, и палачи, и другіе злодѣи омовеніемъ освобождались бы отъ злодѣяній. Если рѣки эти уносятъ твои дурныя дѣла, то онѣ унесутъ и добрыя дѣла твои, и тогда лишишься ихъ. Чего боясь ты, о брахманъ, всегда погружался въ воду, того не твори, чтобы не мучилъ холодъ твою кожу!

Послѣ этого Пурна наставила брахмана въ вѣрѣ, и онъ сдѣлался буддистомъ.

Эти женщины-монахини, которыя доказали свою умственную и нравственную силу, были на первыхъ порахъ довольно многочисленны въ буддійской общинѣ, но затѣмъ женскіе монастыри постепенно пришли въ упадокъ, и въ настоящее время ихъ ужъ почти нѣтъ. Въ странѣ, гдѣ поклоненіе предкамъ играло и играетъ такую громадную роль, какъ въ Индіи, и гдѣ дѣти— благословеніе боговъ, а отсутствіе дѣтей — проклятіе, трудно было существовать обреченнымъ на вѣчное безбрачіе монахинямъ. И мало-по-малу, дѣлая уступки жизни, исчезало женское монашество. Тѣмъ не менѣе, оно въ свое время сыграло большую роль, такъ какъ буддизмъ долженъ былъ признать за женщиной право наравнѣ съ мужчиною итти къ вѣчному спасенію, и притомъ итти самостоятельно, искать истины собственнымъ умомъ и сердцемъ *).

Строгія монашескія правила, установленныя Буддой, мало-по-малу подверглись измѣненіямъ. Въ общинѣ явились лица, которыя провозгласили послабленіе правилъ общины въ десяти частностяхъ. Между

---

*) *С. Ѳ. Ольденбургъ.* „Женщины-буддистки“. „Русск. Бог.“ 1899, 1.

прочимъ, одно изъ послабленій касалось разрѣшенія членамъ общины принимать въ даръ золото и серебро.

Для прекращенія этихъ споровъ и разногласій, согласно преданію, былъ созванъ второй буддійскій соборъ, состоявшійся приблизительно черезъ сто лѣтъ послѣ смерти Будды. Онъ высказался за первоначальную строгость правилъ; но сторонники послабленій стояли на своемъ, и это положило начало расколу среди буддистовъ.

Кромѣ монаховъ, были и свѣтскіе буддисты. Міряпинъ, желавшій сдѣлаться буддистомъ, только заявлялъ какому-нибудь монаху, что онъ «прибѣгаетъ къ Буддѣ, къ закону, къ общинѣ». Этимъ все ограничивалось. Міряне обязывались вести воздержную жизнь, не употреблять спиртныхъ напитковъ и не убивать животныхъ. Главная ихъ заслуга заключалась въ томъ, чтобы давать общинѣ пропитаніе и дѣлать въ ея пользу щедрыя пожертвованія. Больше ничего, никакихъ обрядовъ и церемоній отъ нихъ не требовалось.

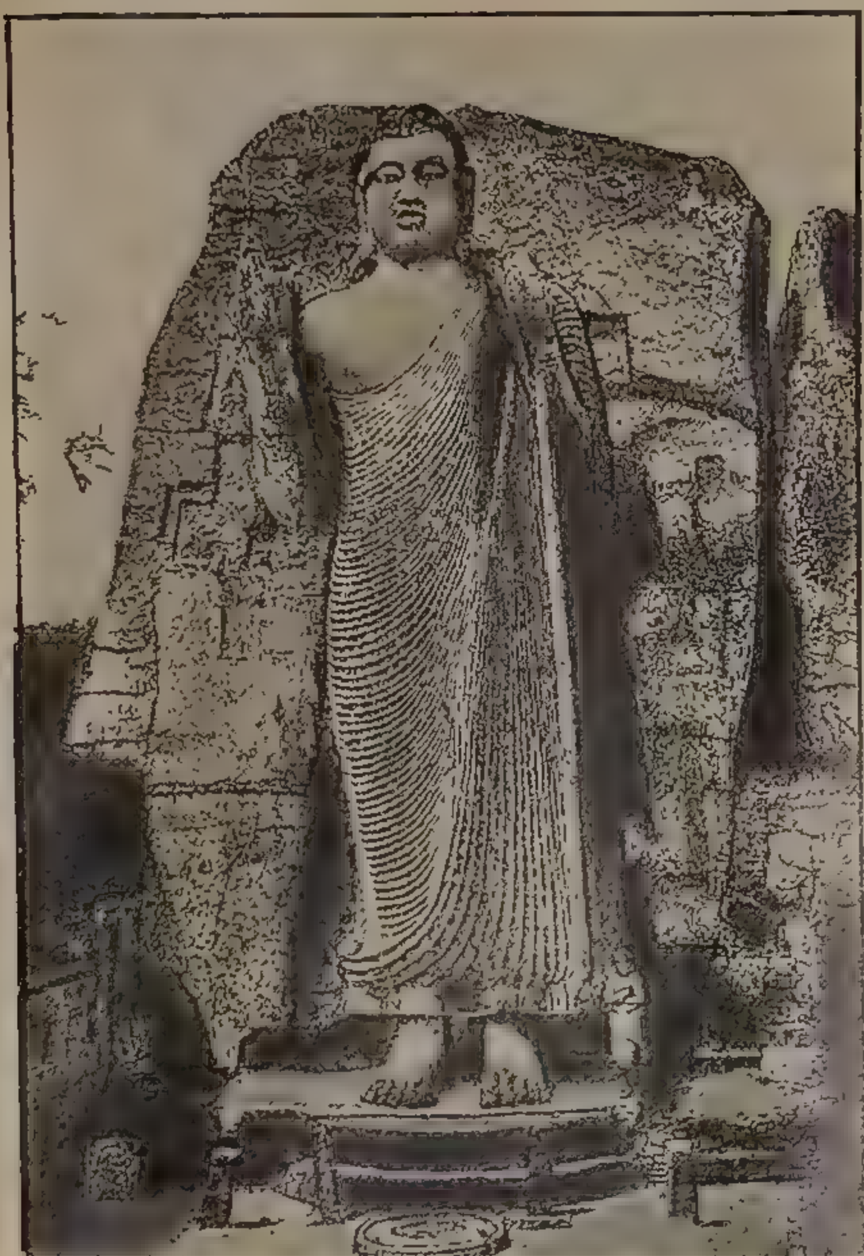
— Пусть мудрый человѣкъ, понимающій свое благо, строитъ хорошіе дома и принимаетъ въ нихъ знатоковъ ученія, — говорилъ Будда. — Пусть онъ съ радостью подаетъ имъ, праведнымъ сердцемъ, пищу, питье, одежду и жилище. И они будутъ проповѣдовать ему ученіе, уничтожающее всякія страданія. Если онъ познаетъ это ученіе на землѣ, то безъ грѣха войдетъ въ Нирвану.

Въ частную жизнь мірянъ монахи совершенно не вмѣшивались. Они охотно излагали буддійское ученіе тѣмъ, кто оказывалъ имъ гостепріимство, и, наоборотъ, лишали этой чести тѣхъ, кто относился къ нимъ дурно. За какую-нибудь серьезную провинность мірянина монахи переставали подставлять ему свои чаши и отказывались отъ его гостепріимства. Однако всякаго, кто раскаивался въ своей винѣ и желалъ примиренія, они охотно принимали назадъ.

Такое отношеніе характерно для буддизма, который никогда никого не преслѣдовалъ и проявлялъ

терпимость, кротость и милосердіе ко всѣмъ людямъ. Буддисты проповѣдовали свое ученіе преимущественно силою умственнаго и нравственнаго воздѣйствія, а не мечомъ и гоненіями. Къ проповѣдникамъ другихъ вѣроученій, кто бы они ни были, буддисты относились съ почтеніемъ, уважая въ ихъ лицѣ духовныхъ учителей.

Вѣротерпимость была свойственна не только буддизму, но и другимъ индійскимъ ученіямъ. Этимъ объясняется то обстоятельство, что буддизмъ безпрепятственно распространялся по Индіи, хотя онъ проповѣдовалъ равенство людей, уничтоженіе кастъ и другія положенія, которыя неминуемо должны были подорвать могущество и вліяніе всесильныхъ брахмановъ.

Статуя Будды, высѣченная въ скалѣ.

Благодаря этимъ особенностямъ своего ученія, буддизмъ пріобрѣталъ многочисленныхъ послѣдователей. Всякіе бѣдняки охотно принимали новую вѣру, надѣясь улучшить свою жалкую участь, а иноплеменники шудры даже надѣялись, что она уравняетъ права цвѣтныхъ съ бѣлыми. Сильные міра въ свою очередь стремились примкнуть къ буддизму, чтобы ослабить вліяніе брахмановъ, которое имъ самимъ было не на руку.

Буддизмъ, предписывавшій кротость, милосердіе, состраданіе, побуждалъ, конечно, къ благотворительности. Буддисты строили богадѣльни и пріюты для стариковъ, больныхъ и дѣтей. Чтобъ облегчить странникамъ трудности пути, они прокладывали дороги, осушали болота, сооружали мосты, рыли колодцы. Заботясь о благоденствіи живыхъ существъ, они учреждали лѣчебницы для людей и для животныхъ. Все

Лежачая статуя Будды.

это имѣло не только нравственное значеніе для народа, какъ осуществленіе высокихъ идеаловъ и примѣръ безкорыстныхъ заботъ о ближнихъ, но также приносило ему существенную помощь и улучшало его бытъ.

Помимо всего буддійскіе монастыри сдѣлались средоточіемъ образованности. При нихъ устраивались школы, въ которыхъ могли обучаться и міряне. Многіе монахи стали заниматься ремеслами, а также науками и искусствами.

Буддисты довели скульптуру, живопись и архитектуру до большого совершенства. Образцомъ ихъ искусства могутъ служить сохранившіеся и понынѣ замѣчательные пещерные монастыри. Буддійскіе монахи, какъ и индусскіе аскеты, зачастую селились въ пещерахъ, и даже многія пещеры, служившія прежде брахманскимъ общинамъ, впослѣдствіи были превращены въ буддійскіе монастыри. Большая зала посе-

Исполинская статуя Будды въ Японіи.

рединѣ служила для поученій и общихъ собраній: вокругъ нея были маленькія кельи съ каменными ложами для монаховъ. Вначалѣ пещеры были очень просты, въ нихъ не имѣлось никакихъ украшеній, никакой обстановки. Но съ теченіемъ времени ихъ унылую пустоту стали заполнять живописью и скульптурой, и эти изображенія не только радовали взоръ, но и напоминали о тѣхъ или иныхъ событіяхъ.

Будда не вмѣнялъ въ обязанность вѣрующимъ имѣть какія-либо священныя изображенія. Однако

впослѣдствіи буддисты изъ благоговѣнія къ памяти своего учителя стали дѣлать статуи, изображавшія его самого. На однѣхъ статуяхъ онъ представленъ былъ сидящимъ, поджавъ ноги, по восточному обыкновенію, и погруженнымъ въ глубокое размышленіе. На другихъ онъ стоялъ съ протянутой рукой и вдохновеннымъ лицомъ, какъ въ моментъ проповѣди. На третьихъ онъ лежалъ, подперевъ голову и какъ бы погружаясь въ вѣчный покой Нирваны. Статуи были разной величины: то маленькія, изящно выточенныя, словно хорошенькія игрушки, то огромныя, несравненно больше человѣческаго роста, иногда цѣликомъ высѣченныя въ скалѣ.

Будду изображали въ обычной монашеской одеждѣ, и чертамъ лица его придавали сходство съ индусами арійской расы. На нѣкоторыхъ статуяхъ Будда изображенъ былъ съ тяжелыми золотыми серьгами въ ушахъ, какъ въ тѣ времена носили многіе индусы. Къ слову сказать, когда буддизмъ перешелъ въ другія страны, то статуи Будды вездѣ пріобрѣли типъ коренного населенія данной мѣстности. Въ Китаѣ онъ изображался въ видѣ китайца, въ Японіи — въ видѣ японца и т. д.

Статуи Будды ставились и внутри монастыря, и снаружи, а исполинскія изваянія просто подъ открытымъ небомъ.

Встрѣчая на горахъ вымоины или углубленія, похожія по формѣ на слѣдъ человѣческой ноги огромныхъ размѣровъ, вѣрующіе стали почитать ихъ за отпечатокъ стопы великаго Будды. Мало того, если въ землѣ находили клыкъ мамонта или другого допотопнаго животнаго, поражавшій своею величиной, то его начинали почитать, какъ зубъ Будды. Надъ нимъ воздвигали куполообразную часовенку, такъ называемую *ступу*, или *дагобу*. Куполъ заканчивался витымъ шпилемъ или зонтомъ. Подъ ступой иногда хранился не зубъ, а какая-нибудь другая реликвія, приписываемая Буддѣ, — кость, волосъ.

Сначала ступы дѣлались небольшія: затѣмъ стали

ихъ строить изъ камня на естественномъ или искусственномъ возвышеніи и, наконецъ, даже стали обращать въ дагобу какую-нибудь гору съ круглой вершиной, выкапывая въ ней пещеру. Особенно замѣчательна ступа Санчи, съ воротами, которыя представляютъ чудо искусства. Эти ворота огромныхъ размѣровъ высѣчены изъ бѣлаго известняка и украшены скульптурными изображеніями прекрасной работы. Огромныя

Ступа, или дагоба.

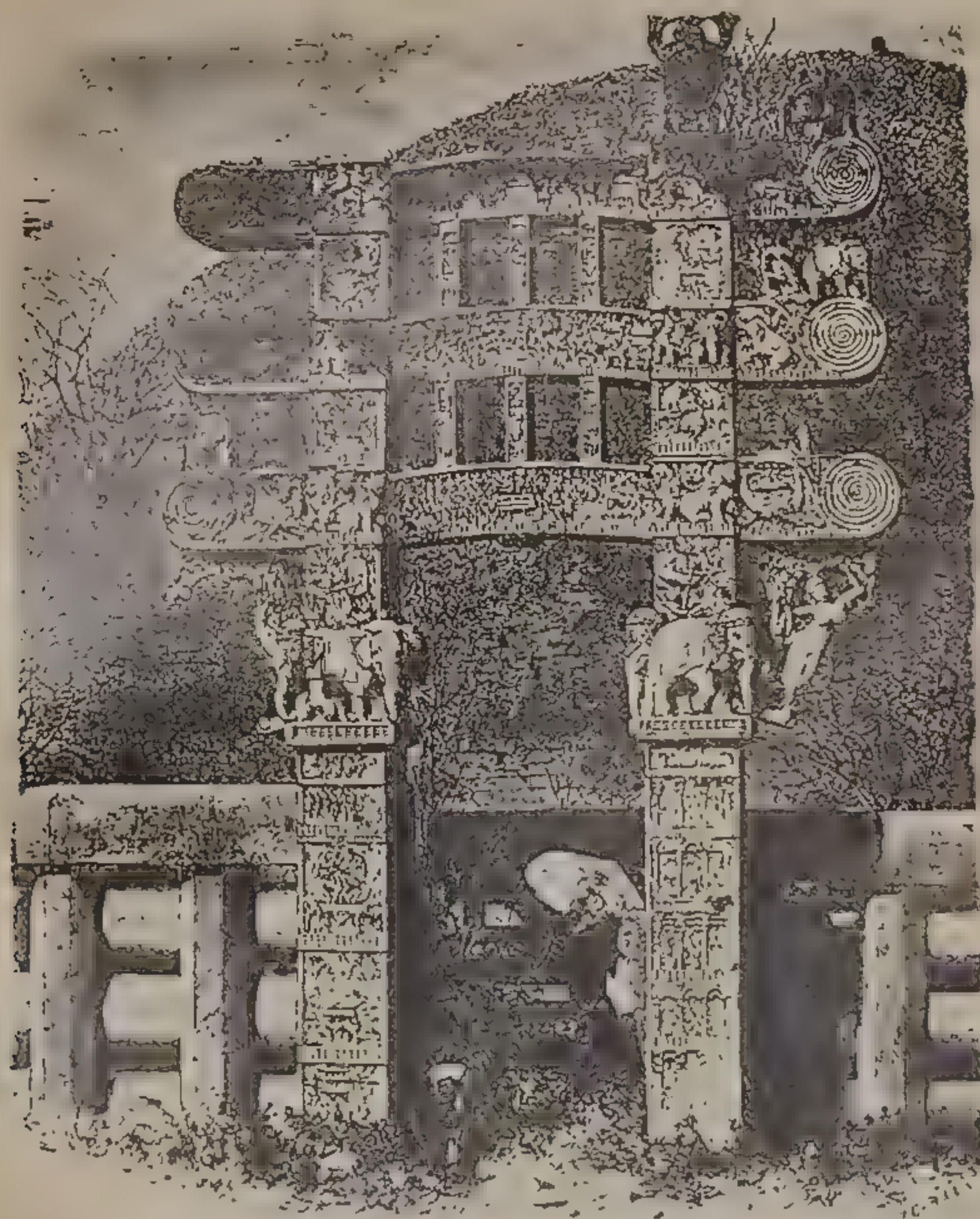
фигуры слоновъ, стоящія на высокихъ колоннахъ, поддерживаютъ тройную перекладину воротъ съ красивыми завитками, на которыхъ, въ свою очередь, стоятъ статуи животныхъ и людей. И колонны, и перекладины сплошь покрыты барельефами *).

Ступа замуравливалась, и входа въ нее не было. Если дѣлались ворота или дверь, то только для виду. Выстроенная на мѣстѣ какого-нибудь знаменатель-

*) Барельефы—выпуклыя изображенія (лѣпныя, рѣзныя, литыя и т. п.), въ которыхъ выпуклость не превышаетъ половины всей толщины.

наго событія изъ жизни Будды или надъ его мощами, она въ глазахъ вѣрующихъ представляла надгробный памятникъ великому Учителю.

Кромѣ этихъ памятниковъ, въ честь Будды стали строить храмы. Самъ Будда не признавалъ ни хра-

Ступа Санчи.

мовъ, ни богослуженій, а его послѣдователи постепенно стали заимствовать изъ другихъ религій пышные обряды и церемоніи. Чтобы придать большую торжественность этимъ церемоніямъ, понадобились обширныя, богато обставленныя помѣщенія, и буддійскіе храмы мало-по-малу пріобрѣли необыкновенную роскошь и великолѣпіе. Они отличаются могучими, красивыми очертаніями, а снаружи украшены богатѣйшей скульптурой.

Внутри храмы украшаются статуями Будды и буддійскихъ святыхъ, золочеными рѣшетками, свѣтильниками, фонарями. Иногда въ храмѣ ставится маленькая ступа съ мощами. Вѣрующихъ къ молитвѣ призываетъ звучный колокольный звонъ.

Пещерные монастыри также утратили прежнюю простоту и пріобрѣли художественную внѣшность. Наиболѣе замѣчательными между ними были пещеры

Буддійскій храмъ.

близъ города Аджанты. Въ настоящее время онѣ заброшены и никто въ нихъ не живетъ, но и до сихъ поръ онѣ представляютъ много интереснаго для путника, который ихъ посѣтитъ.

Въ узкомъ ущельѣ по берегамъ быстрой рѣчки высятся огромные утесы. Въ лѣвобережныхъ утесахъ на протяженіи трехсотъ саженъ вырыты пещеры. Здѣсь

были въ свое время не только обширные монастыри съ кельями и всякими службами, но также величественные храмы и соборы. Пещеры между собою соединяются коридорами и лѣстницами, а при нѣкоторыхъ изъ нихъ есть рѣзные балконы.

На входныхъ дверяхъ множество украшеній необычайно тонкой работы, изображающихъ цвѣты лотоса, похожіе на огромныя розы, охоту на дикаго кабана, бой слоновъ съ быками, чудовищныхъ животныхъ и

Уголъ пещернаго храма въ Аджантѣ.

змѣй. Внутри высокіе своды храма поддерживаются колоннами съ богатѣйшей рѣзьбой, которая напоминаетъ дорогое кружево. На барельефахъ представлены различныя событія изъ жизни Будды.

Стѣны покрыты замѣчательными фресками*). Онѣ отличаются чрезвычайно мягкимъ сочетаніемъ красокъ: въ нихъ нѣтъ ничего рѣзкаго, крикливаго. Эти фрески изображаютъ то просто узоры, то духовъ съ гирляндами цвѣтовъ, которыя они несутъ къ Буддѣ, то религіозныя событія, то, наконецъ, сцены изъ повседневной жизни.

---

*) Фрески — особый-родъ живописи по свѣжей штукатуркѣ.

На одной стѣнѣ изображенъ дворецъ раджи. Самъ раджа лежитъ на коврѣ; рабы обмахиваютъ его вѣерами, чтобъ онъ не чувствовалъ жары; его скуку разгоняютъ танцовщицы, фокусники, заклинатели змѣй. Въ отдаленіи стоятъ слуги и служанки съ длинными волосами въ сѣткахъ.

Вотъ пріемъ персидскаго посольства у индусскаго царя. Въ противоположность полунагимъ индусамъ, персы одѣты въ богатыя платья. У ногъ царя стоятъ дары — ящички съ благовоніями, шкатулки съ драгоцѣнностями и подносы со сластями.

На другой стѣнѣ представленъ выѣздъ на охоту. Далѣе — военный парадъ съ конницей и слонами. Солдаты въ каскахъ и кольчугахъ. Вооруженіе ихъ составляютъ луки, копья и сабли съ прорѣзомъ, въ который продѣвается большой палецъ У однихъ продолговатые щиты, у другихъ круглые.

Вся эта замѣчательная живопись и скульптура относится, главнымъ образомъ, къ пятому и шестому столѣтіямъ по Р. X., т.-е. была ужъ создана черезъ десять вѣковъ послѣ Будды. Она наглядно показываетъ, какъ жили въ Индіи въ прежнія времена, какъ постепенно складывались буддійскія легенды и какъ понемногу видоизмѣнялись вѣрованія. Самые же храмы теперь покинуты, и пещеры Аджанты, гдѣ нѣкогда жили буддійскіе монахи, совершенно опустѣли.

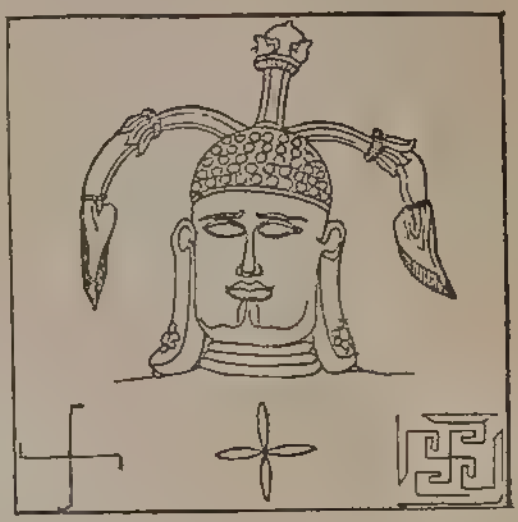
Скала мѣстами обрушилась. Балконы поросли травою и мхомъ. Ползучія растенія обвились вокругъ колоннъ. На раскаленныхъ отъ солнца плитахъ, рядомъ съ исполинскими изображеніями каменныхъ гадовъ, грѣются настоящія живыя змѣи. Зеленыя ящерицы весело играютъ на развалинахъ. Въ темныхъ углахъ бѣгаютъ крысы и мыши. Въ нѣкоторыхъ пещерахъ развилось столько осъ и пчелъ, что въ нихъ не безопасно войти, а подчасъ даже туда забѣжитъ изъ лѣса дикій звѣрь или залетитъ хищная птица.

Въ гораздо большей чистотѣ сохранилось ученіе *джайновъ*, возникшее одновременно съ буддизмомъ и сходное съ нимъ въ нѣкоторыхъ чертахъ. Первымъ

проповѣдникомъ его былъ Махавира, который жилъ въ одно время съ Буддой, и оба учителя знали другъ друга.

Махавира, какъ и Гаутама, происходилъ изъ рода землевладѣльцевъ и, отказавшись отъ имущества, оставивъ жену и дочь, сдѣлался аскетомъ. Послѣ двѣнадцати лѣтъ самоистязаній онъ почувствовалъ себя «совершеннымъ» и остальную жизнь посвятилъ на проповѣдь своего ученія и устройство своей общины.

Джайнскіе монахи странствовали съ мѣста на мѣсто, какъ и буддійскіе, и оставались въ монастыряхъ только въ періодъ дождей. Поступая въ общину, они произносили пять обѣтовъ: не убивать, не лгать, не красть, вести цѣломудренную жизнь и отказываться отъ всего мірского. Джайны такъ же, какъ, и буддисты отрицали существованіе боговъ, отвергали Веды и господство брахмановъ. Зато существенное отличіе было въ томъ, что буддисты старались только подавить въ себѣ привязанность ко всему земному, а джайны считали необходимымъ умерщвленіе плоти. Для этого они подвергали себя тяжелымъ изнуреніямъ и доводили постъ почти до полнаго голоданія.

Джайнскій знакъ.

Джайны тщательно оберегали жизнь всякаго созданія. Не говоря уже о томъ, что они умышленно не убивали ни одного живого существа, но принимали мѣры и къ тому, чтобы это не случилось нечаянно. Передъ тѣмъ, какъ пить воду, ее три раза процѣживали черезъ густое ситечко, чтобы вмѣстѣ съ нею не проглотить какой-нибудь мушки. Благочестивый джайнъ обязательно подметалъ то мѣсто, на которомъ собирался сѣсть, чтобы не раздавить какой-нибудь твари. Опасаясь, чтобы вѣтеръ не задулъ ему въ ротъ мельчайшаго насѣкомаго, онъ надѣвалъ вуаль. Поэтому джайнскіе монахи, кромѣ нищенской чаши, носили при себѣ ситечко, метлу и покрывало.

Махавира, какъ проповѣдникъ, далеко не отличался талантливостью Гаутамы. Хотя его ученіе распространилось въ значительной части Индіи, но не пріобрѣло такого вліянія, какъ буддизмъ. Впослѣдствіи оно распалось на нѣсколько сектъ, которыя всѣ, однако, признаютъ своимъ главою Махавиру.

Джайнскій святой.

Въ настоящее время джайны разсѣяны по всей странѣ. Хотя число ихъ и не очень велико, всего около $1^1/_2$ милліоновъ, но они извѣстны своимъ богатствомъ и виднымъ положеніемъ. Они, по преимуществу, купцы и банкиры, и черезъ ихъ руки проходитъ добрая половина торговыхъ сдѣлокъ въ Индіи. Одною изъ своихъ главныхъ обязанностей они считаютъ дѣла благотворительности и помогаютъ щедрой рукой. Между собою они очень сплочены, но живутъ замкнуто и держатся въ сторонѣ отъ другихъ.

У джайновъ есть особый знакъ, показывающій принадлежность къ ихъ религіи. Этотъ знакъ изображаетъ голову, подъ которою находятся три символическія фигуры.

Древніе проповѣдники почитаются джайнами за святыхъ. Ихъ статуи иногда ставятся въ глубокихъ

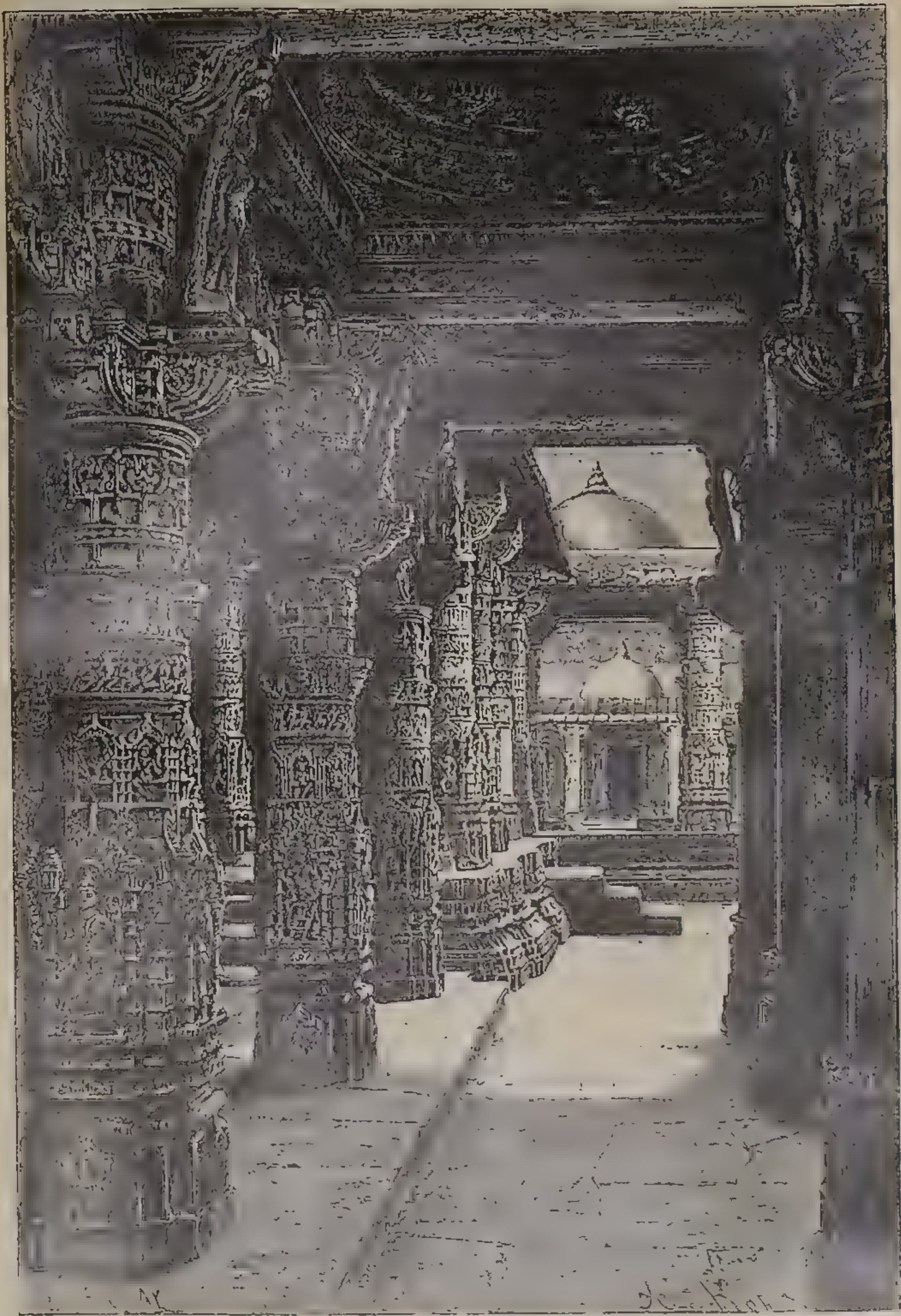

Джаинскіе храмы на священной горѣ.

рѣзныхъ нишахъ. Въ ихъ честь также воздвигнуты храмы, отличающіеся изумительной красотой.

Джайны ходятъ на поклоненіе къ святымъ мѣстамъ, которыми у нихъ считаются нѣкоторыя горы, въ особенности вершины Абу и Параснатъ, замыкающія гряду Виндхья, первая съ запада, а вторая съ востока. Паломничества эти не легки, такъ какъ приходится взбираться на крутую гору, сплошь застроенную храмами. Джайнскіе храмы по размѣрамъ не велики: каждый изъ нихъ имѣетъ какихъ-нибудь три квадратныхъ фута. Храмъ часто расположенъ надъ громаднымъ отпечаткомъ ноги, который приписывается Махавирѣ и весь испещренъ джайнскими эмблемами. Среди множества маленькихъ храмовъ обыкновенно встрѣчается и нѣсколько большихъ съ колоннами, башнями, величественными порталами и сіяющими куполами. Они построены изъ мрамора и украшены скульптурами. Полъ выложенъ великолѣпной мраморной мозаикой. Внутри на пьедесталѣ всегда ставится огромная статуя Махавиры, сидящаго съ поджатыми ногами, какъ большею частью изображаютъ и Будду. На лбу и на груди статуи сверкаютъ брильянты, а тѣло ея разукрашено золотыми пластинками. Глаза ея изъ серебра, выложеннаго кусочками стекла, такъ отсвѣчиваютъ, что кажется, будто она пристально смотритъ на входящихъ.

Большіе храмы расположены въ особыхъ дворахъ, обнесенныхъ высокою крѣпкою стѣною, а малые рядами образуютъ улицы. Нѣкоторые изъ нихъ существуютъ съ одиннадцатаго вѣка, но большинство воздвигнуто лишь въ прошломъ столѣтіи. Немногочисленные жрецы ночуютъ въ храмахъ и ежедневно совершаютъ богослуженіе, а прислужники занимаются уборкой храма и кормленіемъ священныхъ голубей, постоянныхъ обитателей этого мѣста. Въ оградѣ нѣтъ человѣческаго жилья. Паломникъ приходитъ утромъ и, воздавъ поклоненіе, удаляется. На священной горѣ онъ не долженъ ночевать, не долженъ также вкушать пищи или, по крайней мѣрѣ, приготовлять ее тамъ.

Внутренній видъ джайнскаго храма.

У входа въ храмъ паломники дѣлаютъ взносъ на монашескую общину и на ремонтъ зданій, которыя поддерживаются въ большомъ порядкѣ.

VI.

Походъ грековъ на Индію. —Восточное и западное царства.—Царь Ашока.—Скиѳы.

Индія уже въ глубокой древности была извѣстна многимъ западнымъ народамъ, которые торговали съ нею черезъ посредство предпріимчивыхъ финикійскихъ купцовъ. Оттуда привозились драгоцѣнныя ткани, оружіе съ богатыми накладными украшеніями, рѣзныя издѣлія изъ слоновой кости, жемчугъ, алмазы и золото. Купцы, побывавшіе въ Индіи, разсказывали чудеса о ея величественныхъ горахъ, роскошной растительности и дивныхъ постройкахъ. Пылкое воображеніе еще прикрасило эти разсказы и стало приписывать Индіи всѣ сокровища сказочныхъ царствъ. Ее считали источникомъ несмѣтныхъ и неисчерпаемыхъ богатствъ, и многіе владыки древняго міра стремились къ тому, чтобы ее завоевать и овладѣть ея сокровищами.

Немаловажное вліяніе на судьбу Индіи оказалъ походъ Александра Македонскаго, который въ 327 году до Р. Х. съ греческимъ войскомъ перевалилъ сѣверо-западную границу, перешелъ черезъ рѣку Индъ и направился въ глубь страны. Въ Пенджабѣ Александръ нашелъ рядъ маленькихъ царствъ, которыя враждовали между собою. Многія изъ нихъ надѣялись получить отъ чужеземцевъ помощь для борьбы со своими соперниками и потому оказывали пришельцамъ помощь, а не сопротивленіе. Греки свободно подвигались впередъ, но во время своего двухлѣтняго похода Александръ не отвоевывалъ областей и сражался лишь тогда, когда ему не давали итти дальше. Зато онъ основывалъ новые города, въ которыхъ оставлялъ гарнизоны войскъ, и завязывалъ сношенія съ туземными царьками. Это была лишь подготови-

тельная работа. Онъ разсчитывалъ въ скоромъ времени предпринять второй походъ и съ помощью союзниковъ, которыми онъ заручился, приступить къ завоеванію Индіи. Однако этотъ планъ остался невыполненнымъ, такъ какъ Александръ вскорѣ скончался. Послѣ его смерти произошелъ раздѣлъ его имперіи, и индійскія владѣнія достались полководцу Селевку Никатору.

Селевкъ, занятый различными завоеваніями, въ теченіе двѣнадцати лѣтъ не заглядывалъ въ Индію, гдѣ произошли, между тѣмъ, крупныя событія. Одинъ греческій намѣстникъ, который былъ посланъ для управленія городами, основанными Александромъ Македонскимъ, убилъ дружественнаго *союзнаго* царя. Индусы возмутились этимъ вѣроломнымъ поступкомъ, возстали противъ грековъ, присутствіемъ которыхъ давно уже тяготились, и изгнали ихъ губернаторовъ изъ предѣловъ страны. Этимъ возстаніемъ руководилъ индусъ Чандра Гупта.

Чандра Гупта былъ низкаго происхожденія. Онъ отличался большимъ честолюбіемъ, которое заставляло его пробивать себѣ дорогу впередъ, а талантливость натуры помогла ему осуществить свои честолюбивые замыслы. Въ молодости онъ служилъ у одного изъ индусскихъ царьковъ, но за какой-то проступокъ впалъ въ немилость. Затѣмъ нѣкоторое время онъ находился въ лагерѣ Александра Македонскаго и даже уговаривалъ истомленныхъ воиновъ итти походомъ въ богатую юго-восточную часть страны, прельщая ихъ выгодами этого предпріятія. Однако онъ чѣмъ-то оскорбилъ самого Александра и вынужденъ былъ спасаться бѣгствомъ. Возстаніе помогло ему выдвинуться. Онъ подчинилъ себѣ многія владѣнія и основалъ такое большое царство, какого до него въ Индіи еще не бывало. Ему подвластна была вся Индо-Гангетическая равнина отъ Гималаевъ до горъ Виндхья.

Прибывъ въ Индію, Селевкъ засталъ царство Чандра Гупты въ расцвѣтѣ силы и славы. Онъ пытался

было отвоевать обратно свои владѣнія, но увидѣлъ, что имѣетъ дѣло съ могущественнымъ противникомъ, котораго ему не удастся одолѣть. Тогда онъ предпочелъ вступить съ нимъ въ союзъ. Онъ отказался отъ притязаній на прежнія греческія владѣнія и получилъ въ уплату за это пятьсотъ слоновъ. Селевкъ даже породнился съ Чандра Гуптой, выдавъ за него свою дочь, а возвратившись на родину, отправилъ къ его двору посланника. Этотъ посланникъ, по имени Мегасѳенъ, прожившій въ Индіи восемь лѣтъ, хорошо ознакомился съ нравами и обычаями страны. Свои впечатлѣнія и наблюденія онъ изложилъ въ запискахъ, которыя ярко рисуютъ общественную жизнь Индо-Гангетической равнины за три вѣка до Р. Х.

Мегасѳенъ восхваляетъ храбрость индусовъ и скромность ихъ женщинъ. По его словамъ, въ военныхъ доблестяхъ съ ними не можетъ соперничать ни одинъ азіатскій народъ. Честность ихъ поразительна; они никогда не лгутъ и не плутуютъ, никогда не запираютъ дверей, такъ какъ воровство у нихъ чрезвычайно рѣдкое явленіе. Они почти никогда не судятся и мирно живутъ подъ управленіемъ своихъ царьковъ. Это трудолюбивые и работящіе люди, хорошіе земледѣльцы и искусные ремесленники. Мегасѳенъ перечисляетъ всѣ ремесла, которыми они занимаются, и указываетъ на то, что земледѣльцы освобождены отъ военной службы и отъ нѣкоторыхъ повинностей. Онъ описываетъ также касты съ ихъ наслѣдственными занятіями.

Преобладающимъ занятіемъ индусовъ являлось земледѣліе. Успѣшность его, главнымъ образомъ, зависѣла отъ періодическихъ дождей, и очень важно было знать, выпадутъ ли они въ изобиліи. За предсказаніями о погодѣ обращались къ брахманамъ, которые давали отвѣты на основаніи своихъ наблюденій. Эта обязанность считалась очень серьезной, и за небрежное или необдуманное отношеніе къ ней установлено было наказаніе.

«Тотъ, кто ошибется въ предсказаніяхъ, долженъ соблюдать обѣтъ молчанія въ теченіе всей остальной жизни», гласилъ законъ.

По свидѣтельству Мегасѳена, Индія раздѣлялась на 118 мелкихъ царствъ или княжествъ, и нѣкоторыя изъ нихъ были подчинены царству Чандра Гупты.

Послѣ смерти Чандра Гупты наслѣдники Селевка опять предприняли походы на Пенджабъ и отвоевали себѣ часть владѣній. Такимъ образомъ въ западной части Индо-Гангетической равнины образовалось новое государство, въ которомъ управляли селевкиды, т.-е. потомки Селевка. Къ востоку отъ него лежало могущественное царство, гдѣ прочно утвердилась династія Чандра Гупты. Оба эти царства въ 256 году до Р. Х. заключили между собою союзъ. Это случилось въ то время, какъ въ западномъ царствовалъ внукъ Селевка, Антіохъ, а въ восточномъ—внукъ Чандра Гупты, знаменитый Ашока.

Оба эти царства имѣли большое значеніе для развитія культуры Индустана. Греки сильно повліяли на индусскія науки и искусства. Изъ своей родины, которая принадлежала къ числу наиболѣе цивилизованныхъ странъ древняго міра, они принесли многія знанія, которымъ здѣсь нашлось примѣненіе. Греки были хорошими астрономами, и при ихъ содѣйствіи брахманы значительно расширили свои свѣдѣнія въ этой наукѣ, которою они всегда усердно занимались. У грековъ процвѣтала скульптура, и ихъ статуи отличались необыкновенной красотою и тонкостью работы. Они научили этому искусству индусовъ, которые имѣли обыкновеніе украшать статуями свои храмы. Въ тѣхъ частяхъ Индіи, гдѣ жили греки, изваянія отличались изяществомъ облика; но чѣмъ дальше на востокъ, куда мало проникло греческое вліяніе, тѣмъ они были грубѣе и безобразнѣе.

Восточное царство оказало еще больше вліянія, чѣмъ западное, благодаря введенію буддизма, не замедлившему отразиться на всемъ складѣ жизни. Буддизмъ былъ введенъ при знаменитомъ царѣ Ашокѣ.

Вначалѣ царствованіе Ашоки было ознаменовано разными жестокими дѣяніями. Онъ умертвилъ своихъ братьевъ, безпощадно преслѣдовалъ враговъ, пыталъ и мучилъ плѣнниковъ. Его тюрьма называлась адомъ. Кто въ нее попадалъ, долженъ былъ неминуемо погибнуть медленной и мучительной смертью. На всѣхъ казняхъ царь присутствовалъ самолично и наслаждался страданіями умирающихъ.

Однако съ этимъ жестокимъ царемъ произошла внезапная перемѣна. Преданіе приписываетъ ее чуду, которое случилось во время казни одного буддійскаго монаха. Его бросили въ котелъ съ кипящимъ масломъ, но онъ вышелъ цѣлъ и невредимъ. При видѣ этого царь будто бы раскаялся въ своихъ грѣхахъ, рѣшилъ принять буддійскую вѣру и далъ обѣтъ усѣять землю памятниками въ честь великаго учителя—Будды.

Какъ бы то ни было, но Ашока построилъ множество храмовъ и монастырей. На свои средства онъ содержалъ тысячи буддійскихъ монаховъ. Всевозможными мѣрами онъ способствовалъ тому, чтобы буддизмъ сдѣлался государственной религіей.

Раньше всего онъ принялъ мѣры, чтобы очистить буддійское ученіе отъ вкравшихся въ него искаженій. Были люди, которые, прикрываясь монашескимъ одѣяніемъ, проповѣдывали ереси, выдавая собственные взгляды за ученіе Будды. Всѣ эти отступленія были разсмотрѣны и исправлены на третьемъ буддійскомъ соборѣ, состоявшемъ изъ тысячи старѣйшихъ монаховъ. Онъ былъ созванъ въ 244 году до Р. Х. по повелѣнію Ашоки въ столицѣ его государства Патнѣ.

Для того, чтобы буддійское ученіе сохранилось въ чистотѣ, Ашока издалъ четырнадцать указовъ, въ которыхъ были изложены его главныя основы. По этимъ указамъ народъ могъ ознакомиться со своею вѣрой безъ искаженій; а чтобы указы были на глазахъ у всякаго, царь приказалъ вырѣзать ихъ на поверхности многихъ скалъ и въ пещерныхъ храмахъ. Кромѣ того, повсемѣстно, отъ одного края царства до другого, воздвигнуты были высокіе каменные столбы, на кото-

рыхъ были написаны тѣ же царскіе указы. Нѣкоторыя надписи со временъ Ашоки сохранились и до нашихъ дней. Однѣ принадлежатъ къ древнѣйшимъ памятникамъ письменности въ Индіи. (См. рис. на стр. 61).

Указы должны были содѣйствовать распространенію «добраго закона», т.-е. буддійской вѣры. Съ той же цѣлью тотчасъ по окончаніи собора, Ашока учредилъ отдѣльное министерство, которое завѣдывало всѣми религіозными дѣлами. Особыя заботы этого министерства были направлены на то, чтобы вербовать новыхъ приверженцевъ для буддійской религіи. Были посланы проповѣдники, которые должны были «итти до крайнихъ предѣловъ варварскихъ странъ и проповѣдовать невѣрующимъ истинное ученіе». Они должны были учить добру «всѣхъ безъ различія — солдатъ, брахмановъ и нищихъ, сильныхъ міра и презрѣнныхъ рабовъ, какъ въ своей землѣ, такъ и въ чужихъ странахъ». Обращать въ буддійскую вѣру дозволялось только кротостью и убѣжденіемъ, но никакъ не силою оружія.

Ашока очень заботился о благосостояніи новообращенныхъ народовъ. Во всѣхъ завоеванныхъ имъ земляхъ, до Цейлона включительно, по его распоряженію были вырыты колодцы, проложены дороги и вдоль дорогъ посажены деревья, которыя осѣняли бы своей тѣнью путника, проѣзжающаго въ знойный день. Вездѣ устроены были больницы для людей и для животныхъ. Были назначены особые чиновники, которые должны были слѣдить за семейной жизнью и за чистотою нравовъ, предупреждая и пресѣкая въ корнѣ пороки. Сознавая важное значеніе образованія, Ашока велѣлъ наблюдать за тѣмъ, чтобы его подданные учили своихъ дѣтей, какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ.

Дѣти Ашоки принимали такое же горячее участіе въ распространеніи буддійской вѣры, какъ и ихъ отецъ. Черезъ годъ послѣ собора въ Патнѣ сынъ Ашоки вмѣстѣ съ другими миссіонерами отправился

на Цейлонъ и отвезъ туда буддійскія священныя книги. Впослѣдствіи, черезъ шесть столѣтій, онѣ были переведены на палійскій языкъ, который сдѣлался у южныхъ буддистовъ священнымъ. На Цейлонѣ буддійская вѣра до сихъ поръ сохранилась въ бо̀льшей чистотѣ, чѣмъ гдѣ бы то ни было.

Дочь Ашоки сдѣлалась монахиней и основала женскую общину, въ которую по ея примѣру поступили многія знатныя женщины.

Покровительствуя буддизму, Ашока въ то же время оказывалъ поддержку брахманамъ и ежедневно кормилъ на свой счетъ множество нищенствующихъ брахмановъ, наравнѣ съ буддійскими монахами. Онъ руководился гуманными воззрѣніями, которыя высказалъ въ одной изъ надписей, сохранившихся до сихъ поръ: «Любимый богами любящій царь (такъ онъ себя называлъ) выражаетъ свое уваженіе къ другимъ религіямъ, подавая милостыню нищимъ и оказывая имъ всевозможное вниманіе. Нужно почитать собственную вѣру, но не слѣдуетъ бранить чужой. Только терпимость дѣлаетъ человѣка истинно благочестивымъ. Да будутъ вѣрующіе всякой религіи богаты мудростью и счастливы добродѣтелью».

Во время своего долгаго царствованія, которое продолжалось 37 лѣтъ, Ашока значительно расширилъ свои владѣнія и стремился къ тому, чтобы объединить всѣ мелкія княжества Индустана въ одно большое государство. Ему удалось покорить хотя и не весь Индустанъ, но значительную его часть.

Преемники Ашоки вовсе не помышляли о томъ, чтобы продолжать начатое имъ объединеніе. Напротивъ, они тотчасъ же раздѣлили между собою его обширное царство. Послѣ раздѣла пошли раздоры и междоусобныя войны, которыя разоряли страну и ослабляли силы индусскихъ властителей. Таковъ былъ конецъ нѣкогда могущественнаго восточнаго царства. Возникшее почти одновременно съ нимъ западное государство, основанное греками, также приходило въ упадокъ, благодаря внутреннимъ смутамъ.

Ослабленіе этихъ двухъ сильныхъ державъ оказалось на руку новымъ завоевателямъ, *скиѳамъ*, которые пришли изъ Средней Азіи черезъ Гималаи. Скиѳы утвердились въ Индіи въ первомъ вѣкѣ до Р. Х., и ихъ владычество продержалось около шести столѣтій. Мало-по-малу они сдѣлали крупныя завоеванія и основали большое царство. Самымъ знаменитымъ изъ скиѳскихъ царей былъ Канишка. Онъ присоединилъ къ своимъ владѣніямъ Кашмиръ, который лежитъ по другую сторону Гималаевъ, и тамъ устроилъ себѣ столицу.

Сильные, но полудикіе скиѳы, покоривъ индусовъ, стали многое отъ нихъ заимствовать: ремесла, науки, искусства, религію. Брахманы, въ силу кастовыхъ предразсудковъ, не хотѣли принимать въ свою вѣру чужеземцевъ, и имъ не оставалось ничего другого, какъ перейти въ буддизмъ. Зато скиѳскіе цари сдѣлались ревностными поборниками буддизма. Канишка, согласно преданію, созвалъ четвертый и послѣдній буддійскій соборъ, въ которомъ участвовали пятьсотъ старѣйшинъ. На этомъ соборѣ вновь разсмотрѣно было буддійское вѣроученіе и сдѣланы были толкованія къ тому, что въ немъ представлялось неяснымъ и темнымъ. Четвертый соборъ, состоявшійся черезъ двѣсти лѣтъ послѣ третьяго и черезъ четыреста лѣтъ послѣ смерти Будды, утвердилъ многія измѣненія и искаженія въ догматахъ, которыя вкрались за это время. Поэтому изложенное имъ ученіе или такъ называемая «Великая колесница закона» значительно отличается отъ «Малой колесницы», которая была сведена въ цѣлое при царѣ Ашокѣ. Съ этого времени буддизмъ раздѣлился на южный, признававшій Малую колесницу, и сѣверный, признававшій Большую колесницу.

Сѣверные буддисты продолжали миссіонерскую дѣятельность, которой положилъ начало Ашока, и буддизмъ пріобрѣталъ такое широкое распространеніе, какого до него не имѣла ни одна религія въ мірѣ. Изъ Кашмира, гдѣ онъ процвѣталъ подъ покровительствомъ Канишки, онъ проникъ въ сосѣдній Китай во второмъ вѣкѣ до Р. Х. Впослѣдствіи изъ Китая

онъ перешелъ въ Корею, а черезъ посредство Кореи ёще далѣе въ Японію. Южный буддизмъ тоже распространялся, благодаря миссіонерамъ, которые явились проповѣдовать его въ Бирманію и на острова, лежащіе въ Индійскомъ океанѣ.

Буддійское ученіе, провозгласившее равенство людей и народовъ, прививалось въ различныхъ странахъ, но почти вездѣ оно сильно уклонилось отъ своего первоначальнаго вида, смѣшиваясь съ другими господствовавшими тамъ религіями. Все же въ настоящее время изъ всѣхъ нехристіанскихъ религій буддизмъ имѣетъ наибольшее число послѣдователей. Его исповѣдуетъ почти треть населенія земного шара.

При Канишкѣ скиѳы достигли высшаго могущества; затѣмъ оно начало постепенно приходить въ упадокъ. Скиѳскія владѣнія, заключавшія въ себѣ Гангетическую долину и Кашмиръ, передѣлялись горными громадами Гималаевъ, затруднявшими сношенія. Ужъ одно это не могло не содѣйствовать ихъ распаденію.

Когда греки водворились на сѣверо-западѣ, то индусы приложили всѣ усилія, чтобы свергнуть чужеземное господство, и, какъ слѣдствіе этой борьбы, возникло царство Чандра Гупты. Такъ же точно и скиоскія завоеванія выдвинули индусскихъ царей, которые отстаивали свою независимость и оказывали скиѳамъ отчаянное сопротивленіе.

Борьба со скиѳами продолжалась изъ поколѣнія въ поколѣніе. Ее поддерживали три могущественныя, смѣнявшія другъ друга династіи индусскихъ царей. Сначала счастье попеременно благопріятствовало то одной, то другой сторонѣ. Скиѳы иногда терпѣли пораженія, а иногда опять добивались власти и свергали своихъ противниковъ. Однако вліяніе индусовъ мало-по-малу упрочивалось и подготовляло большой переворотъ во внутренней жизни Индіи. Съ воцареніемъ въ IV вѣкѣ династіи Гуптовъ, національныя силы стали быстро возрождаться, и чисто-индійскій элементъ побѣдилъ. Это отразилось на всей дальнѣйшей исторіи страны.

VII.

Индуизмъ.

Все время, пока продолжалось чужеземное владычество, брахманы оставались въ сторонѣ, такъ какъ завоеватели исповѣдовали буддизмъ и покровительствовали ему. Хотя брахманское ученіе и перестало быть первенствующимъ, но не исчезло изъ страны и имѣло своихъ послѣдователей.

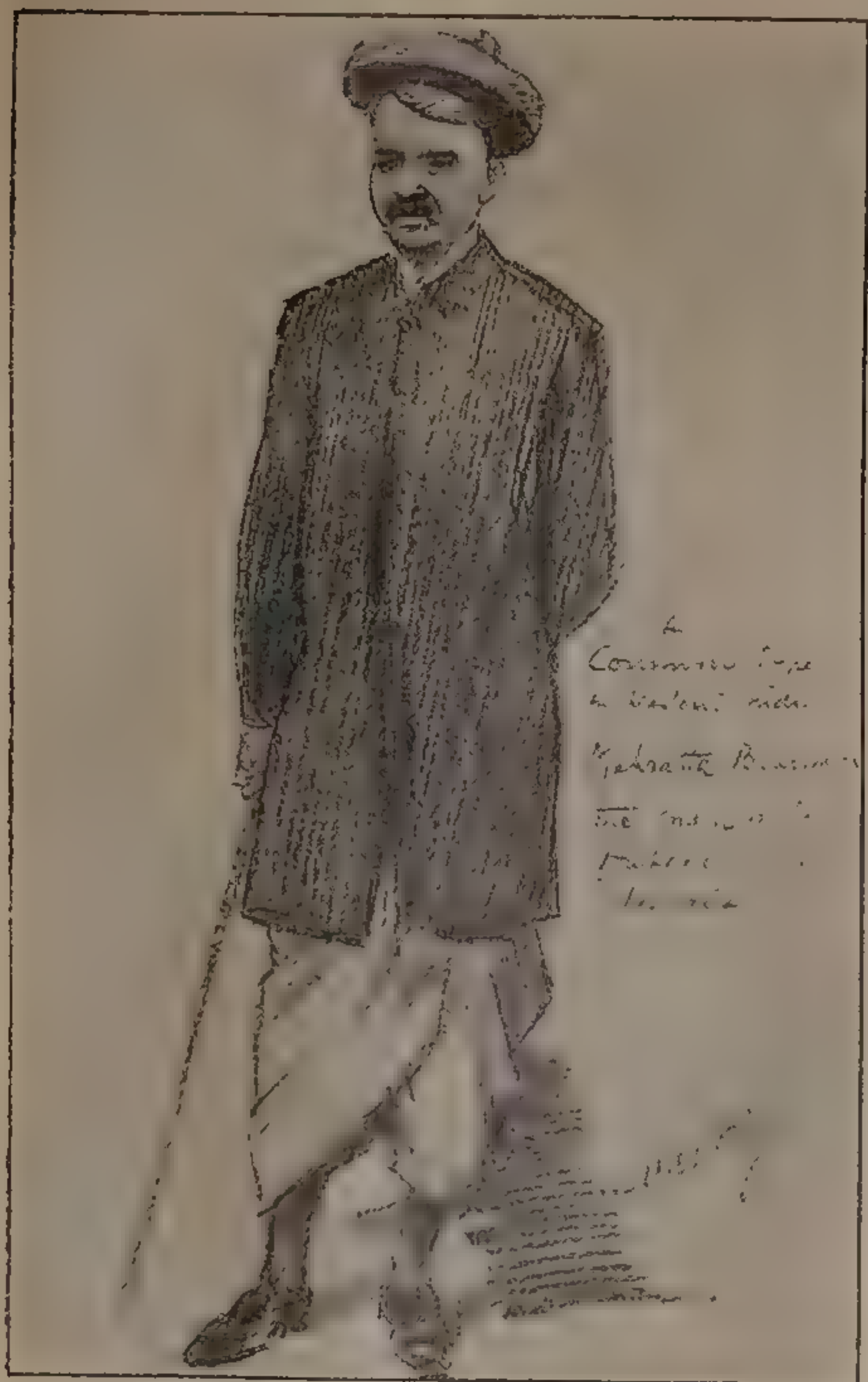
Населеніе Индіи въ ту эпоху состояло изъ неарійцевъ, ея древнѣйшихъ обитателей, арійцевъ и скиѳовъ. Буддизмъ послужилъ первымъ связующимъ звеномъ между этими несходными расами. Онѣ имѣли общую религію, у нихъ вырабатывались общіе обычаи. Однако буддизмъ былъ вытѣсненъ изъ Индіи раньше, чѣмъ онъ успѣлъ довершить свою объединительную работу.

Скиѳскихъ царей смѣнили туземные правители, тяготѣвшіе къ брахманамъ. Тѣмъ не менѣе брахманы сразу не рѣшились выступить противъ ненавистныхъ имъ религіозныхъ ученій. Повидимому, они чувствовали себя еще недостаточно сильными для этого; а борьба могла быть только духовная, и одолѣть можно было только силою нравственнаго воздѣйствія.

Лишь въ половинѣ восьмого вѣка нѣкій брахманъ Кумарила сталъ открыто проповѣдовать ученіе, основанное на Ведахъ. Онъ былъ первымъ изъ цѣлаго ряда брахманскихъ реформаторовъ, которые стремились возродить древнюю религію своихъ предковъ. Каждый изъ нихъ вносилъ что-нибудь новое, какія-нибудь своеобразныя толкованія. Брахманизмъ считалъ ересью лишь отрицаніе Ведъ, какъ это было въ ученіи буддистовъ и джайновъ. Ко всѣмъ же остальнымъ уклоненіямъ и измѣненіямъ онъ относился терпимо, и потому среди брахмановъ уже издревле существовало цѣлое множество сектъ.

Буддизмъ долженъ былъ уступить мѣсто брахманскому ученію. Онъ ужъ приходилъ въ упадокъ и

не оказывалъ прежняго вліянія. Затѣмъ онъ лишился могущественныхъ покровителей,—царей. Наконецъ въ немъ были нѣкоторыя черты, не пользовавшіяся сочувствіемъ массъ. Такъ, онъ проповѣдовалъ, что высшаго спасенія можно достигнуть лишь монашеской жизнью, въ основу которой заложено было безбрачіе. Этимъ подрывалось семейное начало, отъ котораго многимъ тяжело было отказаться. Къ тому же буддизмъ отрицалъ боговъ, а людямъ казалось легче искать спасенія въ милости сверхъестественныхъ существъ, чѣмъ въ самоусовершенствованіи.

Высокорожденный брахманъ.

Брахманы, одержавъ побѣду надъ буддизмомъ, дали взамѣнъ его другое связующее звено для населенія Индіи. Этимъ связующимъ звеномъ служилъ и понынѣ служитъ такъ называемый *индуизмъ*.

Индуизмъ представляетъ общественный строй и въ то же время религіозное ученіе. Какъ общественный строй, онъ основанъ на кастахъ. Какъ религія, онъ соединяетъ въ себѣ брахманское ученіе съ нѣ-

которыми буддійскими догматами и съ грубыми суевѣріями не-арійскихъ племенъ.

Касты, составляющія главную основу индуизма, постепенно достигли еще большаго дробленія, чѣмъ прежде. Въ настоящее время онѣ ужъ насчитываются десятками тысячъ. Жизнь заставила представителей того или иного сословія взяться за разнообразныя занятія. Такъ, при многочисленности брахмановъ (ихъ около 15 милліоновъ), на всѣхъ не хватаетъ должностей жрецовъ, и нѣкоторые изъ нихъ стали учителями, торговцами, земледѣльцами, ремесленниками, носильщиками и т. д. Въ силу этого они должны были разбиться на рядъ кастъ.

Значеніе имѣетъ и мѣсто жительства. Брахманы, живущіе въ Гималайскихъ предгорьяхъ, не смѣшиваются съ брахманами Южной Индіи или Западныхъ провинцій. Однако и среди тѣхъ брахмановъ, которые занимаются однимъ дѣломъ и живутъ въ одной мѣстности, опять можетъ произойти раздѣленіе на нѣсколько кастъ, вслѣдствіе различія въ вѣроученіи, обрядахъ и т. п.

Только нѣкоторыя касты носятъ общія сословныя названія, какъ, напримѣръ, брахманы или раджпуты (военные, прежніе кшатріи), при чемъ дѣлается еще какое-нибудь указаніе, опредѣляющее, какая это именно изъ брахманскихъ или раджпутскихъ кастъ. Остальныя касты называются то по ремеслу, которымъ онѣ занимаются, то по имени предметовъ или животныхъ, которые являются ихъ девизомъ, то по имени какого-нибудь отдаленнаго родоначальника.

Каждая каста имѣетъ свои особыя предписанія, подчасъ совсѣмъ мелочныя, которыя ее отличаютъ отъ другихъ. Однако есть и нѣкоторыя общія правила, соблюдаемыя во всѣхъ рѣшительно кастахъ. Эти правила касаются браковъ, ѣды и организаціи самой касты.

Бракъ долженъ заключаться между членами одной и той же касты, но ни въ какомъ случаѣ не одной и той же семьи. Бракъ между родственниками счи-

тается такимъ же проступкомъ, какъ бракъ между представителями разныхъ кастъ. И за то, и за другое грозитъ строжайшее наказаніе.

Относительно ѣды существуетъ множество ограниченій. Запрещается принимать пищу, которая была приготовлена человѣкомъ низшей касты или къ которой онъ хотя бы только прикоснулся. Мало того, нельзя даже ѣсть вмѣстѣ съ человѣкомъ низшей касты. А такъ какъ изъ представителей двухъ кастъ одинъ непремѣнно будетъ считаться выше другого, то выходитъ, что раздѣлять трапезу можно только съ членами своей же касты. И хотя въ индусскихъ деревняхъ часто устраиваются общіе братскіе обѣды, въ которыхъ принимаетъ участіе все населеніе, но оно разбивается на группы, и каждая каста ѣстъ отдѣльно.

Эти правила обязательны для всѣхъ, и не такъ давно, послѣ одной голодовки цѣлое множество индусовъ были исключены изъ своихъ кастъ за то, что они брали ѣду въ общественныхъ столовыхъ, устроенныхъ для нихъ европейскими поселенцами. Исполненіе этихъ предписаній не только затрудняетъ сближеніе европейцевъ съ туземцами, но вноситъ много стѣсненій въ ихъ сношенія между собою и въ ихъ повседневную жизнь.

Пахарь, работающій въ полѣ, садится обѣдать въ укромномъ уголкѣ, подальше отъ дороги, чтобы на ѣду не упала тѣнь прохожаго, иначе пища будетъ осквернена, и ее нельзя будетъ вкушать. Путникъ или паломникъ беретъ съ собою съѣстные припасы, такъ какъ трудно въ пути найти человѣка своей касты, у котораго можно достать пищу. Однако все-таки нельзя же дать людямъ умереть съ голода и жажды, что при условіяхъ передвиженія по Индіи могло бы случаться на каждомъ шагу. Чувство жалости и человѣколюбія, столкнувшись съ неумолимыми кастовыми правилами, нѣсколько смягчило ихъ, и выработаны было нѣкоторыя исключенія, правда, чрезвычайно запутанныя и сложныя.

Огонь, коровье масло, соль и сахаръ считаются очищающими элементами. Поэтому кушанье, сжаренное на маслѣ съ солью, или такъ называемое *пакки-роти*, а также сладкое печенье дозволяется принять отъ человѣка низшей касты, но и то не всякой, а лишь ближайшей. Гуджератскій брахманъ приметъ пакки-роти отъ Гаурскаго брахмана, но не приметъ его отъ раджпута. Однако отъ того же Гаурскаго брахмана онъ не приметъ ѣды, приготовленной какъ - нибудь иначе. Разрѣшается принять воду въ металлическомъ сосудѣ отъ тѣхъ же кастъ, у которыхъ можно брать пакки-роти, но не дозволяется принять ее, если она подана въ глиняномъ сосудѣ. По приведеннымъ примѣрамъ можно судить о томъ, какой цѣпью условностей скованы эти послабленія.

Няня изъ Мадраса.

Ограниченія и стѣсненія простираются и на работы. Если различнымъ кастамъ можно заниматься тѣмъ же дѣломъ, то во всякомъ случаѣ не вмѣстѣ. Одинъ путешественникъ разсказываетъ, что ему пришлось нанять для своего паланкина носильщиковъ изъ разныхъ кастъ. Они должны были смѣняться поочередно, такъ какъ дорога была дальняя, и одни люди не въ си-

лахъ были бы тащить все время тяжелый паланкинъ съ сѣдокомъ. Носильщики отказались участвовать въ смѣнахъ, какъ попало, а раздѣлились на группы, соотвѣтственно своимъ кастамъ. Но когда одна смѣна уставала, то не передавала паланкина непосредственно изъ рукъ въ руки слѣдующей, чтобы не прикасаться къ членамъ другой касты. Его ставили на землю, носильщики отходили въ сторону, и тогда только за него брались другіе.

Индусскія прислуги съ дѣтьми англичанъ.

То же самое наблюдается и въ домашней жизни. Въ каждой семьѣ бываетъ множество слугъ, потому что каждый можетъ дѣлать только свое строго опредѣленное дѣло. Одинъ можетъ мыть посуду, но не можетъ готовить; другой готовитъ, но не можетъ накрывать на столъ; третій убираетъ дворъ и не можетъ входить ни въ кухню, ни въ столовую. Няня можетъ ухаживать за дѣтьми, но не можетъ дотрогиваться до госпожи. Если мать хочетъ взять у нея своего ребенка, то няня должна положить его и отойти, только тогда она можетъ къ нему прикоснуться.

Мало того, есть одни предметы, которыхъ нельзя вовсе трогать, чтобы не оскверниться, и другіе, которыхъ нельзя трогать при извѣстныхъ обстоятель-

ствахъ. Такъ, послѣ омовенія нельзя браться за кожаныя вещи. Если школьникъ послѣ купанья садится готовить урокъ по книжкѣ въ кожаномъ переплетѣ, то читать ее можетъ, не прикасаясь къ ней, а чтобы переворачивать страницы, долженъ позвать слугу, брата или младшую сестру.

Каста представляетъ организованное общество, во главѣ котораго стоитъ старшина. Должность эта наслѣдственная и передается изъ рода въ родъ. Старшина пользуется большимъ почетомъ и занимаетъ исключительное положеніе. Онъ получаетъ подарки и опредѣленный процентъ съ доходовъ и, кромѣ того, освобождается отъ нѣкоторыхъ повинностей. Старшина считается какъ бы «отцомъ» касты: улаживаетъ споры, устраиваетъ свадьбы, заботится объ интересахъ ея членовъ, а въ торговыхъ кастахъ является поручителемъ или посредникомъ при заключеніи какихъ-нибудь сдѣлокъ.

Въ помощь старшинѣ существуетъ совѣтъ изъ наиболѣе уважаемыхъ представителей касты. Совѣтъ можетъ и не быть постояннымъ, а только созываться въ случаѣ надобности. Однако особо важныя дѣла рѣшаются не старшиною и не совѣтомъ, а общимъ собраніемъ касты, которое, такимъ образомъ, въ своихъ ограниченныхъ предѣлахъ имѣетъ верховную власть. Въ общемъ собраніи принимаютъ участіе всѣ мужчины, члены касты, которые ужъ могутъ самостоятельно работать, а предсѣдательствуетъ старшина. Дѣла рѣшаются по большинству голосовъ.

Общія собранія созываются при рожденіи, свадьбѣ, похоронахъ какого-нибудь члена касты. Тогда они имѣютъ характеръ празднествъ, связанныхъ съ торжественными событіями, важными для всей касты. Иногда предметомъ ихъ совѣщаній служатъ вопросы, касающіеся заработка, и собраніе слѣдитъ за тѣмъ, чтобы всѣ работники были въ одинаковыхъ условіяхъ и чтобы эти условія были выгодными. Однажды между кирпичными мастерами Ахмедабада произошелъ такой случай: нѣкоторые изъ нихъ въ свобод-

ное время выполняли сверхурочныя работы, и за это получали задѣльную плату. Тогда общее собраніе постановило: въ виду того, что не всѣ члены касты могутъ достать сверхурочную работу, никто не долженъ брать ее, а то выходитъ, что одни получаютъ больше, другіе меньше, тогда какъ надо заботиться, чтобъ никто не имѣлъ преимуществъ передъ своими собратьями. Въ 1872 году въ томъ же Ахмедабадѣ торговцы мануфактурными товарами вздумали урѣзать плату ткачамъ за бумажныя матеріи. Каста ткачей созвала общее собраніе, на которомъ обсужденъ былъ этотъ вопросъ. Собраніе рѣшило, что нельзя соглашаться на предложенныя условія, и ткачи забастовали. Шесть недѣль длилась стачка, пока, наконецъ, торговцы не уступили. Обѣ касты заключили письменный договоръ, обезпечивавшій взаимные интересы, и тогда работы возобновились.

Однако, по воззрѣніямъ индусовъ, еще не въ этомъ заключается главная обязанность общихъ собраній. Они призваны произносить свое сужденіе по поводу несоблюденія правилъ касты и обрядовъ и постановлять приговоръ. Собраніе назначаетъ виновному наказаніе, смотря по степени его прегрѣшенія. Иногда это простой денежный штрафъ, притомъ не очень высокій. Онъ употребляется на какую-нибудь благотворительную цѣль или на устройство общихъ празднествъ. Иногда назначается какая-нибудь очистительная церемонія. Наконецъ самое тяжкое наказаніе, это—исключеніе изъ касты, временное или же безвозвратное. При исключеніи справляютъ похоронную церемонію: человѣкъ умираетъ не только для своей касты, но и для семьи, такъ какъ родственники, обыкновенно, скорѣе готовы отречься отъ него, чѣмъ раздѣлить его участь и подвергнуться позору и общему презрѣнію.

Если членъ касты исключенъ на время, то его могутъ принять обратно послѣ того, какъ онъ выполнитъ назначенную епитимію, напримѣръ, сходитъ на поклоненіе въ какое-нибудь святилище или выдержитъ продолжительный постъ. Иной разъ его присуж-

даютъ къ тому, чтобы сбрить усы, прижечь раскаленнымъ желѣзомъ языкъ или выпить очень противный очистительный напитокъ. Принятый обратно долженъ раньше всего устроить обѣдъ всей кастѣ. Когда человѣка исключаютъ, то онъ лишается права ѣсть вмѣстѣ со своими сочленами или получить отъ нихъ хотя бы каплю воды, разговаривать съ ними, прикоснуться къ кому-нибудь. Возстановленіе въ правахъ начинается съ общей трапезы; этимъ доказывается то, что каста перестала гнушаться даннаго

Бенгальскіе брахманы.

лица и вернула его въ свою среду. Полное исключеніе, навсегда лишающее человѣка его кастовыхъ правъ, налагается только за большіе проступки и встрѣчается довольно рѣдко.

Касты можно сравнить со множествомъ ячеекъ, раздѣленныхъ между собою тонкими, но непроницаемыми стѣнками, при чемъ въ каждой изъ нихъ идетъ своя замкнутая жизнь. Однако ячейки не остаются въ неподвижномъ и неизмѣнномъ состояніи. То какая-нибудь изъ нихъ путемъ дѣленія превратится въ двѣ-

три новыхъ; то нѣкоторыя передвигаются — однѣ поднимаются выше, другія опускаются ниже; но все-таки вмѣстѣ онѣ никогда не сливаются.

Повышеніе и пониженіе кастъ происходитъ сплошь да рядомъ. Стоитъ, напримѣръ, всѣмъ членамъ перемѣнить занятіе, ремесло—вотъ и готово измѣненіе. Чамары, т. е. кожевники, бросаютъ унизительную выдѣлку кожъ и дѣлаются ткачами; теперь они уже называются «чамары джулахи». Они стоятъ выше касты чамаровъ, но ниже джулаховъ, наслѣдственной касты ткачей. Бываетъ и наоборотъ. Брахманы, исполняющіе религіозные обряды для презрѣнныхъ кастъ, понижаются въ рангѣ; еще ниже они падаютъ, когда мѣняютъ жреческое достоинство на ремесло. Наконецъ униженіе доходитъ до того, что въ Пенджабѣ составляется брахманская каста воровъ. Однако все-таки краеугольнымъ камнемъ кастовой системы служитъ уваженіе къ брахманамъ и признаніе ихъ превосходства надъ всѣми остальными. Брахманъ, даже изъ касты воровъ, считается выше самаго знатнаго и почтеннаго раджпута, не говоря ужъ о другихъ.

Много отрицательныхъ сторонъ имѣютъ касты. Онѣ поселяютъ въ людяхъ рознь, пріучаютъ ихъ относиться другъ къ другу презрительно и враждебно. При такомъ неравенствѣ невозможно единеніе, немыслимы широкія стремленія, направленныя къ благу всего народа и всего человѣчества, нѣтъ мѣста для общественной жизни. Помимо того кастовыя предписанія и ограниченія налагаютъ стѣснительныя и совершенно ненужныя путы, отнимаютъ у человѣка драгоцѣннѣйшее благо — свободу. Наслѣдственность занятія, къ сожалѣнію, часто ведетъ къ тому, что глохнетъ талантъ, вынужденный итти не по своей дорогѣ. Отдѣльный человѣкъ не въ правѣ перемѣнить занятія; это можетъ сдѣлать только вся каста или значительная ея часть, которая въ такомъ случаѣ отпадаетъ и образуетъ новую самостоятельную касту.

Нельзя, однако, не отмѣтить и нѣкоторыхъ положительныхъ сторонъ. Дѣти должны наслѣдовать ре-

месло родителей, и ихъ никогда не отдаютъ въ обученіе чужимъ людямъ: индусъ считалъ бы это величайшимъ позоромъ. Вся семья работаетъ вмѣстѣ, и старшіе учатъ младшихъ. Такъ какъ каста стремится обезпечить всѣмъ своимъ членамъ заработокъ, то болѣе опытные показываютъ другимъ лучшіе пріемы, чтобы всѣ были хорошими ремесленниками. Благодаря этому, въ кастахъ значительно усовершенствовались тѣ кустарные промыслы—выдѣлка тканей, рѣзьба, накладная работа и т. д.,—которыми Индія въ свое время прославилась на весь міръ. Главное же то, что члены касты не оставляютъ другъ друга въ бѣдѣ и оказываютъ взаимную поддержку. И все-таки эти хорошія отношенія внутри каждой касты тонутъ въ той взаимной ненависти и враждѣ, которыя существуютъ между отдѣльными кастами.

Какъ религіозное ученіе, индуизмъ соединилъ въ себѣ брахманскую вѣру въ боговъ, основанную на Ведахъ, съ нѣкоторыми краткими предписаніями буддизма и грубыми суевѣріями и жестокими обычаями не-арійскихъ народовъ *). Для этой религіи требовались жертвоприношенія, обряды, церемоніи; въ нее также были введены процессіи и празднества. Все это выполнялось жрецами. Такимъ образомъ и общественный строй, основанный на кастахъ, и религія вновь содѣйствовали возвеличенію брахмановъ.

Смягчающее вліяніе буддизма сказалось на развитіи благотворительности къ людямъ и состраданія къ животнымъ. Есть и теперь касты, которыя отдаютъ извѣстную часть доходовъ на постройку лѣчебницъ для больныхъ животныхъ, представляющихъ сколокъ съ тѣхъ, которыя были заведены буддистами при царѣ Ашокѣ. Многія индусскія общины своимъ устройствомъ напоминаютъ буддійскіе монастыри и даже руководствуются правилами, предписанными Гаутамой Буддой.

*) Съ тѣхъ поръ, какъ возникъ индуизмъ, подъ словомъ „индусъ" стали разумѣть не только вообще жителя Индіи, но въ частности еще приверженца индуизма.

Напротивъ того, все, что было заимствовано отъ полудикихъ не-арійскихъ расъ, носитъ печать грубости и жестокости. Многіе изъ этихъ народовъ были на той ступени развитія, когда еще нѣтъ семьи, и происхожденіе считается по матери. Это сказалось и въ ихъ вѣрованіяхъ. Они почитали богинь, какъ родоначальницъ всей жизни на землѣ. Поклонялись они также разнымъ чурбанамъ, камнямъ, деревьямъ, а для умилостивленія божества приносили ему кровавыя жертвы. До сихъ поръ въ каждой индусской деревнѣ есть своя такъ называемая «мать хранительница». Ее изображаютъ въ видѣ неуклюжаго идола и устраиваютъ ей простенькій храмъ, почти не отличающійся отъ обыкновенной хижины. Эта богиня считается особенной покровительницей своей деревни. Нѣкоторымъ «матерямъ» приписывается способность изгонять ту или иную болѣзнь. Кромѣ почитанія «матерей хранительницъ», отъ не-арійскихъ народовъ позаимствовано поклоненіе деревьямъ и животнымъ, въ особенности змѣямъ, и предметамъ, которые считаются символами какого-нибудь божества. Подчасъ эти символы ставятся вмѣсто идоловъ; ихъ украшаютъ цвѣтами и приносятъ имъ дары. Оттуда же взяты были и кровавыя жертвоприношенія нѣкоторымъ богамъ.

Даже самыя божества были позаимствованы изъ другихъ религій, и потому число индусскихъ боговъ мало-по-малу возросло до огромной цифры. Часто одного и того же бога почитаютъ подъ различными видами, въ различныхъ проявленіяхъ. О каждомъ изъ нихъ существуютъ пространныя легенды. Судя по этимъ легендамъ, боги враждуютъ между собою не меньше, чѣмъ люди, и вообще ведутъ такую же жизнь, какъ простые смертные.

Изображенія боговъ стали появляться уже въ отдаленную эпоху. Они были очень грубы и неискусны. Боговъ представляли въ видѣ людей; мудрость ихъ обозначали нѣсколькими головами, могущество — многочисленными руками. Иныхъ боговъ надѣляли звѣриными головами или туловищами. Теперь они, обык-

новенно, изображаются на грубыхъ лубочныхъ картинкахъ, которыя пользуются въ народѣ большимъ распространеніемъ, и нѣтъ той хижины индуса, въ которой не красовались бы на стѣнахъ эти пестрые, размалеванные рисунки. Нельзя сказать, чтобъ они внушали благоговѣйное чувство не только своей внѣшностью, но и содержаніемъ. Взять, напримѣръ, излюбленныя изображенія бога Вишну, сошедшаго на землю и воплотившагося въ образѣ пастуха Кришны.

Шиваиты.

Вотъ Кришна ребенкомъ играетъ со сверстниками, лазитъ по деревьямъ, проказничаетъ; вотъ онъ подросткомъ крадетъ у своей матери-крестьянки масло; вотъ онъ взрослымъ юношей ухаживаетъ за молодыми дѣвушками и т. д.

Значеніе боговъ тоже постепенно измѣнялось. Творецъ Брахма, занимавшій первенствующее мѣсто, отступилъ на второй планъ; его замѣнили другіе. Шива, который считался разрушителемъ и въ то же время созидателемъ, сталъ олицетворять въ глазахъ индусовъ не только смерть, но и возрожденіе къ новой жизни.

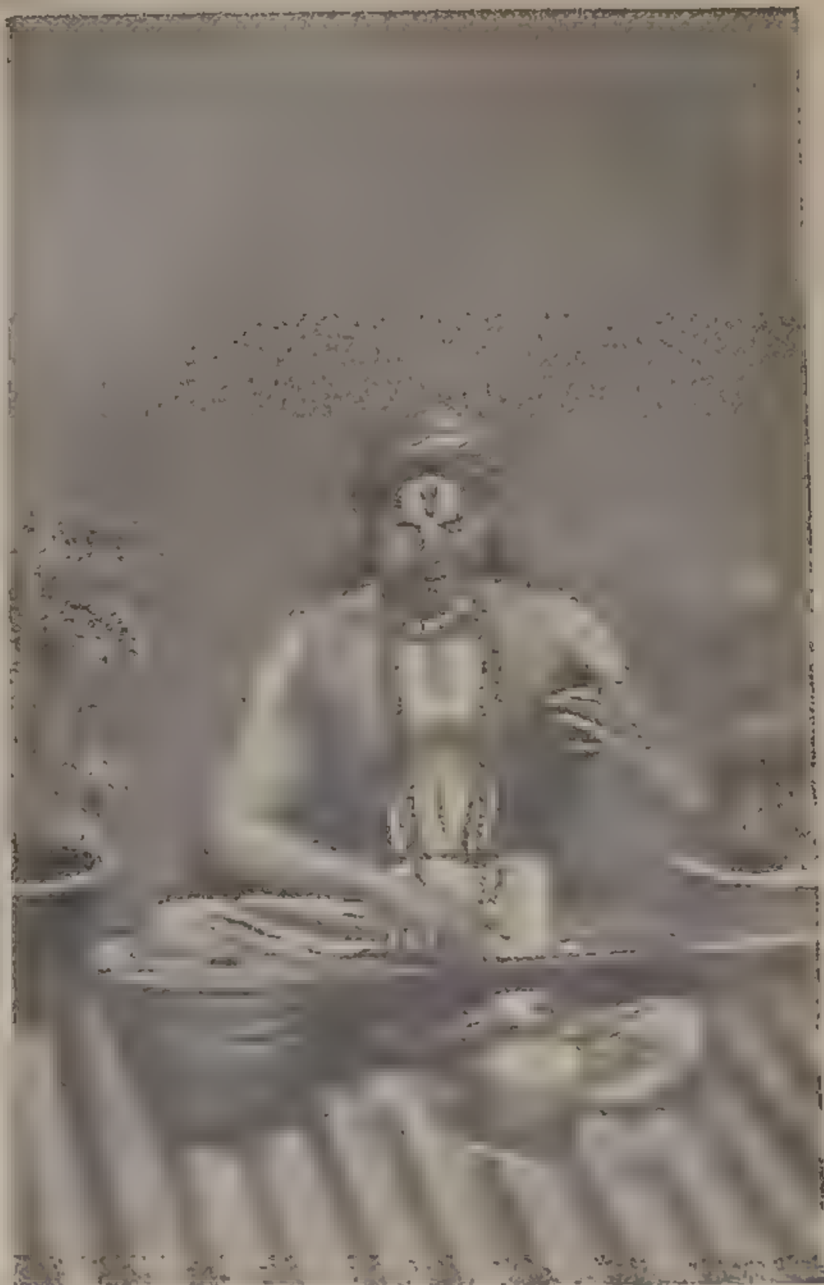
Это двоякое значеніе такъ возвеличило его въ глазахъ народа, что онъ сдѣлался Махадевой, или великимъ богомъ современнаго индуизма. Такимъ его представляли проповѣдники, положившіе начало сектамъ, которыя преимущественно поклоняются Шивѣ, считая его главнымъ богомъ. Это такъ называемыя секты шиваитовъ.

Шива богъ грозный и мстительный, и въ посвященныхъ ему храмахъ, которые можно узнать по водруженному на нихъ трезубцу, приносятся умилостивительныя жертвы. Жена Шивы, Кали, или иначе Дурга — жестокая и кровожадная богиня. Ее даже изображаютъ съ ожерельемъ изъ череповъ и съ поясомъ изъ отрубленныхъ рукъ. Это, очевидно, какая-нибудь богиня не-арійскихъ племенъ, причисленная къ сонму индусскихъ боговъ. Ей приносили въ жертву не только животныхъ, но и людей, и не малаго труда стоило вывести обычай человѣческихъ жертвоприношеній. Все-таки, надѣясь угодить Кали, вѣрующіе и до сихъ поръ наносятъ себѣ раны или выжигаютъ куски тѣла. Шива считается покровителемъ аскетовъ, и потому многіе изъ его послѣдователей ведутъ жизнь, полную лишеній и мучительныхъ страданій.

Нѣкоторые индусскіе проповѣдники были основателями шиваитскихъ сектъ, но возникло еще и другое движеніе. Появились реформаторы, которые отрицали ученіе шиваитовъ и говорили, что высшій богъ и первопричина, это—кроткій охранитель всего существующаго, Вишну. Они положили начало сектамъ вишнуитовъ, которые поклоняются богу Вишну подъ различными видами. Болѣе кроткое ученіе вишнуитовъ скорѣе приближается къ буддизму, а поклоненіе Шивѣ имѣетъ болѣе сходныхъ чертъ и обрядовъ съ вѣрованіями не-арійцевъ.

Такимъ образомъ индуизмъ, какъ религія, не представляетъ чего-либо цѣльнаго; да это и вполнѣ естественно, потому что брахманы никогда не были сплочены въ одно общество, церковь, и у нихъ не суще-

ствовало какого-нибудь верховнаго управленія церковными дѣлами. Подобно тому, какъ общественный строй индуизма состоитъ изъ многочисленныхъ отдѣльныхъ кастъ, такъ религія распадается на множество отдѣльныхъ сектъ. Каждая секта обыкновенно имѣетъ внѣшніе признаки, по которымъ ее можно отличить отъ другихъ: это полосы и мазки изъ бѣлой и красной глины, которые наносятся на лбу, на рукахъ и на груди тотчасъ послѣ купанья. У шиваитовъ полосы поперечныя, а у вишнуитовъ продольныя. Ширина и число полосъ показываютъ, къ какой именно шиваитской или вишнуитской сектѣ принадлежитъ данный человѣкъ.

Вишнуитъ.

Кромѣ шиваитскихъ и вишнуитскихъ кастъ, есть цѣлый рядъ другихъ. Нѣкоторыя секты посвящены особому поклоненію не богамъ, а богинямъ. Супруги боговъ иногда пользуются бо́льшимъ почетомъ, чѣмъ они сами. Такъ Брахма теперь почти позабытъ; зато его женѣ Сарасвати поклоняются, какъ покровительницѣ ученія. Жена Вишну, златокудрая богиня красоты Лакшми, и жена Шивы, мстительная и злобная Дурга, по другому наименованію Кали, очень популярны въ народѣ.

Нѣкоторыя секты создались подъ вліяніемъ иноземныхъ религій. Одна изъ нихъ—секта *сикховъ*—основана была въ XV вѣкѣ подъ замѣтнымъ вліяніемъ магометанства. Впослѣдствіи она пріобрѣла большое значеніе, такъ какъ сдѣлалась не только религіознымъ, но и военнымъ братствомъ.

Ремесленники и купцы, приходившіе въ постоянное соприкосновеніе съ мусульманами, сильнѣе ощущали кастовыя стѣсненія, чѣмъ брахманы, замкнув-

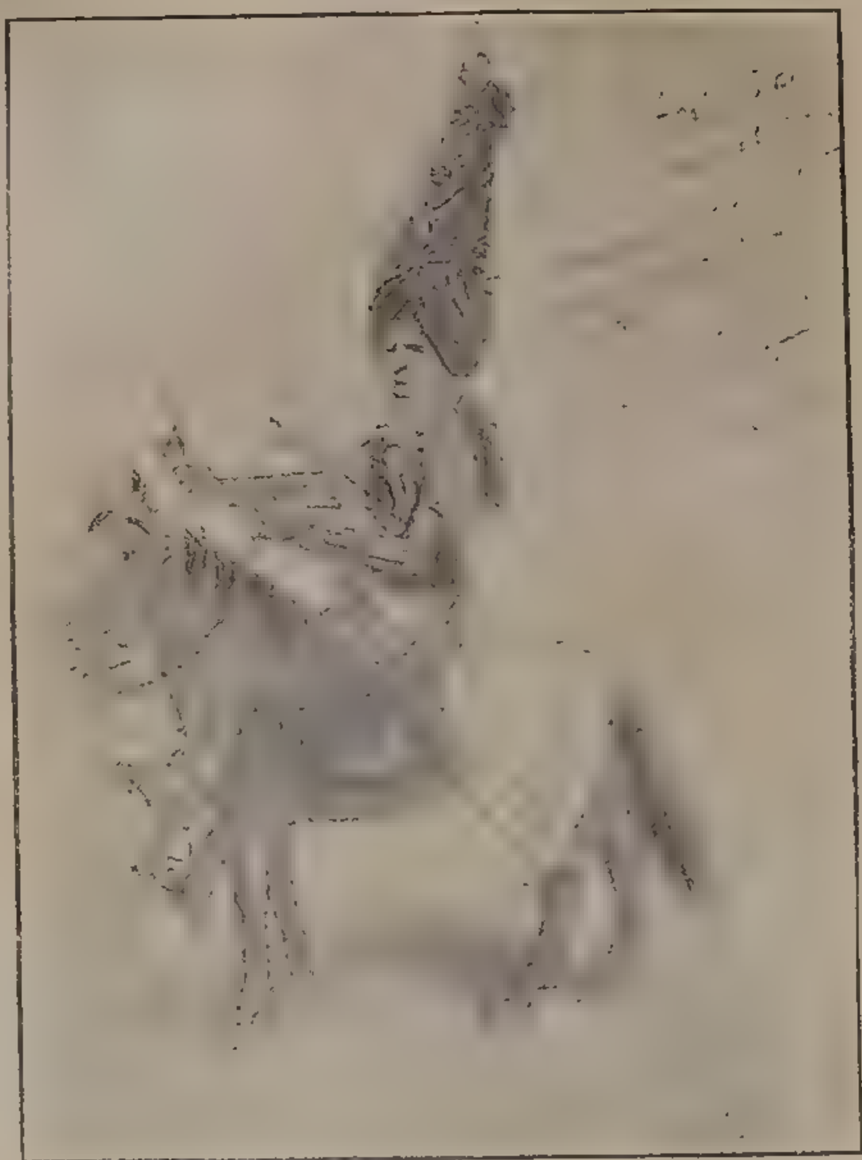

Золотой храмъ въ Амритсарѣ.

шіеся въ своихъ умственныхъ занятіяхъ. Они стали пытаться собственными силами свергнуть тяготѣвшее надъ ними иго, и изъ простонародья вышли нѣкоторые учителя, проповѣдовавшіе новое ученіе. Къ числу ихъ принадлежалъ и торговецъ Нанакъ, основатель секты сикховъ.

Нанакъ проповѣдовалъ единобожіе и отрицалъ Веды и священную литературу индусовъ. Взамѣнъ того сикхи составили собственную священную книгу, Грантъ, предписаніями которой они руководятся. Одинъ изъ послѣдующихъ сикхійскихъ учителей выстроилъ

въ Амритсарѣ надъ озеромъ замѣчательный, такъ называемый Золотой храмъ. Въ этомъ храмѣ и находится Грантъ, которому воздается чуть не божеское поклоненіе. Онъ усыпанъ драгоцѣнными украшеніями, и его непрерывно обвѣваютъ опахалами изъ павлиньихъ перьевъ. Хотя ученіе сикховъ запрещаетъ идолопоклонство, но самое почитаніе Гранта очень къ нему приближается. Амритсаръ считается священнымъ мѣстомъ, куда всѣ сикхи совершаютъ паломничества. Сикхи безусловно повинуются духовному учителю, который стоитъ во главѣ ихъ братства. Сначала учитель еще при жизни выбиралъ себѣ преемника, достойнѣйшаго изъ своихъ учениковъ. Впослѣдствіи эта обязанность сдѣлалась наслѣдственной.

Жрецъ сикховъ.

Уже съ семнадцатаго вѣка у сикховъ война была возведена въ религіозную обязанность. Они стали обращать большое вниманіе на военную подготовку. У нихъ были крупныя земельныя владѣнія въ Сѣверной Индіи, и они сформировали громадную армію. Больше всего ополчались они противъ мусульманъ которые преслѣдовали ихъ своими гоненіями, но воевали они также и съ европейскими пришельцами. Свое религіозно-національное единство они старались

выразить и внѣшнимъ образомъ: они носили одинаковое форменное платье, и каждый къ своему имени прибавлялъ слово «левъ», показывающее, что онъ храбро будетъ бороться до послѣдняго издыханія.

За послѣднее столѣтіе знакомство съ европейской культурой и христіанствомъ вызвало въ Индіи къ жизни новыя секты. Онѣ проповѣдуютъ вѣру въ единаго Бога и считаютъ необходимымъ добрыя дѣла, милосердіе и благочестіе. Между собою онѣ болѣе или менѣе различаются, но всѣ отрицаютъ идолопоклонство и касты.

VIII.

Бытъ индусовъ.

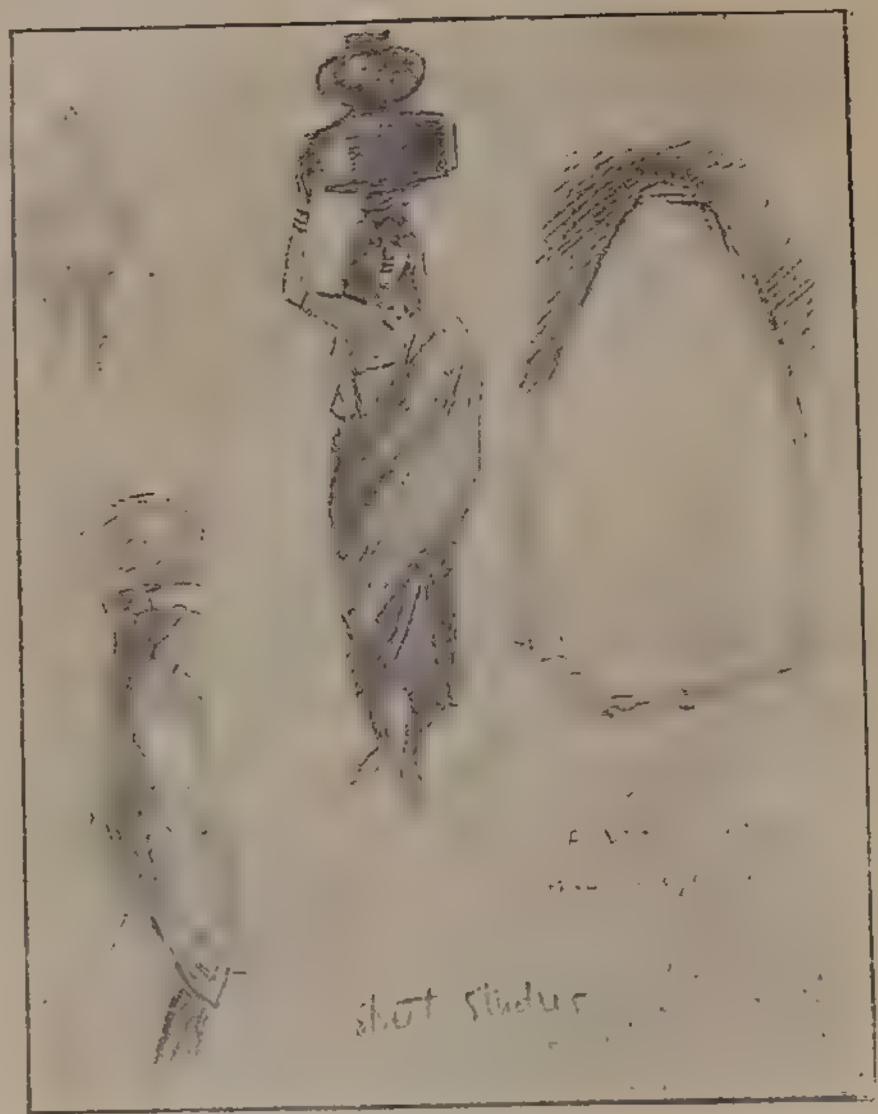
При обширности страны и разнообразіи ея населенія обычаи, существующіе въ той или другой мѣстности, конечно, не совпадаютъ, и къ Индіи вполнѣ примѣнима наша поговорка: «что ни городъ, то норовъ». Но не касаясь частностей и подробностей, мы въ общихъ чертахъ укажемъ на порядки, господствующіе у большинства индусовъ, чтобы дать понятіе объ ихъ нынѣшнемъ бытѣ.

Индусы живутъ обыкновенно большими семьями, не раздѣляя имущества. Женатые сыновья и внуки остаются подъ родительскимъ кровомъ, и всѣ работаютъ сообща. Только дѣвушка, выходя замужъ, переселяется въ домъ своего мужа. Если принять во вниманіе, что въ Индіи женятся и выходятъ замужъ очень молодыми, то понятнымъ станетъ, что семьи очень велики. И дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ насчитывается до сотни душъ, такъ что онѣ представляютъ какъ бы цѣлыя общины.

Всѣми дѣлами распоряжается старшій мужчина въ семьѣ, такъ называемый *карта*. Онъ назначаетъ работы, завѣдуетъ расходами, слѣдитъ за порядкомъ и улаживаетъ всякія недоразумѣнія и ссоры. Все, что члены семьи зарабатываютъ, они обязательно передаютъ картѣ.

«Три лица: женщина, сынъ и рабъ не имѣютъ собственности, и все, что они получатъ, принадлежитъ ихъ господину», говорится въ индусскихъ священныхъ книгахъ. *Карта* и является такимъ господиномъ, владыкой.

Для большой семьи, конечно, нужно и обширное помѣщеніе; поэтому въ домѣ сколько-нибудь зажиточнаго индуса бываетъ множество комнатъ. Съ улицы ходъ ведетъ во дворъ, окруженный двухъэтажными строеніями. Въ нижнемъ этажѣ помѣщаются кладовыя, амбары и склады, а надъ ними — свѣтлыя, хорошо обставленныя парадныя комнаты. Здѣсь принимаютъ гостей и обѣдаютъ въ торжественныхъ случаяхъ. Одна изъ лучшихъ комнатъ отведена для семейнаго идола, передъ которымъ жрецъ два раза въ день читаетъ молитвы.

Индусскія женщины.

За большимъ дворомъ находится второй маленькій дворикъ, куда выходятъ окна женской половины, въ которой помѣщаются спальни и семейная столовая. Эти комнаты гораздо меньше парадныхъ. Окна въ нихъ поставлены высоко, подъ самымъ потолкомъ, чтобы соблюдалось предписаніе священныхъ книгъ, которое гласитъ, что «женщинѣ неприлично смотрѣть въ окно».

Среди бѣднѣйшаго населенія женщины принуждены выполнять разнообразныя работы и потому имъ приходится вездѣ бывать; но въ болѣе состоятельныхъ классахъ ихъ заставляютъ вести затворническую жизнь. Онѣ помѣщаются на особой половинѣ и строго подчинены старшей, или *грихини*. Это обыкновенно жена или мать карты. Безъ ея вѣдома женщины не могутъ и шага ступить. На улицу онѣ не смѣютъ показываться иначе, какъ подъ густымъ покрываломъ. Въ домѣ онѣ должны быть «почтительными и скромными». Имъ не позволяется самимъ заговаривать не только съ посторонними, но даже со своими мужьями и братьями.

Къ мужу индусская женщина обязана относиться съ подобострастнымъ уваженіемъ, которое проявляется и внѣшними знаками. Такъ, за столомъ мужъ сидитъ, а жена ему прислуживаетъ. Однако все-таки при мужѣ ей живется не такъ тяжело, и въ случаѣ надобности онъ можетъ ее защитить отъ обиды и несправедливости. Зато бѣда, если онъ надолго отлучается изъ дому, уходя на заработки. Она остается во власти свекрови. О томъ, какое обращеніе ей приходится терпѣть, можно судить хотя бы по индусской пословицѣ:

«Если невѣстка разобьетъ миску, то она золотая, а если свекровь, то глиняная».

Индусскія женщины выходятъ замужъ лѣтъ двѣнадцати, тринадцати, т.-е. въ такомъ возрастѣ, когда онѣ еще очень неопытны и мало знаютъ жизнь. Къ этому надо добавить, что онѣ не получаютъ почти никакого образованія, и лишь немногія изъ нихъ грамотны. Свободнаго времени у нихъ достаточно, а дѣла мало, и на женской половинѣ вѣчно происходятъ ссоры, пререканія, интриги, наговоры. Если не взлюбятъ какую-нибудь женщину, то ее могутъ буквально затравить. Если жъ притомъ она не умѣетъ постоять за себя, а мужъ далеко, то ея положеніе становится невыносимымъ.

Положеніе вдовы еще хуже, и не только потому, что она лишается своего защитника, но еще и по-

тому, что священныя книги, а за ними и общественное мнѣніе считаютъ ее презрѣннымъ существомъ, словно она совершила какой-то большой проступокъ. И какъ бы въ наказаніе за это она должна отказаться отъ многихъ жизненныхъ удобствъ, не говоря ужъ о роскоши или развлеченіяхъ. Она не смѣетъ носить ни цвѣтныхъ нарядовъ, ни драгоцѣнностей. Ѣсть ей полагается только разъ въ день. Два раза въ мѣсяцъ она должна строго поститься, и тогда двое сутокъ подъ рядъ не можетъ выпить даже глотка воды. Выйти замужъ вторично ей запрещается. Въ прежнія времена вдова даже не должна была пережить своего мужа, и ее живую сжигали вмѣстѣ съ его трупомъ, но теперь этотъ жестокій обычай отмѣненъ.

Мужъ — полный властелинъ своей жены. Онъ не только можетъ требовать отъ нея безусловнаго повиновенія, покорности и добродѣтельной жизни, но имѣетъ право и «наказывать» ее.

«Если *жена*, сынъ, слуга, ученикъ или младшій братъ провинятся, то ихъ можно учить веревкой или маленькой палкой», говорится въ законахъМану.

Отъ произвола мужа жена ничѣмъ не ограждена. Не только если она бездѣтна, но если даже она попросту не угодитъ ему, или онъ найдетъ ее порочной, скажетъ, что она крадетъ, пьянствуетъ, лжетъ, тратитъ много денегъ и т. д., то можетъ взять себѣ другую.

Въ народныхъ массахъ положеніе женщины еще очень безотрадно. Однако мало-по-малу распространяется образованіе, и всюду, куда проникаетъ, оно вноситъ свое смягчающее вліяніе на нравы. Въ болѣе культурныхъ слояхъ общества положеніе женщинъ за послѣднее время значительно улучшилось, и нѣкоторыя изъ нихъ даже сами выступили на защиту своихъ правъ.

Жизнь большой семьею, цѣлымъ родомъ, имѣетъ и хорошія, и дурныя стороны. Всякій индусъ можетъ спокойно уйти на заработки, такъ какъ знаетъ, что

его жена и дѣти будутъ присмотрѣны и, пока существуетъ семья, у нихъ будетъ уголъ и кусокъ хлѣба. Старикамъ и больнымъ существованіе тоже обезпечено, потому что общіе доходы дѣлятся между всѣми членами семьи какъ способными, такъ и неспособными къ труду. Зато почти въ каждой семьѣ попадаются лѣнтяи, которые не хотятъ работать и живутъ дармоѣдами на счетъ другихъ.

Свадебная процессія.

Въ низшихъ классахъ населенія браки еще до сихъ поръ устраиваются по сватовству, и родители рѣшаютъ судьбу своихъ дѣтей, не спрашивая ихъ согласія. Свадебные обряды и церемоніи отличаются большимъ разнообразіемъ, смотря по мѣстности и кастѣ. Замужняя женщина носитъ проволочный браслетъ, и на лбу ея у корней волосъ дѣлается помѣтка красной краской.

Чрезвычайно важнымъ событіемъ въ семьѣ считается рожденіе сына, такъ какъ только сынъ можетъ выполнять за отца, дѣда и прадѣда погребальные обряды, которымъ придается огромное значеніе. Поэтому мать, имѣющая сыновей, пользуется сравнительно большимъ уваженіемъ; женщину, у которой есть сынъ, даже перестаютъ называть ея собственнымъ именемъ, а говорятъ: «мать такого-то». Зато

появленіе на свѣтъ дочери не вызываетъ радости, и на дѣвочекъ смотрятъ съ презрѣніемъ. Это—отношеніе ясно выражено въ индусской пословицѣ:

«И слѣпые сыновья опора родителей, но даже царскія дочери—обуза въ семьѣ.

Съ рожденіемъ мальчика связаны нѣкоторые обряды. Существуетъ повѣрье, что на шестой день младенца посѣщаетъ богъ Видхата, который записываетъ у него на лбу перечень событій его жизни. Передъ закатомъ солнца приготовляютъ перо, чернила и подарки для Видхаты—фрукты, цвѣты, деньги. Кто-нибудь долженъ бодрствовать всю ночь, чтобы богъ не обидѣлся за невниманіе и не назначилъ ребенку ряда несчастій. Индусъ глубоко вѣритъ, что всѣ происшествія заранѣе предопредѣлены судьбою, и если его постигаетъ какое-нибудь несчастье, то онъ говоритъ: «Это у меня было написано на лбу». Такая покорность судьбѣ вызываетъ косность и очень парализуетъ дѣятельность народа, напр. во время повальныхъ болѣзней, когда онъ не считаетъ нужнымъ принимать какихъ-либо мѣръ противъ неизбѣжныхъ, по его мнѣнію, бѣдствій.

То, что пишетъ богъ Видхата, однако, не извѣстно окружающимъ, и родители обращаются къ звѣздочету, астрологу, чтобы онъ вычислилъ для ребенка гороскопъ, т.-е. грядущую судьбу. По движенію свѣтилъ небесныхъ, онъ составляетъ болѣе или менѣе подробный списокъ событій, ожидающихъ новорожденнаго. Съ астрологомъ индусы вообще совѣщаются во всѣхъ важныхъ случаяхъ жизни. Онъ назначаетъ благопріятный день и часъ для отъѣзда, свадьбы, погребенія, посѣва, жатвы и т. п.

Ребенку даютъ имя, когда ему исполняется полгода. При этомъ приглашаютъ гостей и устраиваютъ большое торжество. Мальчикамъ даютъ имена боговъ или обоготворенныхъ героевъ, а дѣвочкамъ—имена богинь или цвѣтовъ. Мальчика ожидаетъ еще одинъ обрядъ. Въ возрастѣ между восемью и десятью годами его посвящаютъ въ касту. Эту церемонію со-

вершаетъ духовный учитель, или *гуру*. Мальчикъ нѣкоторое время постится, а въ назначенный день купается и надѣваетъ чистое бѣлое платье. Если онъ принадлежитъ къ какой-нибудь изъ кастъ «дважды рожденныхъ», то въ этотъ день на него впервые возлагаютъ священный шнуръ. При посвященіи гуру выбираетъ для него бога-покровителя, которому онъ долженъ воздавать особенное поклоненіе, и затѣмъ съ глазу на глазъ сообщаетъ ему какой-нибудь короткій священный текстъ. Этого текста индусъ никогда въ жизни и никому не смѣетъ открыть. Самъ же онъ долженъ мысленно и шопотомъ повторять его *сто восемь* разъ на день. Чтобы не ошибиться въ числѣ, индусы обыкновенно носятъ при себѣ четки, на которыхъ передвигаютъ зерна по мѣрѣ повторенія текста.

Гуру — очень важное лицо. Онъ не живетъ въ домѣ своихъ учениковъ, а только посѣщаетъ ихъ разъ въ году. Онъ долженъ учить ихъ основамъ религіи и толковать священное писаніе. Когда онъ является въ домъ, то навстрѣчу ему выходитъ карта, кланяется до земли и въ знакъ почтенія ставитъ его ногу себѣ на голову, а затѣмъ ведетъ его въ комнату, устланную новыми коврами. Гуру не на шутку обидѣлся бы, если бы ему дали подержанную обстановку. Карта приглашаетъ его сѣсть, но онъ отказывается до тѣхъ поръ, пока ему не посулятъ богатыхъ подарковъ. Ему готовятъ роскошное угощеніе, а хозяева и сосѣди считаютъ для себя честью получить его объѣдки. Эти духовные учителя, по большей части, корыстолюбивые, невѣжественные люди, которые обираютъ своихъ учениковъ, пользуясь ихъ довѣрчивостью. Всякій необычный приходъ гуру означаетъ, что ему нужны деньги. Онъ является не одинъ, а съ цѣлой свитой подобострастныхъ прихлебателей, которыхъ хозяинъ тоже долженъ принять у себя. Конечно, чтобы упрочить свое вліяніе, изъ котораго можно было бы извлекать выгоды, гуру выставляетъ себя какимъ-то необыкновенно могущественнымъ су-

ществомъ. Индусу внушается, что лучше оскорбить боговъ, чѣмъ гуру: передъ разгнѣванными богами гуру можетъ явиться заступникомъ и исходатайствовать помилованіе, зато если гнѣвается онъ самъ, то даже заступничество боговъ безсильно помочь.

Непремѣннымъ членомъ семьи считается также жрецъ. Онъ купаетъ и натираетъ масломъ домашняго идола, читаетъ молитвы и отъ лица семьи приноситъ ему въ жертву плоды и цвѣты. Сами члены семьи при этомъ почти никогда не присутствуютъ. Жертвоприношенія, постоявшія передъ идоломъ, идутъ затѣмъ въ пользу жреца. За свой трудъ онъ получаетъ хорошее вознагражденіе и, кромѣ того, отдѣльную комнату и особо приготовленную пищу. Это—обязательное условіе, такъ какъ онъ принадлежитъ къ высшей кастѣ и по правиламъ не можетъ ни помѣщаться, ни ѣсть съ другими. Рожденіе, свадьба, похороны, поминки, религіозныя празднества не обходятся безъ его участія, и тогда онъ еще получаетъ цѣнные подарки. Только богатая семья можетъ позволить себѣ роскошь—держать отдѣльнаго жреца, а у бѣдныхъ нѣсколько семействъ въ складчину выплачиваютъ жалованье одному жрецу, который поочередно обходитъ ихъ дома, исполняя свои обязанности.

Индусскій алтарь.

Кромѣ домашнихъ жрецовъ, есть другіе жрецы, которые завѣдуютъ храмами. Индусскихъ храмовъ существуетъ великое множество. Они совсѣмъ не похожи на магометанскіе, буддійскіе или христіанскіе и обыкновенно бываютъ небольшого размѣра, въ какихъ-нибудь десять-двѣнадцать квадратныхъ футовъ. Храмъ состоитъ изъ двухъ комнатъ: притвора и маленькаго алтаря, гдѣ находится идолъ. Постоянныхъ богослуженій, на которыя собирались бы толпы народа, не бываетъ. Вѣрующіе являются поодиночкѣ въ различное время дня. Каждый изъ нихъ обходитъ вокругъ храма, передаетъ жрецу свое пожертвованіе, падаетъ ницъ передъ идоломъ и, стараясь привлечь къ себѣ его вниманіе, звонитъ въ колоколъ, привязанный у двери алтаря. Жрецъ читаетъ передъ идоломъ санскритскіе священные тексты, которыхъ народъ не понимаетъ, и получаетъ въ свою пользу деньги, ѣду и цвѣты, принесенные вѣрующими.

Многіе храмы выстроены на средства набожныхъ благотворителей; но замѣчательно, что индусъ, проявляющій особое усердіе и желающій потратить значительную сумму, воздвигаетъ не одинъ большой храмъ, а нѣсколько маленькихъ — 7, 14, 21, однимъ словомъ, кратное семи. Когда храмъ приходитъ въ разрушеніе, то его не ремонтируютъ, такъ какъ это не вмѣняется въ заслугу, и всякій новый жертвователь предпочитаетъ построить свой отдѣльный, хотя бы и самый маленькій храмъ.

Есть, однако, и большіе храмы очень красивой архитектуры, но только въ тѣхъ мѣстахъ, куда на поклоненіе стекаются толпы паломниковъ. При такомъ храмѣ бываетъ дворъ, окруженный навѣсами, подъ которыми паломники, пришедшіе издалека, могутъ провести ночь или укрыться отъ непогоды.

Паломничества очень распространены въ Индіи. Каждый индусъ считаетъ своимъ долгомъ хоть разъ въ жизни сходить на поклоненіе къ святымъ мѣстамъ и иногда много лѣтъ во всемъ себѣ отказываетъ и копитъ деньги, чтобы собрать необходимую сумму на

поѣздку и на жертву богамъ. Онъ питаетъ увѣренность, что паломничество принесетъ ему благословеніе и въ настоящей жизни, и въ будущей. Святыми мѣстами считаются рѣки Гангъ и Джамна, въ особенности, устье Ганга при впаденіи въ море, а также нѣсколько городовъ, гдѣ находятся прославленныя капища.

Обыкновенно паломники не ограничиваются однимъ какимъ-нибудь мѣстомъ, а совершаютъ цѣлый обходъ

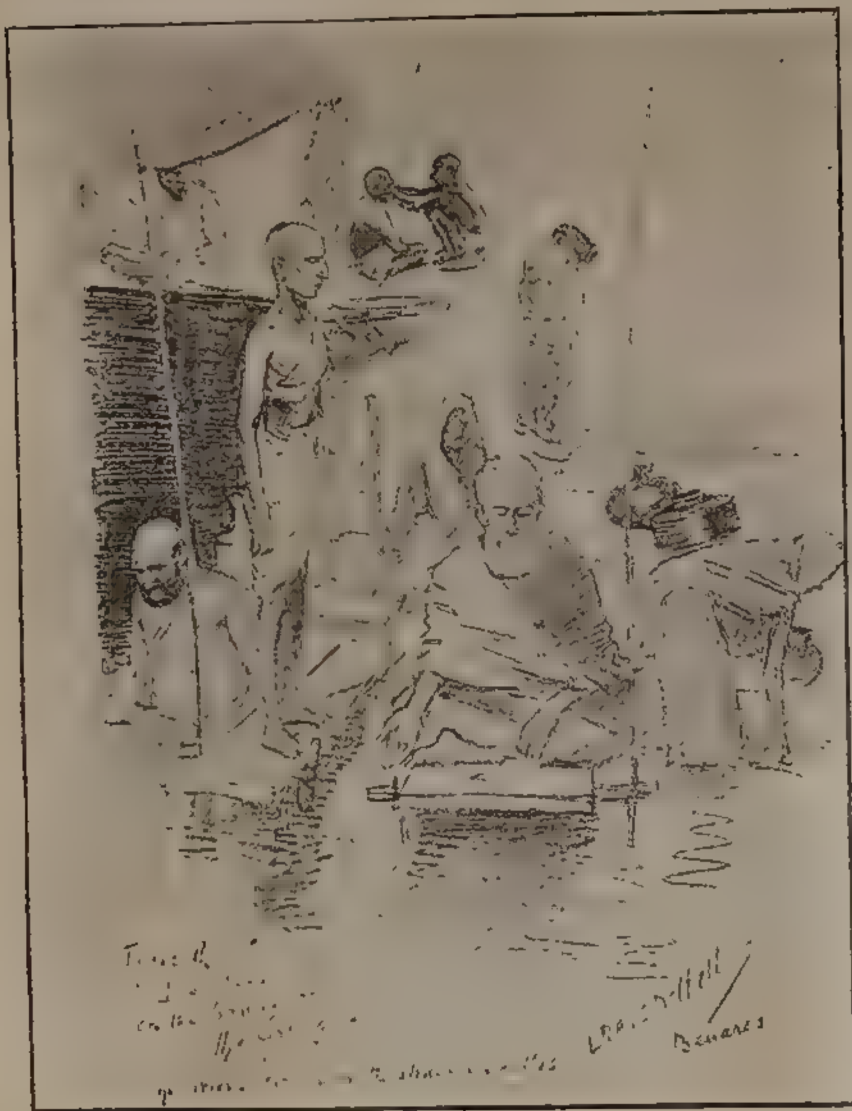

Большой храмъ.

отъ святилища къ святилищу. Въ настоящее время, когда проложены желѣзныя дороги и устроены пароходства по рѣкамъ, нѣкоторые паломники пользуются этими путями сообщенія. Однако многіе и до сихъ поръ ходятъ пѣшкомъ или ѣдутъ на лодкахъ, при чемъ нерѣдко тонутъ и гибнутъ. Иные даютъ обѣтъ совершить весь путь, переворачиваясь съ боку на бокъ или измѣряя его длиною своего тѣла. Дѣлается это такимъ образомъ: паломникъ бросается на дорогу лицомъ внизъ и, вытянувъ руки впередъ, проводитъ пальцами черту; затѣмъ онъ ложится такъ, чтобы

кончики ногъ пришлись на этой чертѣ и опять вытягивается во весь ростъ. День за днемъ ползетъ онъ безостановочно и, конечно, утомляется до послѣдней крайности.

Когда индусъ отправляется на далекое паломничество, то прощается съ домашними такъ, словно никогда ужъ больше не вернется. И дѣйствительно, многіе паломники умираютъ дорогою то отъ солнечнаго удара, то отъ изнуренія, то отъ голода. Этому отчасти способствуютъ вымогательства жрецовъ, которые отбираютъ у паломниковъ всѣ деньги на жертвоприношенія и не оставляютъ имъ ничего или оставляютъ очень мало на обратный путь. Для бѣдняковъ паломничество немыслимо, такъ какъ надо оплачивать каждый свой шагъ. Если у человѣка нѣтъ денегъ, то жрецы даже не подпустятъ его къ святынѣ.

Благочестивые индусы на берегу Ганга.

Въ сущности паломникъ, совершая изнурительную, сопряженную съ большими расходами поѣздку, ничего особеннаго не видитъ. Онъ купается въ священной рѣкѣ приноситъ дары, обходитъ вокругъ храма, осматриваетъ святое мѣсто,—вотъ и все. Остальное время онъ проводитъ въ развлеченіяхъ, подчасъ совершенно безнравственныхъ, которымъ жрецы, однако, покровительствуютъ, такъ какъ они привлекаютъ посѣтителей.

Чтобъ залучить побольше паломниковъ, жрецы не гнушаются никакими средствами. Они нанимаютъ, напримѣръ, странниковъ и посылаютъ ихъ расхваливать въ народѣ то или иное святилище.

У священныхъ рѣкъ собирается множество паломниковъ, которые приходятъ, чтобъ погрузиться въ воду, такъ какъ существуетъ повѣрье, что это смываетъ всѣ грѣхи. Кромѣ того, сюда привозятъ умирающихъ, для которыхъ на берегу устроены особыя помѣщенія, *гаты*. Какъ только индусскій врачъ заявитъ, что положеніе больного серьезно, такъ родные, заботясь о спасеніи его души, пускаются съ нимъ въ путь. Ѣхать подчасъ приходится очень далеко, по дурнымъ дорогамъ, въ страшную жару, подъ палящими лучами солнца, и потому не всегда удается довезти больного до гата. Но индусъ твердо вѣритъ, что его

Гатъ въ Бенаресѣ.

ждетъ величайшее блаженство, если во время агоніи его успѣютъ погрузить въ священныя волны, и потому такія путешествія представляютъ обычное явленіе.

Послѣ смерти трупъ немедленно предаютъ сожженію. Если умершій — состоятельный человѣкъ, то для него воздвигается отдѣльный погребальный костеръ, который состоитъ изъ дровъ и хвороста съ примѣсью

благовоннаго сандаловаго дерева и смолы. Тѣло заворачиваютъ въ кусокъ новой матеріи и тогда ужъ кладутъ на костеръ. Для бѣдныхъ дѣлаютъ общіе костры, гдѣ сжигаютъ сразу по нѣсколько десятковъ труповъ. Послѣ сожженія наступаетъ *шрадда*, тѣ самые поминальные обряды, которые должны выполняться сыномъ или ближайшимъ мужскимъ родственникомъ покойнаго.

Храмы, къ которымъ стекаются паломники, едва ли могутъ внушить благоговѣйное чувство. Здѣсь вѣчная сутолока: одни приходятъ, другіе уходятъ. Со всѣхъ сторонъ слышится громкій говоръ, шумъ, клохтаніе священныхъ птицъ. Кругомъ настоящая ярмарка: на лоткахъ идетъ бойкая торговля, въ балаганахъ показываются различныя зрѣлища и представленія; танцовщицы-баядерки изощряются въ своемъ искусствѣ.

Приготовленіе къ сожженію трупа.

Опредѣленныхъ богослуженій въ храмахъ нѣтъ. Жрецы читаютъ тексты и совершаютъ жертвоприношенія, а народъ долженъ только доставлять то, что приносится въ жертву, и вознаграждать жрецовъ. Свя-

тыню храма составляютъ идолы, за которыми жрецы ухаживаютъ, какъ за живыми существами: умываютъ, купаютъ, одѣваютъ и переодѣваютъ, укладываютъ спать и т. д.

Излюбленнымъ паломничествомъ шиваитовъ является Бенаресъ. Здѣсь болѣе двухъ тысячъ храмовъ, посвященныхъ Шивѣ подъ различными именами и другимъ, родственнымъ ему богамъ. Ни въ одномъ индійскомъ городѣ нельзя встрѣтить такого грубаго

Набережная въ Бенаресѣ.

идолопоклонства, какъ въ Бенаресѣ, гдѣ на каждомъ шагу попадаются безобразные идолы и эмблемы. Онъ считается особенно священнымъ, благодаря легендѣ, которая гласитъ, что Шива совершилъ однажды великое преступленіе, отрубилъ богу-творцу Брахмѣ пятую голову и былъ наказанъ тѣмъ, что эта голова приросла къ его рукѣ. Охваченный раскаяніемъ, онъ ходилъ изъ одного святого мѣста въ другое, но тщетно. Только въ Бенаресѣ онъ получилъ, наконецъ, прощеніе за свой грѣхъ и тогда былъ освобожденъ отъ наказанія.

Конечно, паломникъ раньше всего спѣшитъ выкупаться въ волнахъ священнаго Ганга. Омовеніе происходитъ прямо на набережной, и иногда цѣлыя толпы народа сразу погружаются въ воду, такъ что рѣка прямо кишитъ людьми.

Священной считается также дорога, огибающая городъ и спускающаяся къ рѣкѣ. Она сплошь застроена храмами. Паломнику вмѣняется въ особую заслугу пройти по ней, но и постоянные жители Бенареса хоть разъ въ году совершаютъ этотъ обходъ.

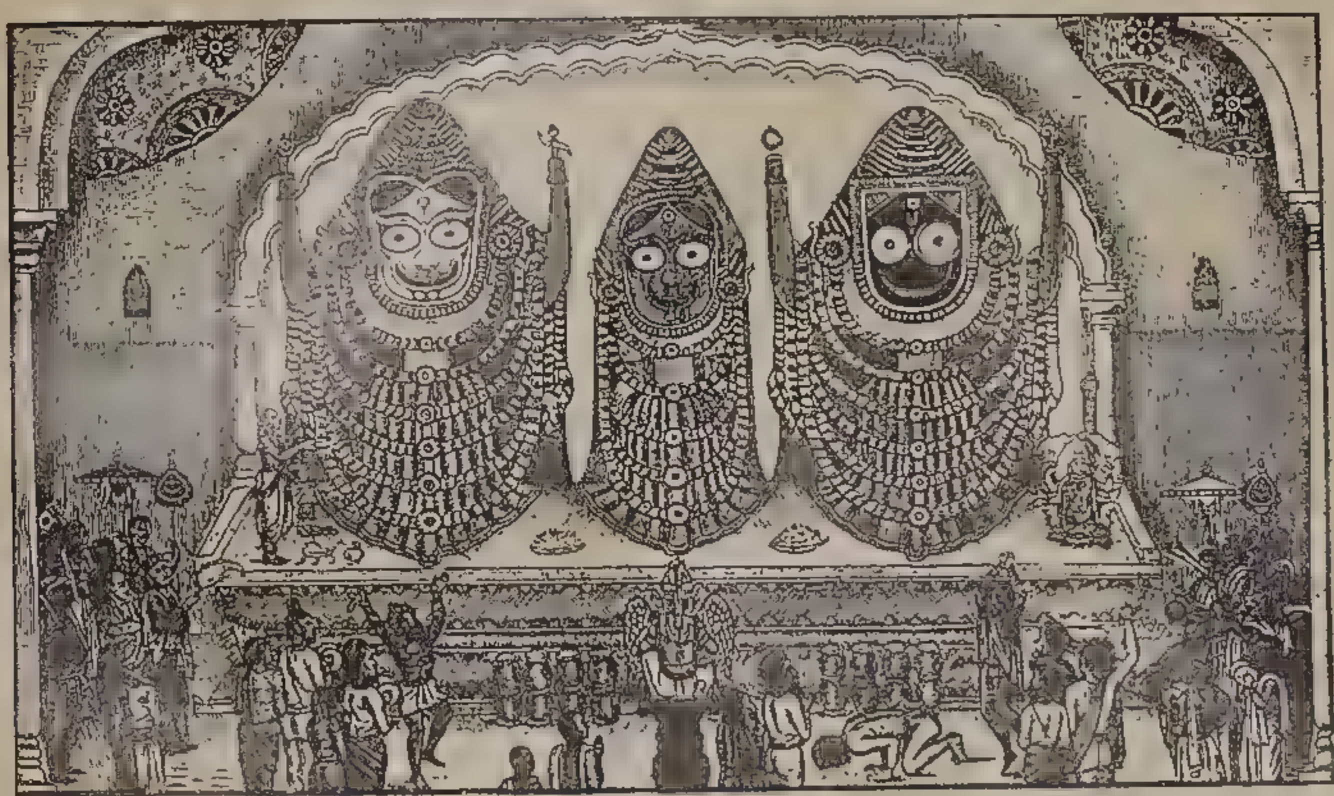

Омовеніе въ Гангѣ.

Около самаго значительнаго изъ храмовъ находится источникъ, тщательно оберегаемый жрецами. Съ нимъ также связана легенда. Преданіе гласитъ, что Бенаресъ однажды страдалъ отъ сильной засухи; двѣнадцать лѣтъ не выпадало ни капли дождя. Народъ пришелъ въ полное уныніе. Тогда одинъ жрецъ ударилъ объ землю трезубцемъ Шивы, и оттуда хлынулъ обильный источникъ, въ которомъ самъ Шива обѣщалъ поселиться навѣки. Паломники бросаютъ въ воду цвѣты, ѣду и другія жертвы обитающему тамъ

богу. Все это, конечно, гніетъ и производитъ ужасное зловоніе, которое разносится по всему городу, отравляетъ воздухъ и служитъ причиною заболѣваній.

Паломники-вишнуиты преимущественно стекаются въ городъ Пури, на восточномъ побережьѣ, гдѣ богу Вишну воздается поклоненіе подъ видомъ Джаганната. Въ посвященномъ ему большомъ храмѣ находятся три идола: самаго Джаганната, его брата и его сестры. Это безобразные чурбаны съ грубымъ подобіемъ че-

Идолы въ храмѣ Джаганната въ Пури.

ловѣческаго лица и съ привязными золотыми руками. Они одѣты въ дорогія ткани и разукрашены драгоцѣнными камнями.

При храмѣ существуетъ огромный персоналъ: священнодѣйствующіе разныхъ родовъ, имѣющіе свои спеціальныя должности, булочники, повара, сторожа, танцовщицы, пѣвицы, факельщики, конюхи, вожаки слоновъ, ремесленники, слуги и т. д. Въ общемъ ихъ до двадцати тысячъ человѣкъ. Они-то собственно и составляютъ постоянное населеніе города, и прямо или косвенно живутъ на счетъ святилища. Вся эта масса народа держится для того, чтобъ обставить какъ

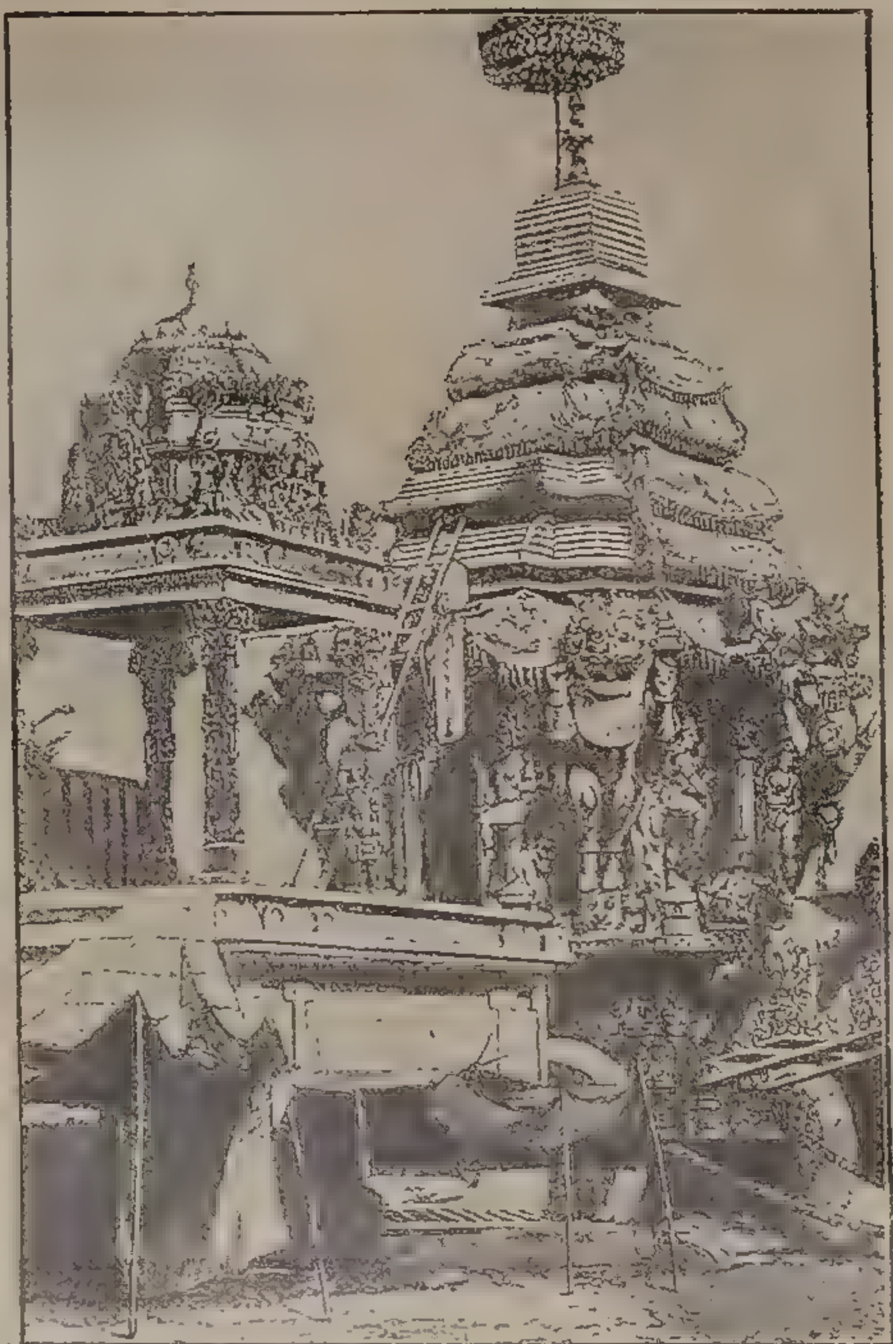
можно пышнѣе празднества и привлечь какъ можно больше паломниковъ. Крохи, приносимыя паломниками, въ общемъ составляютъ огромныя суммы, и ежегодно Джаганнатъ получаетъ на наши деньги около 650 тысячъ рублей дохода. Да это и вполнѣ понятно при томъ огромномъ количествѣ паломниковъ, которые здѣсь бываютъ. Въ лучшіе годы число богомольцевъ или точнѣе богомолокъ, такъ какъ, по крайней мѣрѣ, пять шестыхъ изъ нихъ женщины, доходитъ до трехсотъ тысячъ.

Въ теченіе года въ Пури бываетъ двадцать четыре большихъ религіозныхъ празднества. Самыя значительныя между ними это «праздникъ купанья» и «выѣздъ колесницы». Первый заключается въ томъ, что идоловъ ставятъ на особую площадку и поливаютъ водою изъ священнаго источника. Затѣмъ толпѣ заявляютъ, что они во время купанья простудились и схватили лихорадку, а ихъ относятъ въ маленькую комнату при храмѣ, называемую больницей, гдѣ они остаются на двѣ недѣли. Этимъ временемъ жрецы пользуются, чтобъ ихъ заново покрасить. Отъ постоянныхъ возліяній масла и воды они за годъ успѣваютъ принять непривлекательный видъ и, дѣйствительно, нуждаются въ ремонтѣ.

Когда идолы подновлены, ихъ выставляютъ на показъ и потомъ перевозятъ за нѣсколько верстъ къ другому храму. Для каждаго идола сдѣлана огромная, чрезвычайно громоздкая колесница, высотою около семи саженъ. Впереди идутъ подметальщики, расчищающіе путь, а за ними сотни служителей съ помощью паломниковъ тащатъ колесницы. На четвертый день вся процессія возвращается обратно.

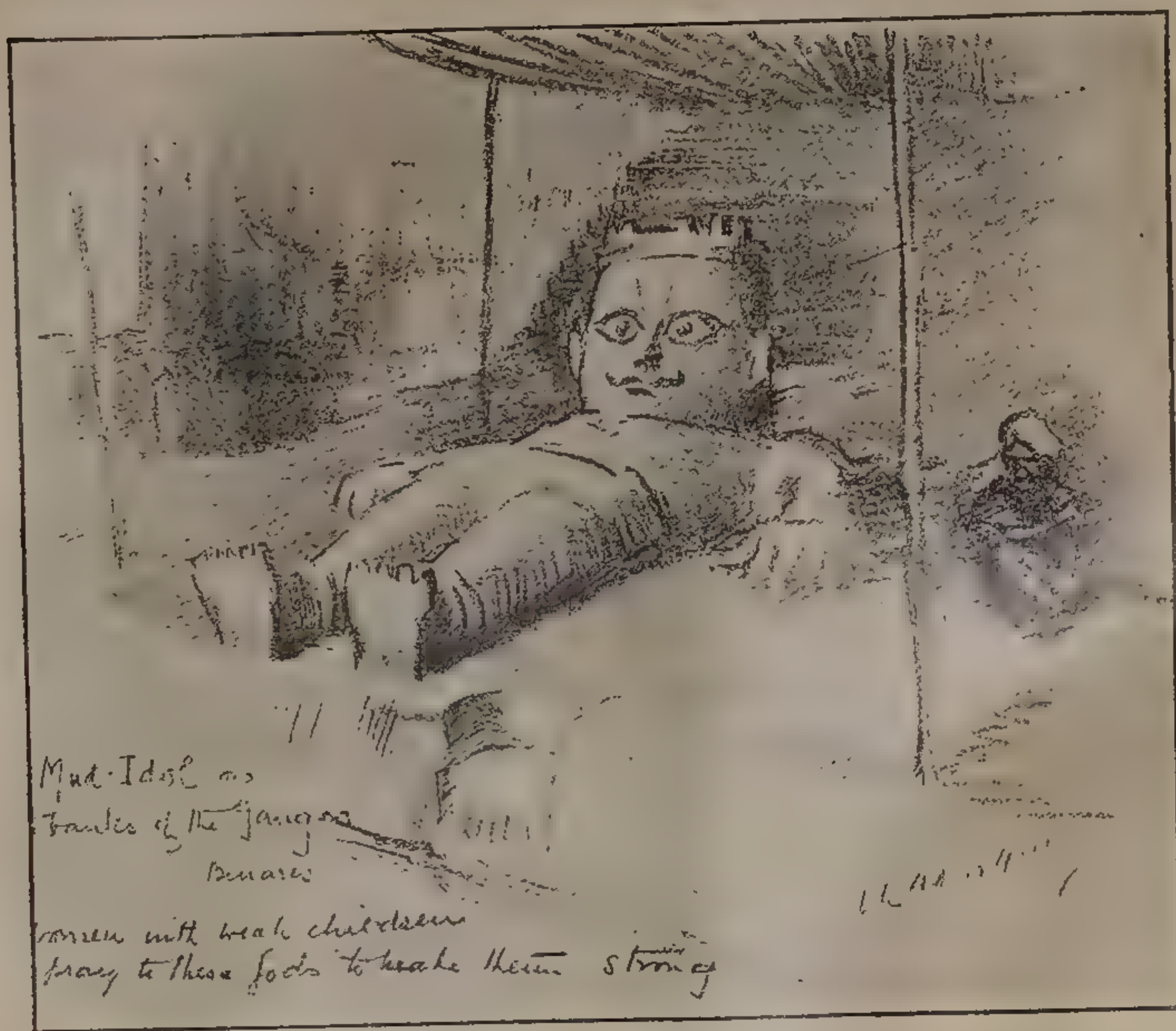
На «выѣздъ колесницы» одновременно стекается болѣе ста тысячъ человѣкъ. Эта толпа ужъ успѣваетъ истомиться отъ долгаго путешествія. Большинство приходитъ пѣшкомъ, иногда съ окраинъ Индіи, таща за собою больныхъ и дѣтей. Днемъ они идутъ, ночью спятъ на голой землѣ подъ открытымъ небомъ. Между тѣмъ праздникъ бываетъ въ іюнѣ или въ іюлѣ, т.-е.

въ самое дождливое время года, когда тяжелый зной становится еще вреднѣе отъ сырости. Прійдя къ мѣсту назначенія, они находятъ еще худшія условія. Въ Пури всего пять тысячъ хижинъ для пріема богомольцевъ, и многіе остаются безъ пристанища. Гнилостныя лихорадки и холера, которыя не переводятся въ этой мѣстности, начинаютъ свирѣпствовать въ полной силѣ. Питаніе у паломниковъ плохое. Они покупаютъ себѣ вареный рисъ при храмѣ; но такъ какъ эта пища была посвящена богу, то ничто не должно пропадать, а потому остатки ея сохраняются изо дня въ день, и ихъ съѣдаютъ уже прокисшими и перебродившими. Нѣсколько разъ въ день богомольцы купаются толпами въ зловонныхъ прудахъ. Благодаря скученности и дурнымъ условіямъ жизни, люди проводятъ тамъ одну или двѣ недѣли болѣе убійственныя, чѣмъ большое сраженіе. Въ обратный путь они пускаются, часто унося съ собой заразу и по всей дорогѣ оставляя мертвыхъ. Особенно много гибнетъ бѣдныхъ богомольцевъ, и десятки тысячъ людей, пришедшихъ на поклоненіе Джаганнату домой уже не возвращаются.

Колесница Джаганната.

Религіозныя празднества происходятъ не только въ святилищахъ, но и въ частныхъ домахъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ, напримѣръ, въ Бенгаліи, они очень распространены. Почти въ каждомъ дворѣ устраивается площадка для идола. Одно семейство или же нѣсколько семействъ въ складчину заказываютъ себѣ идола. Изготовленіемъ идоловъ на

Глиняный идолъ.

разныя цѣны занимаются особые мастера. Мастеръ дѣлаетъ основу изъ бамбуковыхъ палочекъ наподобіе человѣческаго тѣла съ руками и ногами и покрываетъ ее тиной изъ какой-нибудь священной рѣки. Когда идолъ высохнетъ, его раскрашиваютъ и одѣваютъ согласно предписаніямъ священныхъ книгъ. Затѣмъ его переносятъ въ назначенный домъ, гдѣ совершается церемонія «дарованія жизни». Жрецъ

проситъ божество вселиться въ идола на опредѣленный срокъ: два, три дня. Послѣ этого изображеніе становится священнымъ, и приблизиться къ нему можетъ только индусъ, а прикоснуться только брахманъ. Передъ идоломъ читаются священные тексты.

Всякій, кто хочетъ, можетъ безъ приглашенія явиться въ домъ, гдѣ происходитъ праздникъ. По вечерамъ тутъ же во дворѣ для присутствующихъ устраиваются пляски и представленія, сопровождаемыя веселыми пѣснями. Наконецъ наступаетъ прощаніе съ божествомъ. Въ присутствіи толпы жрецъ благодаритъ бога за то, что онъ удостоилъ «это жилище», т.-е. идола своимъ посѣщеніемъ, и проситъ въ слѣдующемъ году также явиться, когда его пригласятъ. Считаютъ, что съ этой минуты богъ удаляется, и тогда священный идолъ становится уже простымъ кускомъ глины. На закатѣ солнца его подъ звуки оглушительной музыки торжественно съ факелами несутъ на берегъ рѣки или пруда. Здѣсь ужъ заранѣе приготовлены двѣ лодки, связанныя между собою веревкой. Идола кладутъ на эту веревку. Отъѣхавъ на середину теченія, ее перерѣзаютъ, и идолъ падаетъ въ воду. Этимъ праздникъ заканчивается.

IX.

Магометанское владычество.—Европейцы.

Въ то время, какъ велась борьба со скиѳами, и въ сѣверной, и въ южной Индіи возникло нѣсколько самостоятельныхъ туземныхъ государствъ, которыя порознь отражали враговъ, но не заботились о томъ, чтобы слить страну въ одно государство.

Черезъ нѣсколько столѣтій послѣ скиѳскихъ вторженій явились другіе завоеватели. Одинъ изъ азіатскихъ народовъ — арабы, въ странѣ которыхъ въ VII вѣкѣ послѣ Р. Х. возникла новая религія, мусульманская или магометанская, постепенно достигъ большого могущества. Арабскія арміи сдѣлали крупныя

завоеванія въ Азіи, Африкѣ и южной Европѣ. Пытались онѣ проникнуть и въ Индію, богатства которой попрежнему привлекали къ себѣ взоры завоевателей. Однако первыя вторженія арабовъ-мусульманъ оказались неудачными: они встрѣчали со стороны индусовъ отчаянное сопротивленіе. Храбрость и геройская защита туземцевъ повергала арабовъ въ изумленіе. Они предпочитали умереть, если положеніе было безнадежнымъ, но не соглашались покориться. Такъ, однажды многочисленное арабское войско осадило одинъ индусскій городъ. Гарнизонъ былъ невеликъ, и нельзя было разсчитывать, чтобы долго продержаться. Тогда жители сложили огромный погребальный костеръ, на которомъ сожгли всѣхъ своихъ женщинъ и дѣтей. Мужчины совершили торжественное омовеніе, попрощались другъ съ другомъ и, открывъ городскія ворота, ринулись въ середину враговъ. Разумѣется, они были перебиты всѣ до единаго.

Если мусульманамъ удавалось взять какой-нибудь городъ и поставить тамъ своего правителя, то при первомъ же удобномъ случаѣ индусы старались свергнуть его. Но въ началѣ одиннадцатаго вѣка явились могущественные враги, которые проложили себѣ путь впередъ. Это были мусульманскія арміи изъ Афганистана, лежавшаго къ сѣверо-западу отъ Индіи. Въ Афганистанѣ въ то время столицей былъ городъ Газна, и по его имени царствующая династія называлась Газневидами. Одинъ изъ газневидовъ, Махмудъ, предпринялъ рядъ войнъ и расширилъ маленькое Афганское царство, присоединивъ къ нему много новыхъ владѣній. Вступивъ въ Индію, онъ, какъ и его предшественники, встрѣчалъ геройское сопротивленіе. Однако пораженія не останавливали его. Возвратившись на родину, онъ черезъ нѣкоторое время вновь предпринималъ походъ на Индію. Въ теченіе двадцати пяти лѣтъ онъ сдѣлалъ семнадцать такихъ походовъ и съ каждымъ разомъ заходилъ все дальше. Онъ не столько стремился къ завоеваніямъ, сколько преслѣдовалъ язычниковъ-индусовъ, разрушая ихъ

храмы, разбивая и уничтожая идоловъ и желая доказать этими мѣрами превосходство своей религіи. Всю западную часть Пенджаба онъ подчинилъ власти газневидовъ, но управлялъ ею изъ своей афганской столицы.

На ряду съ жестокостью и слѣпымъ фанатизмомъ Махмудъ отличался, однако, и высокими качествами. Мусульманскія лѣтописи восхваляютъ его справедливость и любовь къ правдѣ и подтверждаютъ это многими разсказами. Говорятъ, напримѣръ, что къ нему однажды пришла бѣдная женщина, жаловавшаяся на то, что ея сына убили на далекой окраинѣ царства, въ песчаной безводной пустынѣ.

— Мнѣ очень жаль, что это случилось,— отвѣтилъ Махмудъ,— но что же дѣлать? Далеко отъ столицы на окраинахъ такіе случаи всегда возможны. Отсюда не усмотришь...

Старуха, обезумѣвшая отъ горя, перебила его словами:

— Такъ не набирай столько земли, чтобъ за нею было трудно усмотрѣть!

Царь приказалъ наградить ее за справедливую рѣчь и послалъ войско, чтобы охранять проходящіе по пустынѣ караваны отъ нападенія разбойниковъ.

Со времени вторженія газневидовъ въ исторіи Индустана наступила мрачная эпоха. Одинъ властитель свергалъ другого. Каждый изъ нихъ, вступая на престолъ, убивалъ родственниковъ, которые могли оказаться его соперниками, истреблялъ тысячами приверженцевъ предшествовавшаго царя, чтобы они не возмутились противъ него, казнилъ направо и налѣво, сжигалъ деревни и разорялъ города. Когда подрастали его сыновья, онъ долженъ былъ дрожать за свою жизнь, такъ какъ и его всегда могла постигнуть такая же участь — сверженіе съ престола, заточеніе въ темницѣ, избіеніе всѣхъ преданныхъ ему людей. Въ теченіе пяти вѣковъ не прекращались эти ужасы. Въ сѣверной и сѣверо-западной Индіи земля буквально не переставала дымиться отъ пролитой крови.

Махмудъ, какъ было сказано, придавалъ своимъ походамъ религіозную окраску. Онъ, преимущественно, нападалъ на индусскіе храмы, разорялъ ихъ и награбленныя драгоцѣнности увозилъ въ Газну. Его преемники уже не довольствовались грабежами и набѣгами. Вскорѣ послѣ смерти Махмуда газневиды перенесли столицу изъ Афганистана въ индійскій городъ Лагоръ. Однако они продержались недолго: въ это смутное время одна династія быстро смѣняла другую. Не только знатныя семьи добивались того, чтобы поставить царя изъ своей среды, но даже люди низкаго происхожденія стремились къ престолу. Интриги, насилія, произволъ расчищали всѣмъ дорогу. Одно время на тронѣ даже утвердилась «династія рабовъ», названная такъ потому, что ея основатель былъ прежде рабомъ.

Смѣнѣ династій способствовало еще и то, что управленіе государствомъ было сопряжено съ большими трудностями. Царю приходилось бороться съ возстаніями своихъ же мусульманскихъ подданныхъ, которые стремились возвести какого-нибудь новаго кандидата на престолъ, и съ возстаніями индусовъ, которые жаждали свергнуть чужеземное владычество. Къ тому же имъ надо было обороняться отъ новыхъ пришельцевъ, явившихся изъ центральной Азіи.

Съ тринадцатаго вѣка начались вторженія монголовъ, которые проникли въ Индію черезъ сѣверо-восточные проходы Гималаевъ со стороны Бенгаліи. Каждая новая орда приносила все больше разрушеній и опустошеній. Въ концѣ четырнадцатаго вѣка монгольскія орды подъ начальствомъ Тимура, или Тамерлана, вторглись въ Индію черезъ Афганскіе проходы. Тамерланъ осадилъ столицу, и пять дней длилась кровопролитная битва. По нѣкоторымъ улицамъ совершенно нельзя было проходить, такъ какъ груды наваленныхъ труповъ загораживали дорогу; а Тимуръ спокойно смотрѣлъ на это и пировалъ со своими приближенными, празднуя одержанную побѣду. Въ Индіи онъ пробылъ недолго и черезъ годъ

вернулся обратно въ Среднюю Азію; но шествіе его, словно грозный ураганъ, оставило слѣды опустошенія по всему сѣверу страны.

Новое жестокое нашествіе монголовъ произошло подъ предводительствомъ Бабура въ шестнадцатомъ вѣкѣ. Бабуръ послѣ крупныхъ завоеваній утвердился на престолѣ въ Дели и положилъ начало династіи Великихъ Монголовъ. Изъ преемниковъ Бабура особенно выдвинулся его внукъ Акбаръ, прозванный Великимъ.

Акбаръ вступилъ на престолъ въ 1556 году четырнадцатилѣтнимъ мальчикомъ. Отъ отца онъ унаслѣдовалъ небольшое княжество, но за свое пятидесятилѣтнее царствованіе расширилъ свои владѣнія до далекихъ предѣловъ и укрѣпилъ монгольское владычество въ Индіи.

Индія въ эту эпоху была полна смутъ и раздоровъ. Отъ предыдущихъ вторженій арабовъ, афганцевъ и монголовъ образовались могущественныя магометанскія княжества, въ томъ числѣ пять въ Деканѣ. Однако многіе индусскіе царьки уже успѣли добиться самостоятельности и отдѣлиться отъ нихъ. Таковы были сосѣди Акбара, непрерывно враждовавшіе между собою.

Акбаръ раньше всего постарался склонить на свою сторону индусовъ. Онъ породнился съ знатнѣйшими индусскими князьями: самъ женился на дочери одного раджи, а своего сына женилъ на внучкѣ другого государя. Не всѣ индусы, однако, относились къ этому сочувственно. Иные не хотѣли нарушить кастовыхъ предразсудковъ, полагая, что чужеземецъ, хотя и царь, ниже индуса. Акбаръ старался приблизить къ себѣ индусовъ и другими способами. Онъ раздавалъ имъ государственныя должности, назначалъ ихъ военачальниками, губернаторами, даже министрами.

Предшественники Акбара ввели для не-мусульманъ особый тяжелый налогъ, и индусы сильно страдали отъ него. Акбаръ отмѣнилъ этотъ налогъ и поставилъ всѣхъ своихъ подданныхъ въ одинаковыя

условія. Онъ интересовался жизнью индусовъ и хотѣлъ поближе познакомиться съ ихъ религіей и литературой. Для этой цѣли онъ приказалъ перевести ихъ главныя священныя книги и большія поэмы съ санскритскаго языка на персидскій, который былъ принятъ при его дворѣ. Онъ съ уваженіемъ относился къ законамъ индусовъ, но велъ борьбу съ ихъ варварскими обычаями, и нѣкоторые изъ нихъ ему удалось уничтожить. Между прочимъ онъ отмѣнилъ кровавыя жертвоприношенія и пытки.

Такимъ образомъ Акбаръ не только не притѣснялъ индусовъ, какъ обыкновенно дѣлали чужеземные завоеватели, а, напротивъ, оказывалъ имъ большое довѣріе и считалъ ихъ полезными дѣятелями для своего государства. Заручившись въ ихъ лицѣ союзниками, онъ съ ихъ помощью подчинилъ себѣ независимыхъ магометанскихъ правителей сѣверной Индіи. Одно за другимъ покорялись ему отдѣльныя царства, и мало-по-малу вся Индо-Гангетическая равнина перешла подъ его власть. Онъ перенесъ столицу изъ Дели въ Агру, которая представляла больше удобства для сношеній съ отдѣльными частями страны, благодаря своему положенію у береговъ Джамны на великомъ водномъ пути. Акбаръ построилъ въ Агрѣ величественную крѣпость съ высокими бастіонами и зубчатыми стѣнами, которыя уцѣлѣли и донынѣ.

Не ограничиваясь завоеваніями на сѣверѣ, Акбаръ хотѣлъ подчинить себѣ и южную Индію. Нѣсколько разъ онъ предпринималъ походы, но всѣ они оканчивались неудачами. Большое сопротивленіе оказывалъ ему союзъ декканскихъ государствъ, который составила и поддерживала храбрая царица Чандъ Биби. Эта мужественная женщина вела съ Акбаромъ упорную борьбу и преградила ему дорогу на югъ. Онъ понялъ, что ему не по силамъ пробиться впередъ, и возвратился обратно.

Покоривъ всю Индію къ сѣверу отъ горъ Виндхья, Акбаръ занялся внутреннимъ устройствомъ своего государства. Онъ раздѣлилъ его на провинціи, въ ко-

торыя назначилъ отдѣльныхъ губернаторовъ. Каждый губернаторъ въ своей области долженъ былъ слѣдить за военной, судебной и хозяйственной частью. Акбаръ измѣнилъ порядки, которые прежде господствовали въ арміи. Полководцевъ за службу, бывало, надѣляли участками земли, и нерѣдко случалось, что, становясь помѣщиками, они отпадали отъ царя и объявляли себя независимыми властителями. Акбаръ вмѣсто земельныхъ надѣловъ сталъ уплачивать военнымъ жалованье деньгами. Для разбора недоразумѣній и тяжбъ во всѣ главные города назначены были судьи. Они подчинены были министру юстиціи, который жилъ въ столицѣ.

Въ городахъ устроена была полиція, которая должна была слѣдить за поддержаніемъ порядка и охранять неприкосновенность личности и имущества жителей. Зато въ деревняхъ почти безнаказанно происходили грабежи, убійства, разбой. Правда, каждая индусская деревня имѣла такъ называемаго стражника, и эта должность передавалась по наслѣдству изъ рода въ родъ. Но вся бѣда заключалась въ томъ, что стражникъ обыкновенно самъ былъ въ стачкѣ съ разбойниками и не только не препятствовалъ имъ въ нападеніяхъ на мирныхъ жителей, но даже дѣлилъ съ ними добычу.

Для того, чтобы крестьяне не были вынуждены платить налоги по произволу помѣщиковъ и чиновниковъ, которые обременяли ихъ всякими новыми повинностями, если сами нуждались въ деньгахъ, Акбаръ установилъ точный размѣръ податей. Раньше всего онъ велѣлъ произвести по всей странѣ измѣреніе земли. Затѣмъ вычислена была доходность каждой мѣры (въ родѣ нашей десятины) и постановлено было, чтобы треть ея валового дохода поступала въ казну. Наконецъ опредѣлена была расцѣнка, по которой можно было переводить урожай на деньги и уплачивать подати не натурой, а деньгами. Сначала подати устанавливались только на одинъ годъ, и въ слѣдующемъ году опять производились такія же вы-

численія. Это оказалось очень затруднительнымъ. Тогда стали опредѣлять размѣръ податей на десять лѣтъ впередъ.

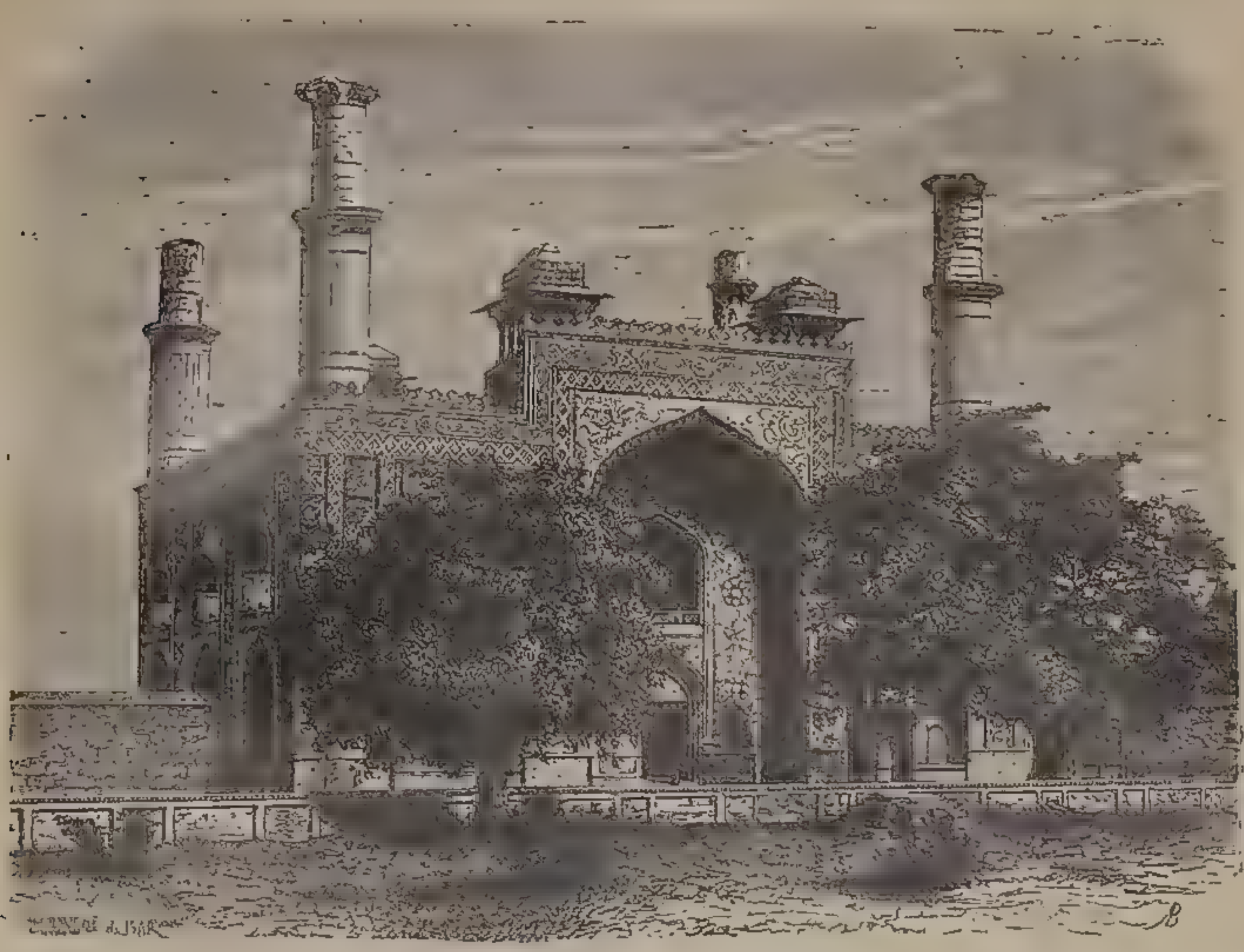
Кромѣ податей, Акбаръ установилъ еще разные другіе налоги. Между прочимъ каждая область должна была содержать свое мѣстное войско, независимо отъ того, что существовала государственная армія.

Установленіемъ податей руководилъ индусскій министръ Акбара Тодаръ Малъ, и имя его до сихъ поръ живетъ въ памяти бенгальскихъ земледѣльцевъ. Дѣятельнымъ помощникомъ царя былъ также министръ финансовъ Абулъ Фазлъ. Ему потомство обязано тѣмъ, что сохранились подробныя свѣдѣнія объ имперіи Акбара. Онъ составилъ обстоятельное статистическое изслѣдованіе страны и, кромѣ того, написалъ книгу, въ которой живо и ярко изобразилъ картины изъ придворной и повседневной жизни своего повелителя.

Акбаръ выказывалъ большой интересъ къ вопросамъ религіи. Онъ любилъ окружать себя представителями различныхъ вѣроученій и выслушивать ихъ рѣчи и проповѣди. По пятницамъ, которыя у мусульманъ считаются праздничнымъ днемъ, онъ призывалъ къ себѣ богослововъ. Брахманъ, мусульманинъ, огнепоклонникъ, еврей, христіанинъ — каждый развивалъ передъ нимъ основы своей религіи и доказывалъ ея преимущества. Въ жизнеописаніи царя, *Акбаръ-намэ*, говорится о томъ, что въ одномъ изъ религіозныхъ споровъ во дворцѣ побѣду надъ всѣми одержалъ христіанскій священникъ Редифъ. Акбаръ относился съ терпимостью ко всѣмъ религіямъ. Не ограничиваясь этимъ, онъ извлекъ изъ каждой религіи то, что ему казалось лучшимъ, и составилъ свою новую вѣру, которую провозгласилъ государственной религіей, а себя — ея пророкомъ. Каждое утро въ присутствіи народа онъ воздавалъ поклоненіе солнцу, какъ представителю божественнаго духа, который животворитъ весь міръ, а невѣжественная толпа поклонялась ему самому. Благочестивые мусульмане укоряли его не

только въ томъ, что онъ отрекся отъ вѣры своихъ отцовъ, но и въ томъ, что онъ принимаетъ почести, которыя подобаютъ только Богу, а не человѣку.

Послѣдніе годы его жизни были омрачены семейными неурядицами и, въ особенности, интригами его любимаго сына, который свергъ его съ престола, чтобы самому вступить на царство. Надъ могилой Акбара воздвигнута роскошная гробница, въ которой

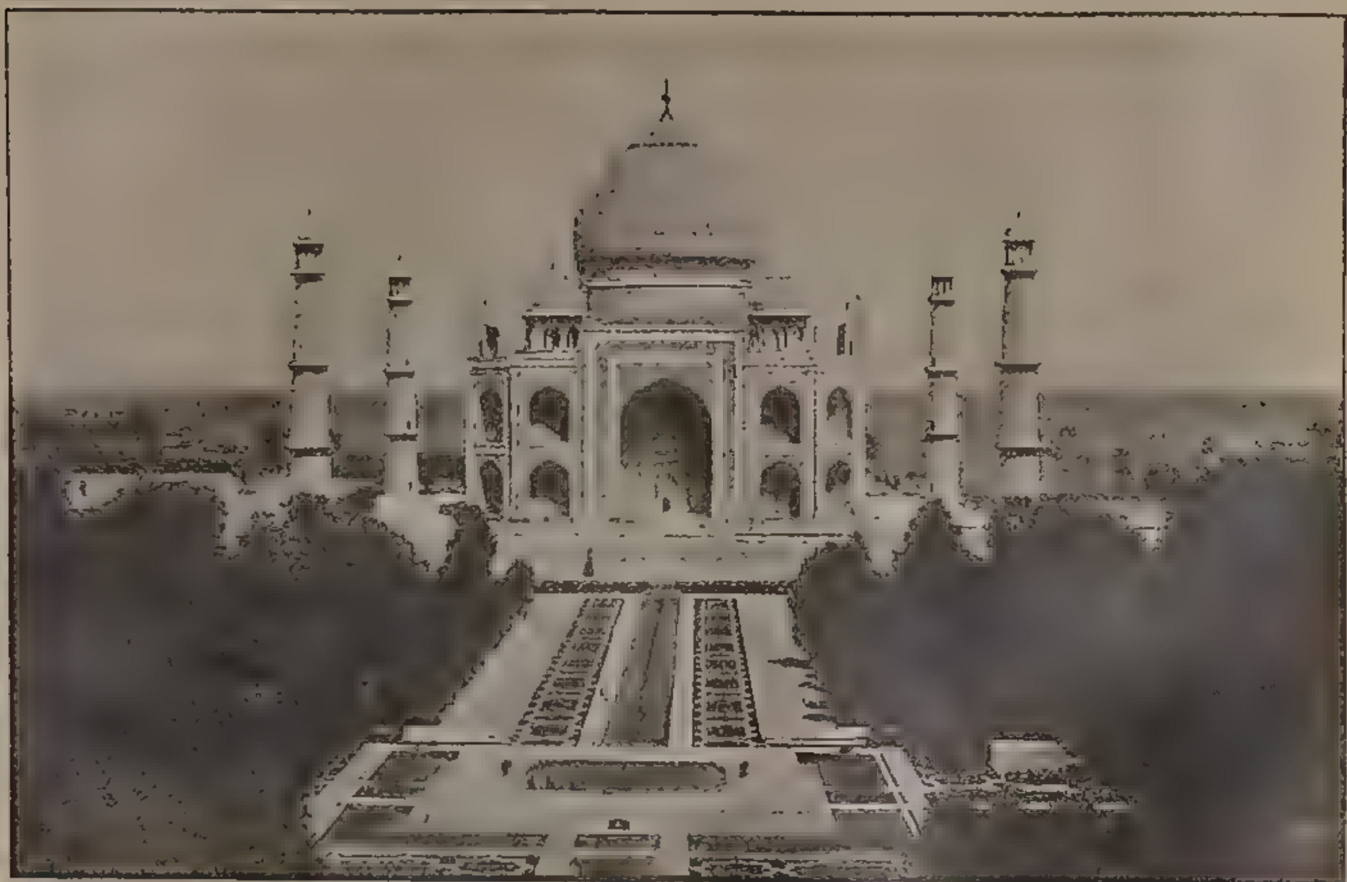

Памятникъ Акбара.

индійская архитектура переплетается съ арабской, какъ бы свидѣтельствуя о смѣшанной религіи основателя монгольской имперіи.

Преемникъ Акбара, Джехангиръ, въ свою очередь, былъ свергнутъ своимъ сыномъ Шахъ Джеханомъ. По варварскому обыкновенію монгольскихъ императоровъ Шахъ Джеханъ первымъ дѣломъ постарался освободиться отъ соперниковъ, которые могли бы заявить притязанія на престолъ, и убилъ своихъ братьевъ и другихъ родственниковъ. Однако жесто-

кость его простиралась только на членовъ семьи. Къ подданнымъ онъ былъ справедливъ и управлялъ государствомъ вѣрою и правдою. При немъ монгольская имперія достигла наибольшей силы и блеска. Ему удалось завоевать часть владѣній въ Декканѣ, къ чему тщетно стремились его предшественники. Но больше всего онъ прославился тѣмъ, что воздвигъ въ Сѣверной Индіи великолѣпныя постройки, которыя до сихъ поръ возбуждаютъ удивленіе всего міра.

Таджъ Махалъ.

Особенно замѣчателенъ Таджъ Махалъ, величественный мавзолей, выстроенный Шахъ Джеханомъ въ память горячо любимой жены. Онъ находится недалеко отъ Агры. За высокими воротами изъ краснаго песчаника, украшенными надписями и фигурами, начинается аллея изъ темныхъ мрачныхъ кипарисовъ, окружающая неглубокій искусственный бассейнъ. На его зеркальной поверхности отражается находящееся подальше стройное зданіе изъ бѣлоснѣжнаго мрамора съ такимъ же мраморнымъ куполомъ. Этотъ памятникъ монгольскаго зодчества, какъ своимъ общимъ видомъ,

такъ и безчисленными красотами внутренней и внѣшней отдѣлки, производитъ неописанное впечатлѣніе. Изящныя очертанія Таджъ Махала выдѣляются на зелени окружающаго его роскошнаго сада съ пальмами и другими тропическими растеніями, цвѣтниками, фонтанами и мраморными рыбными садками, а съ крыши его открывается восхитительный видъ на окрестности и рѣку Джамну.

Восторгъ, вызываемый удивительными красотами этого памятника, омрачается, однако, воспоминаніемъ, что онъ, какъ и египетскія пирамиды, былъ созданіемъ рабскаго труда и стоилъ тысячъ жизней. Надъ постройкою и украшеніемъ Таджъ Махала ежедневно въ теченіе семнадцати лѣтъ трудились двадцать тысячъ рабочихъ за одно лишь дневное пропитаніе, а семьи ихъ въ родныхъ деревняхъ умирали отъ голода или, побуждаемыя крайней нуждой, ходили нищенствовать въ города.

Въ Агрѣ по повелѣнію Шахъ Джехана воздвигнута была такъ называемая Жемчужная мечеть, вся изъ мрамора. Это одинъ изъ самыхъ красивыхъ существующихъ храмовъ.

Шахъ Джеханъ не довольствовался тѣмъ, что украсилъ столицу своего дѣда Акбара дивными постройками. Онъ задумалъ опять перенести управленіе въ Дели и почти заново отстроилъ этотъ городъ. Каждое изъ общественныхъ зданій было чудомъ архитектурнаго искусства. Особенно выдавались: соборная мечеть и огромный величественный дворецъ съ грандіозными готическими воротами и обширными сводчатыми залами. Здѣсь славилась зала для пріемовъ, аудіенцій. Въ серединѣ ея возвышался громадный балдахинъ изъ бѣлаго мрамора, осѣнявшій такъ называемый павлиній тронъ. Это было золотое кресло съ украшеніями, изображавшими цвѣты и плоды. Къ нему придѣланы были два павлина съ распущенными хвостами, составленными изъ сафировъ, рубиновъ, брильянтовъ, изумрудовъ и другихъ драгоцѣнныхъ камней, соотвѣтственно природной окраскѣ павлиньихъ перьевъ. По-

зади трона висѣлъ попугай, выточенный изъ цѣльнаго сафира. Тронъ вмѣстѣ съ обстановкой стоилъ до шестидесяти милліоновъ рублей. Впослѣдствіи онъ былъ вывезенъ въ Персію. Потолокъ пріемной залы былъ весь изъ серебра. На сводахъ его находились выпуклыя позолоченныя надписи, гласившія: «Если есть гдѣлибо рай на землѣ—это здѣсь, это здѣсь, это здѣсь!»

Зданія, выстроенныя при Шахъ Джеханѣ, не отличались той силою и смѣлостью замысла, какъ крѣпость Агры, воздвигнутая при Акбарѣ; зато изяще-

Ворота въ Дели.

ство отдѣлки придавало имъ болѣе утонченную, мягкую и нѣжную красоту.

Шахъ Джеханъ много лѣтъ провелъ въ Дели и приготовилъ великолѣпнѣйшую столицу для своего преемника Аурензеба. Онъ тоже сдѣлался жертвой измѣны въ своей семьѣ. Воспользовавшись болѣзнью старика-отца, Аурензебъ объявилъ себя императоромъ. Шахъ Джеханъ, какъ государственный преступникъ, былъ заключенъ въ крѣпость Агры, гдѣ пробылъ семь лѣтъ до самой своей смерти.

Аурензебъ продолжалъ завоеванія въ Декканѣ, начатыя его отцомъ, и при немъ монгольская имперія

достигла наибольшихъ предѣловъ. Однако ему пришлось бороться не только съ самостоятельными магометанскими царствами, которыя онъ хотѣлъ себѣ покорить, но также и съ индусами. Туземныя племена стали вооружаться противъ мусульманскихъ завоевателей и, наконецъ, около половины семнадцатаго вѣка въ Южной Индіи образовался могущественный военный союзъ маратховъ.

Монгольскія арміи сѣвера и независимыя магометанскія царства юга непрерывно воевали между собою и подрывали другъ другу силы. Тѣ и другіе были пришельцами въ Индіи и потому вынуждены были искать себѣ посторонней помощи. Взоры ихъ и обратились на маратховъ, у которыхъ одинаково стали заискивать и сѣверные, и южные полководцы. Маратхи, располагавшіе большимъ ополченіемъ, были желательными союзниками для каждой изъ враждующихъ сторонъ.

Ауренгзебъ сильно вооружилъ противъ себя индусовъ. Онъ возстановилъ отмѣненный Акбаромъ позорный налогъ на не-мусульманъ и лишилъ индусовъ права занимать государственныя и военныя должности. Мало того, онъ сдѣлалъ набѣгъ на граничившія съ его владѣніями небольшія индусскія княжества и въ конецъ разграбилъ и разорилъ ихъ. Индусы обратились противъ него и отплатили такимъ же набѣгомъ на одну изъ его областей. Такимъ образомъ при Ауренгзебѣ насталъ конецъ соглашенію магометанъ съ индусами, которое было установлено Акбаромъ и на которомъ основывалось могущество монгольской имперіи.

Въ силу этихъ событій маратхи естественно сдѣлались противниками Ауренгзеба и помогли изгнать его войска изъ Деккана. Но покончивъ съ этимъ, они не замедлили напасть на независимыя мусульманскія царства, съ которыми только что находились въ союзѣ. Они стремились повсемѣстно свергнуть ненавистное иго чужеземцевъ, которое ужъ въ теченіе ряда вѣковъ тяготѣло надъ индусами.

Въ царствованіе Ауренгзеба было не мало отдѣльныхъ возстаній въ различныхъ частяхъ имперіи. Они были вызваны непомѣрными налогами, которые доводили народъ до полнаго разоренія. Ауренгзебъ требовалъ съ народа около половины его доходовъ отъ земли, такъ какъ для войнъ и пышной жизни при дворѣ нужны были огромныя средства.

Съ этихъ поръ начался упадокъ монгольской имперіи. Послѣдующіе императоры были лишь пѣшками въ рукахъ вліятельныхъ сановниковъ или воиновъ, которые сами заправляли всѣми государственными дѣлами. Та или другая партія возводила какого-нибудь императора на престолъ или свергала, когда ей заблагоразсудится, и царедворцы не безъ основанія прозваны были «дѣлателями царей».

Преслѣдованіе индусовъ продолжалось попрежнему. Въ началѣ восемнадцатаго вѣка секта сикховъ въ Пенджабѣ подверглась гоненію, которое сопровождалось безпримѣрными жестокостями. Тогдашній глава сикховъ Банда былъ привезенъ въ Дели въ желѣзной клѣткѣ, одѣтый, ради насмѣшки, въ царское платье изъ золотой парчи и пурпуровый головной уборъ, тюрбанъ. На его глазахъ до смерти замучили его сына и, вырвавъ сердце у юноши, бросили въ лицо несчастному отцу. Потомъ подвергли пыткѣ и его самого. Сикхи, которыхъ преслѣдовали, какъ бѣшеныхъ собакъ, сплотились и вступили въ такую же ожесточенную борьбу съ мусульманами, какъ и маратхи.

Пользуясь этой борьбою, мусульманскія царства, покоренныя монголами, не замедлили отдѣлиться. Не дремали и внѣшніе враги. Съ сѣвера снова стали вторгаться дикія орды афганцевъ. Шли они, разоряя и уничтожая на пути своемъ всѣ поселенія, начиная отъ бѣднѣйшей деревушки и кончая большимъ городомъ. Послѣ этихъ нашествій вся сѣверо-западная часть Индіи, нѣкогда густо населенная, превратилась въ безлюдную пустыню.

Лишившись поддержки индусовъ и нажившись въ ихъ лицѣ сильныхъ враговъ, монгольская имперія

совершенно утратила свою силу и значеніе. Правда, въ Дели до девятнадцатаго вѣка все еще царствовали императоры, но ихъ власть ограничивалась дворцомъ. Они не въ силахъ были даже принимать участія въ той борьбѣ, которая велась за господство въ странѣ между маратхами, сикхами и прибывшими изъ-за моря европейцами.

Индусы никогда не были хорошими моряками, несмотря на то, что географическое положеніе Индустана могло бы этому благопріятствовать; кастовыя правила воспрещали выѣздъ за предѣлы страны, и потому вся торговля, которую Индія вела съ другими государствами, сосредоточивалась въ рукахъ чужеземцевъ.

Европейцы со временъ Александра Великаго не поддерживали непосредственныхъ сношеній съ Индіей. Лишь какой-нибудь путешественникъ, случайно попавшій туда, по возвращеніи на родину разсказывалъ о видѣнныхъ имъ могущественныхъ царствахъ и о несмѣтныхъ богатствахъ Индіи. Мечты европейцевъ попрежнему обращались къ странѣ, о которой ходили баснословные разсказы, и въ средніе вѣка явилась мысль отыскать удобный морской путь изъ Европы въ Индію. Первая такая попытка была сдѣлана Христофоромъ Колумбомъ, но до Индіи онъ не добрался, а открылъ по дорогѣ Америку. Черезъ пять лѣтъ послѣ Колумба португальскій мореплаватель Васко-де-Гама, объѣхавъ вокругъ Африки, прибылъ къ юго-восточному берегу Индіи. Послѣ того португальцы стали посылать экспедиціи въ Индію, носившія не столько торговый, сколько религіозный характеръ. Португальцы смотрѣли на нихъ, какъ на своего рода крестовые походы, и стремились обращать туземцевъ въ христіанство, не щадя для этого ни жестокостей, ни насилій.

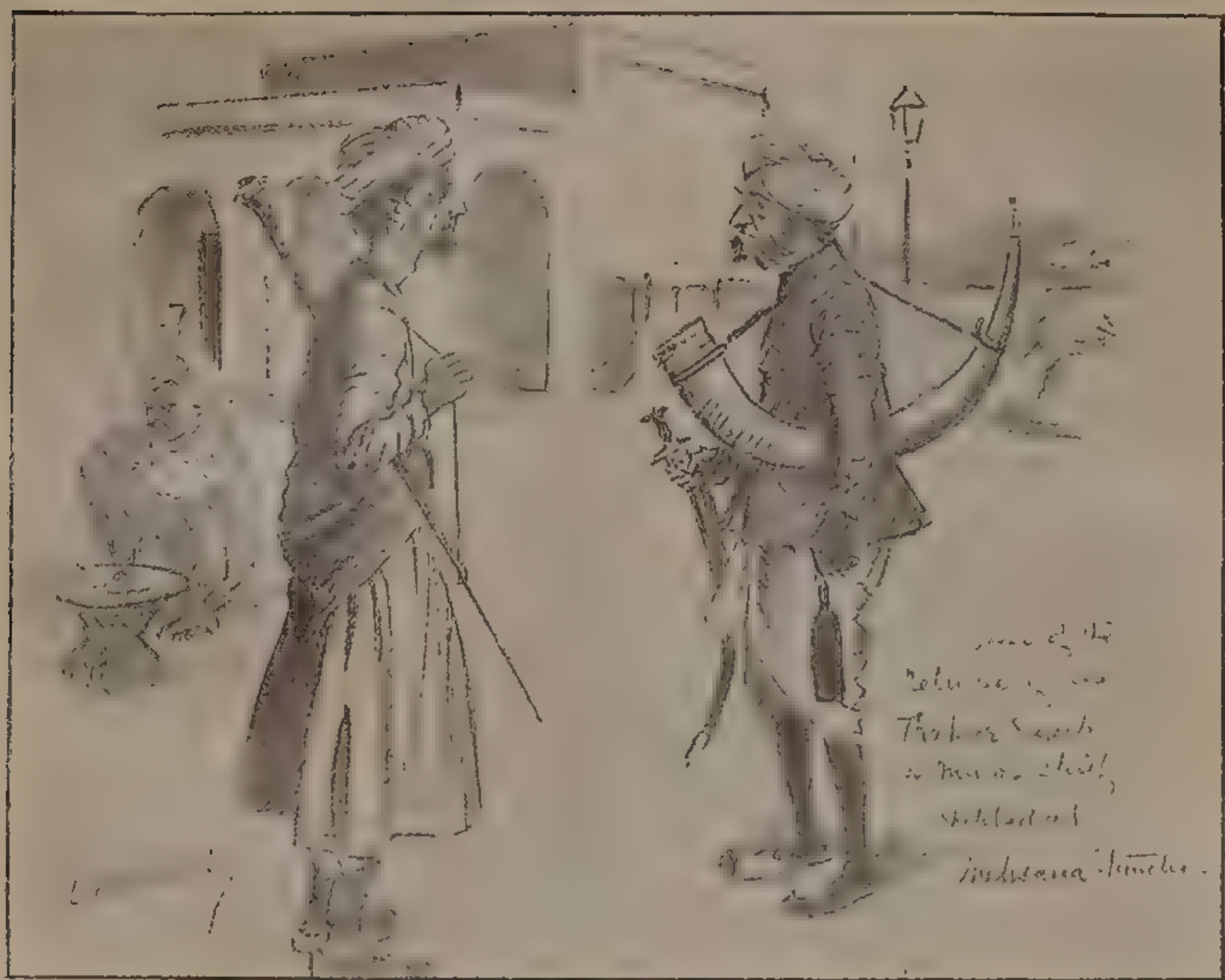
На смѣну португальцамъ явились спокойные, разсудительные голландцы, которые стали въ большомъ количествѣ вывозить изъ Индіи пряности и занялись исключительно торговлей, совершенно не вмѣшиваясь

въ жизнь туземцевъ. Вслѣдъ за тѣмъ прибыли воинственные славолюбивые французы, которые при случаѣ не прочь были поддержать одного индусскаго правителя, свергнуть другого и вообще принимать участіе въ судьбѣ Индіи. Наконецъ большую роль стали играть энергичные предпріимчивые англичане, постепенно оттѣснившіе всѣхъ другихъ европейцевъ, у которыхъ въ Индустанѣ въ настоящее время остались лишь незначительныя владѣнія.

Голландцы, пользуясь своими торговыми преимуществами, сильно подняли цѣну на перецъ, который они поставляли во всѣ европейскія страны. Это дало поводъ англичанамъ основать собственное торговое предпріятіе въ Индіи. Въ 1600 году они учредили такъ называемую Остъ-Индскую компанію, выхлопотавшую себѣ право торговли отъ тогдашнихъ монгольскихъ властителей Индіи. Она представляла изъ себя акціонерное общество, т.-е. каждый изъ участниковъ вносилъ опредѣленный пай и долженъ былъ участвовать въ ея прибыляхъ или убыткахъ. Дѣла Остъ-Индской компаніи пошли блестяще, и капиталъ, которымъ она располагала, возрасталъ съ каждымъ годомъ. Она стала основывать въ разныхъ мѣстахъ Индіи торговые пункты, факторіи. Не ограничиваясь этимъ, она пріобрѣтала большія земельныя владѣнія, которыми управлялъ генералъ-губернаторъ, и для охраны ихъ строила крѣпости и заводила войско. Ей нерѣдко приходилось вести войны то съ соперниками-европейцами, то съ туземцами. Однако среди индусовъ не было единенія, и англичане выходили побѣдителями, несмотря на то, что по численности значительно уступали врагамъ.

Въ главѣ Остъ-Индской компаніи стояли частные предприниматели, люди корыстолюбивые, искавшіе лишь легкой и быстрой наживы. Для захвата земель они не гнушались никакими средствами. Объ интересахъ туземцевъ они нисколько не радѣли и тѣснили ихъ, чѣмъ, конечно, сильно возстановляли противъ себя. Глухое недовольство и вражда все росли. Наконецъ въ 1857 году вспыхнуло страшное возстаніе

сипаевъ *), т.-е. индусскихъ солдатъ, находившихся на англійской службѣ. Этимъ возстаніемъ былъ подписанъ смертный приговоръ Остъ-Индской компаніи. Англійское правительство, убѣдившись въ ея пагубныхъ дѣяніяхъ, закрыло ее и, съ большимъ трудомъ возстановивъ спокойствіе въ странѣ, взяло въ свои

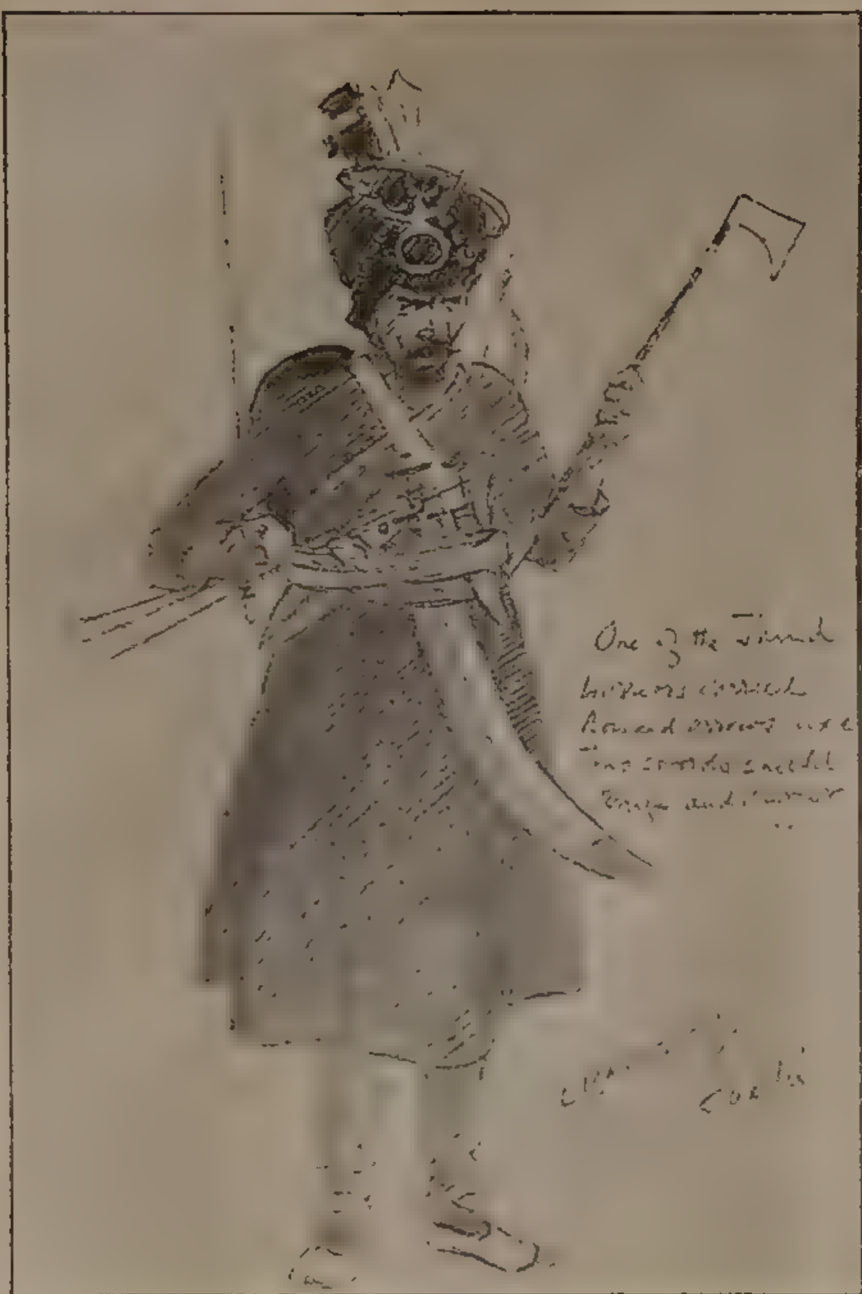
Придворные туземнаго царька.

руки управленіе индійскими владѣніями упраздненнаго торговаго общества.

Въ настоящее время земли, составляющія полную собственность Англіи, занимаютъ три пятыхъ Индустана. Остальныя двѣ пятыхъ состоятъ изъ многочисленныхъ туземныхъ государствъ, которыя такъ или иначе подчинены Англіи. Есть между ними очень маленькія, по размѣру не превышающія какой-нибудь

*) Подробности объ этомъ возстаніи можно найти въ книгѣ: *Лависсъ и Рамбо.* Исторія XIX вѣка. Т. VI М. 1906 г. стр. 114 и слѣд.

деревни, есть и довольно крупныя, богатыя и могущественныя. Каждый властитель туземнаго государства имѣетъ право жизни и смерти надъ своими подданными и держитъ собственное войско. Но въ силу договора съ англійскимъ правительствомъ эти государства не могутъ безъ согласія англичанъ воевать между собою или вступать въ союзы съ иностранными державами. При дворѣ каждаго такъ называемаго «независимаго» властителя находится англійскій чиновникъ, резидентъ, который слѣдитъ за выполненіемъ этого обязательства. Если же англичане найдутъ, что туземный государь угнетаетъ свой народъ, то вмѣшиваются въ управленіе и даже свергаютъ его съ престола.

Туземный воинъ.

Британская Индія, къ которой, кромѣ Индустана, относится еще Бирма, или Бирманія, расположенная на полуостровѣ Индо-Китаѣ, раздѣляется на провинціи, управляемыя особыми губернаторами. Верховное владычество надъ нею принадлежитъ англійскому парламенту и англійскому королю, который носитъ титулъ «императора Индіи». Такъ какъ самъ король живетъ въ Лондонѣ, то своимъ представителемъ утверждаетъ вице-короля, или генералъ-губернатора Индіи. При

вице-королѣ состоитъ совѣтъ главнаго управленія изъ шести непремѣнныхъ членовъ. Всѣ они назначаются высочайшей властью. Въ совѣтѣ принимаетъ также участіе главнокомандующій индійской арміей. Два члена управляютъ гражданскими дѣлами, третій—военными, четвертый—общественными работами, пятый—финансами, шестой — законодательной частью. Такимъ образомъ они являются настоящими министрами. Генералъ-губернаторъ оставляетъ за собою управленіе иностранными дѣлами. Онъ завѣдуетъ сношеніями англо-индійскаго государства съ другими странами и передаетъ свои приказанія резидентамъ, состоящимъ при туземныхъ государяхъ. Какъ представитель императора, онъ пользуется нѣкоторыми особыми правами. Онъ назначаетъ въ совѣтъ добавочныхъ членовъ—англичанъ или туземцевъ для разрѣшенія законодательныхъ вопросовъ. Этихъ членовъ должно быть не менѣе шести и не болѣе двадцати. Вмѣстѣ съ совѣтомъ главнаго управленія они вырабатываютъ законы, которые должны примѣняться къ населенію Индіи. Совѣтъ не имѣетъ лишь права измѣнять постановленій англійскаго парламента, касающихся управленія Индіей. Никакой важный вопросъ не можетъ обсуждаться въ совѣтѣ, если онъ не былъ предложенъ вице-королемъ, и даже никакая принятая совѣтомъ мѣра не можетъ вступить въ силу, если вице-король ея не одобритъ. Тѣмъ не менѣе, самъ вице-король не можетъ дѣйствовать полновластно, и всѣ его правительственныя распоряженія подлежатъ разсмотрѣнію индійскаго министерства въ Англіи. Онъ лишь въ случаяхъ крайней необходимости можетъ издавать приказы, имѣющіе силу закона, и то не болѣе какъ на шесть мѣсяцевъ.

Въ самой Англіи дѣлами Индіи завѣдуетъ особый статсъ-секретарь, въ помощь которому также существуетъ совѣтъ изъ десяти членовъ. Большинство членовъ совѣта должно быть выбрано изъ лицъ, служившихъ въ Индіи или проживавшихъ тамъ не менѣе десяти лѣтъ. Обыкновенно это бывшіе высшіе чиновники Индіи, но иногда также военные, инженеры,

банкиры, судейскіе. Они являются «свѣдущими лицами» и своей опытностью должны помочь статсъ-секретарю разобраться въ сложныхъ условіяхъ быта Индіи, съ которыми онъ лично почти не бываетъ знакомъ. Безъ согласія большинства членовъ совѣта статсъ-секретарь не можетъ дѣлать распоряженій, касающихся какихъ-нибудь расходовъ. Однако многія другія дѣла онъ рѣшаетъ самъ, безъ участія совѣта, напримѣръ, объ отношеніи индійскаго правительства къ иностраннымъ государствамъ, о мирѣ или войнѣ, о положеніи туземныхъ князей. Главная задача статсъ-секретаря и его совѣта заключается въ томъ, чтобы наблюдать за дѣйствіями индійскаго правительства, указывать общія руководящія начала и давать свое согласіе или отказъ на запросы о какихъ-либо важныхъ мѣрахъ, которыя не могутъ быть приняты безъ его одобренія. Такимъ образомъ дѣятельность статсъ-секретаря ограничивается обсужденіемъ донесеній, которыя онъ получаетъ отъ индійскаго правительства, но самъ онъ не возбуждаетъ никакихъ вопросовъ, не предлагаетъ никакихъ мѣръ.

Запутанная и сложная система государственнаго управленія Индіей находится всецѣло въ рукахъ англичанъ, остальное же населеніе Индіи не принимаетъ въ немъ никакого участія и лишено возможности высказываться о своихъ нуждахъ и отстаивать интересы страны.

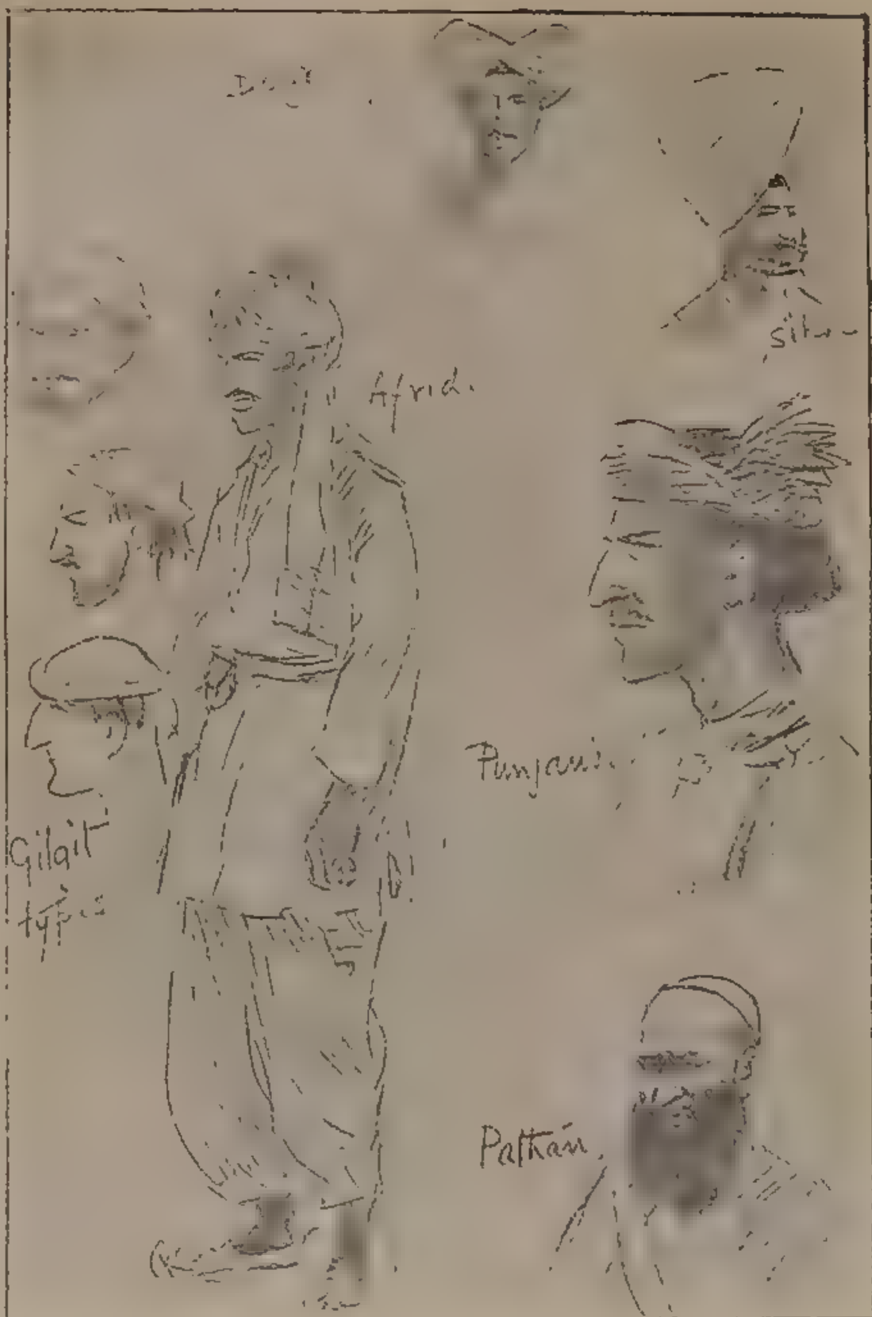
X.

Современная Индія.

Согласно послѣдней переписи (1901 г.) Индія имѣетъ 294 милліона жителей, т.-е. вдвое больше, чѣмъ Россійская имперія. Такимъ образомъ, несмотря на свою огромную величину, Индія заселена очень густо. Нѣкоторыя ея части, напримѣръ, Бенгалія принадлежатъ къ самымъ населеннымъ мѣстностямъ на земномъ шарѣ.

Въ европейскихъ государствахъ, какъ показываютъ народныя переписи, большею частью, женщины чи-

сленностью преобладаютъ надъ мужчинами. Въ Индіи замѣчается совершенно обратное явленіе — перевѣсъ на сторонѣ мужчинъ. Въ общей сложности мужчинъ на пять милліоновъ больше, чѣмъ женщинъ; но въ нѣкоторыхъ округахъ эта разница сказывается особенно рѣзко. Такъ, въ Бомбеѣ на 100 женщинъ приходится 150 мужчинъ, а въ Калькуттѣ даже 165.

Индійскіе типы.

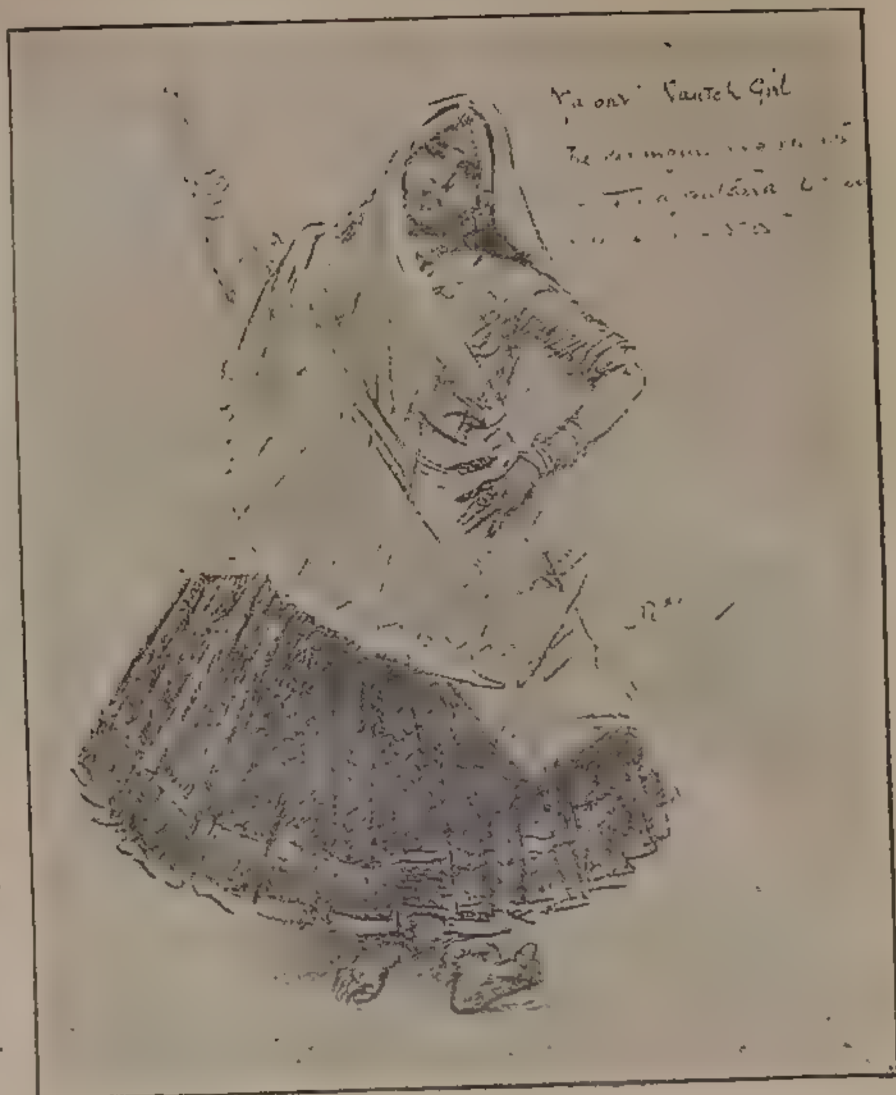
Въ теченіе своей многовѣковой исторіи Индія терпѣла нашествія и владычество иноземныхъ завоевателей, смѣнявшихъ другъ друга; поэтому населеніе ея составилось изъ самыхъ разнообразныхъ элементовъ. Въ него входятъ три главныя расы — бѣлые арійцы, желтолицые монголы и чернокожіе аборигены (коренные жители). Каждая изъ нихъ, въ свою очередь, разбивается на множество народностей. Эти народности рѣзко отличаются между собою и по внѣшности, и по языку, и по религіи, и по характеру, и по образу жизни, и по цивилизаціи. Какъ велики существующія между ними различія, можно прослѣдить хотя бы въ распредѣленіи по религіямъ.

Огромное большинство составляютъ индусы, приверженцы индуизма,—ихъ 207 милліоновъ. Но уже въ предыдущихъ главахъ было выяснено, что индуизмъ не есть что-либо однородное, а представляетъ собраніе многочисленныхъ и часто совершенно несходныхъ между собою сектъ. Второе мѣсто занимаютъ мусульмане — $62^1/_2$ милліона. Они считаютъ себя потомками древнихъ завоевателей и стараются держаться въ сторонѣ отъ индусовъ. Во многихъ городахъ даже замѣтна сильная вражда между тѣми и другими, доходящая до кровопролитныхъ столкновеній. Во времена монгольскихъ императоровъ, въ особенности при Аурензебѣ, приняты были мѣры къ тому, чтобъ усиленно обращать въ магометанство индусовъ. Большею частью индусы принимали эту вѣру только для вида, чтобъ у нихъ не отбирали имущества, а на дѣлѣ сохраняли всѣ прежніе порядки. Потомки такихъ обращенныхъ индусовъ въ сущности оставались мусульманами только по имени. Съ другой стороны, живя долго въ Индіи, пришлые мусульмане сами кое-что позаимствовали отъ индусовъ и потому разбились на отдѣльные толки. Нѣкоторые даже обра-

Отецъ съ дочерью изъ Джайпура.

зовали замкнутыя касты на подобіе индусскихъ. Буддистовъ въ Индіи теперь всего около $9^1/_2$ милліоновъ. Они живутъ почти исключительно на островѣ Цейлонѣ, гдѣ держится ученіе Малой Колесницы. Около 9 милліоновъ жителей, преимущественно полудикихъ горцевъ, еще сохраняютъ первобытныя вѣрованія въ добрыхъ и злыхъ духовъ, олицетворяющихъ собою силы природы. Христіанъ всѣхъ вѣроисповѣданій насчитывается около 3 милліоновъ, сиковъ—2 милліона, джайновъ — $1^1/_2$ милліона. Наконецъ небольшую группу, около 100 тысячъ, составляютъ *парсы*, послѣдователи древней персидской религіи Зороастра, бѣжавшіе когда-то отъ преслѣдованія магометанъ въ Индію.

Дѣвушка изъ Раджпутаны.

Нельзя не сказать хоть нѣсколько словъ объ этомъ народѣ, который славится своей промышленной и торговой дѣятельностью. Парсы расселились преимущественно въ Бомбеѣ и его окрестностяхъ. Они находятся въ дружественныхъ отношеніяхъ съ европейцами и ведутъ открытую жизнь, устраивая вечера и пріемы, на которыхъ присутствуютъ и ихъ женщины, получающія довольно хорошее образованіе. Тѣмъ не менѣе, придерживаясь старины, парсы сохраняютъ многіе обычаи своихъ предковъ (напримѣръ, никогда не стригутся и не

бреются, не курятъ, не снимаютъ шапки даже въ комнатахъ) и строго выполняютъ своеобразные погребальные обряды.

У парсовъ всѣ стихіи считаются священными. Поэтому они не хоронятъ труповъ, чтобы не осквернить земли, не сжигаютъ, чтобы не осквернить огня, не бросаютъ въ рѣку, чтобы не осквернить воды. Кладбищами у нихъ служатъ такъ называемыя «башни молчанія»,

Башня молчанія (наружный видъ).

гдѣ трупы выставляются на растерзаніе хищнымъ птицамъ. Это большія круглыя строенія безъ крыши. Наружная толстая стѣна башни дѣлается изъ очень плотнаго камня. Внутри всю площадь занимаетъ круглая платформа, выложенная большими каменными плитами. На платформѣ въ три ряда устроены ложи для покойниковъ: ближе къ стѣнѣ самыя большія для мужчинъ, въ среднемъ ряду поменьше для женщинъ и, наконецъ, самыя маленькія для дѣтей. Между ложами высѣчены желобки, по которымъ жидкость при разложеніи трупа можетъ стекать въ глубокую яму посреди башни. Эта яма выложена углемъ и толстымъ слоемъ песку, чтобы очищать жидкость, прежде чѣмъ она проникнетъ въ почву.

Надъ башней молчанія всегда стаями кружатся хищныя птицы. Когда птицы обгложутъ мясо съ трупа, для чего обыкновенно требуется не болѣе часа, и когда кости обнаженнаго скелета совершенно высохнутъ подъ жгучими лучами солнца, то ихъ бросаютъ въ яму, гдѣ онѣ мало-по-малу разсыпаются въ прахъ. Сосѣдство башенъ молчанія съ людскими поселеніями, несомнѣнно, представляетъ большой вредъ, особенно если принять во вниманіе, что въ Индіи постоянно свирѣпствуютъ повальныя болѣзни, да и вообще гніеніе и разложеніе на открытомъ воздухѣ всегда грозитъ гибельными послѣдствіями. Башни молчанія сами являются очагомъ заразы, а хищныя птицы, расклевывающія трупы, разносятъ ее кругомъ на далекое пространство.

Башня молчанія (внутренній видъ).

Индія не только во всемъ объемѣ, но даже и въ отдѣльныхъ частяхъ не отличается тѣмъ единствомъ, которое можно найти въ европейскихъ странахъ. Какая-нибудь провинція Германіи или Франціи, какая-нибудь губернія Россіи имѣетъ особенности, присущія населенію данной мѣстности. Ничего подобнаго нѣтъ въ Индіи. Она представляетъ какъ бы мозаику изъ маленькихъ пестрыхъ кусочковъ, выложенныхъ на огромномъ пространствѣ. Говорить поэтому объ индійскомъ народѣ и его свойствахъ нельзя, такъ какъ въ Индіи есть много народовъ, и каждый изъ нихъ имѣетъ свои характерныя черты. Нѣкоторые народы —

воинственные, храбрые, мужественные, другіе миролюбивые, посвятившіе себя спокойнымъ занятіямъ; одни подвижные, живые, другіе вялые, равнодушные и т. д. Нельзя не отмѣтить, однако, что индусы до сихъ поръ не утратили особенности, о которой писалъ болѣе двухъ тысячъ лѣтъ тому назадъ греческій посланникъ Мегасѳенъ. Въ обыденныхъ отношеніяхъ они отличаются замѣчательной честностью и искренностью. Торговыя сдѣлки на огромныя суммы совершаются безъ всякихъ предосторожностей, а между тѣмъ онѣ рѣдко нарушаются. Давность неизвѣстна туземцамъ, и семейства, вышедшія изъ бѣдности, не забываютъ уплачивать долги, которые были сдѣланы ихъ предками около ста лѣтъ тому назадъ и о которыхъ не сохранилось никакого слѣда, кромѣ записи въ памятной книжкѣ заимодавца. Съ такою же честностью они относятся къ чужеземнымъ господамъ, которые сами часто обнаруживаютъ къ нимъ совершенно неосновательное недовѣріе и подозрительность.

Среди огромной массы индусовъ англійскіе повелители по числу кажутся ничтожною горсточкой. Большинство изъ нихъ военные или чиновники, остальные—хозяева чайныхъ и кофейныхъ плантацій, владѣльцы пріисковъ, инженеры, механики, техники. Чернорабочихъ изъ среды англичанъ здѣсь почти нѣтъ. Поощряя ради собственной выгоды раздѣленіе своихъ подданныхъ, соотвѣтственно ступенямъ общественной лѣстницы, англичане и сами составили какъ бы отдѣльную замкнутую касту.

Есть еще разновидность индійскихъ жителей, такъ называемые евразійцы, т.-е. европейцы по отцу, азіаты—по матери. Судьба ихъ довольно печальна. Они презираютъ туземцевъ и желаютъ, чтобъ ихъ считали за бѣлыхъ. Но и туземцы и европейцы одинаково не любятъ ихъ и не желаютъ принимать ихъ въ свою среду. Такимъ образомъ они составляютъ отдѣльную касту и то не изъ почетныхъ. По внѣшнему виду евразійцы не отличаются ни силой англичанина, ни красотою индуса; въ нравственномъ отношеніи

Европейскій кварталъ въ Калькуттѣ.

они имѣютъ наклонность къ хитрости, лукавству и пронырливости, что, можетъ-быть, объясняется ихъ приниженнымъ положеніемъ.

Населеніе Индіи, по преимуществу, земледѣльческое. Вслѣдствіе этого только одна десятая часть его живетъ въ городахъ; остальные жители распредѣлены въ деревняхъ и поселкахъ.

Обыкновенно въ Индіи города по виду отличаются отъ деревень только большимъ числомъ домовъ и

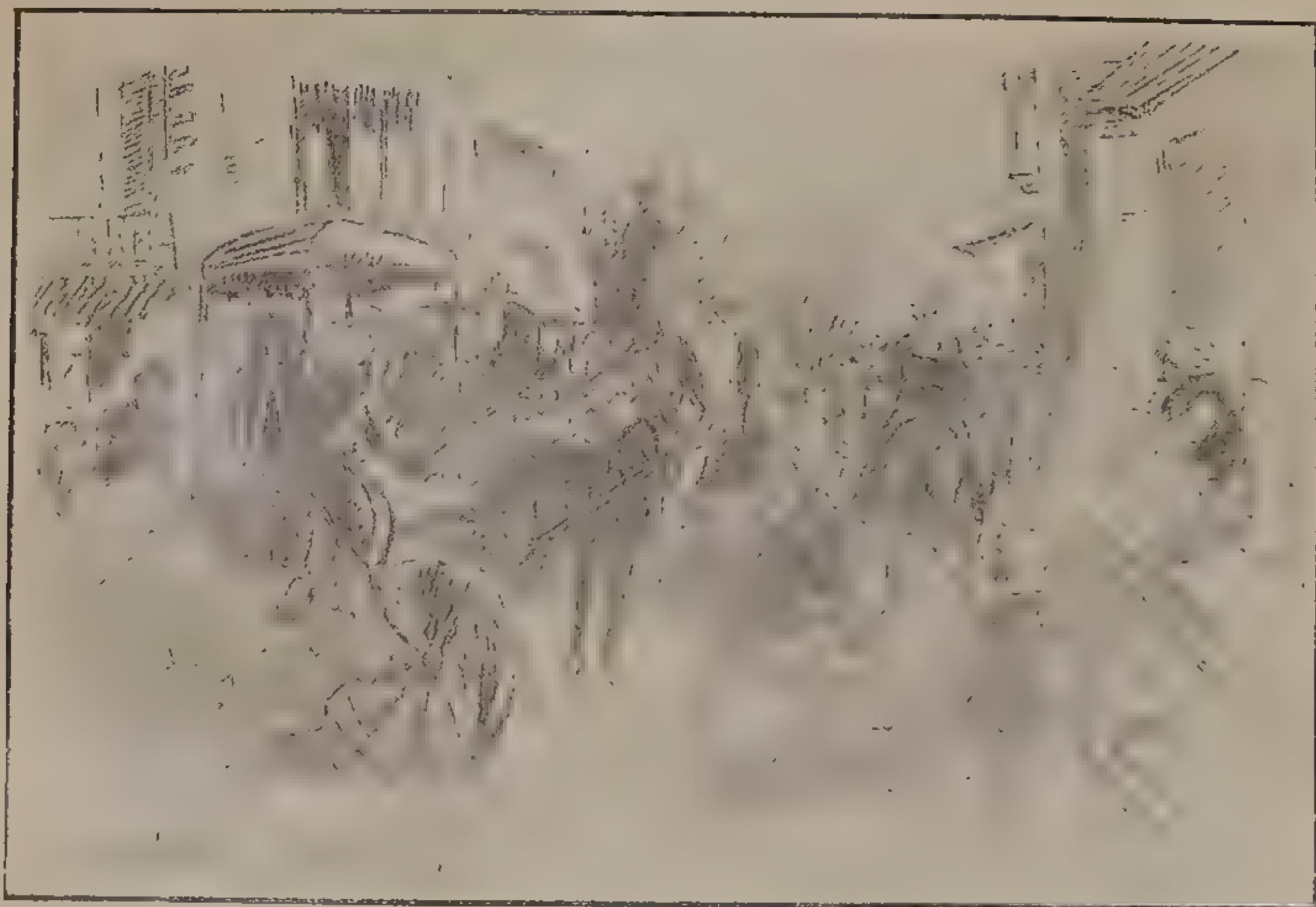

Вокзалъ въ Бомбеѣ.

жителей. Исключеніе составляетъ лишь Сѣверная Индія, гдѣ есть прекрасные многолюдные города. Они замѣчательны не только великолѣпіемъ древнихъ зданій, воздвигнутыхъ во времена монгольскихъ императоровъ, но и роскошью современныхъ построекъ. Въ городахъ, гдѣ живутъ англичане, напримѣръ, въ Калькуттѣ, Бомбеѣ и т. д., бываетъ два квартала: европейскій и туземный. Европейскій кварталъ имѣетъ широкія улицы, тѣнистые парки, бульвары, высокіе нарядные дома, большіе магазины. Благоустройство западно-европейскаго города сочетается здѣсь съ богат-

ствомъ тропической природы, а общественныя зданія напоминаютъ собою дворцы, какъ можно судить по рисунку, изображающему вокзалъ въ Бомбеѣ.

Туземные кварталы, напротивъ того, состоятъ изъ мелкихъ скученныхъ домовъ съ узкими, кривыми и грязными улицами и небольшими лавочками или лотками, гдѣ ведется продажа. Взамѣнъ просторныхъ комнатъ англійскаго дома у туземца встрѣчаются

Улица туземнаго квартала.

лишь тѣсныя низенькія комнаты съ выбѣленными стѣнами и самой незатѣйливой обстановкой.

Жители индійскихъ городовъ, какъ и европейскихъ, занимаются промышленностью и торговлей. Хотя фабрикъ въ Индіи немного, зато ремесла и кустарное производство достигли въ ней высшей степени совершенства. Люди, занимающіеся однимъ и тѣмъ же ремесломъ, обыкновенно, живутъ въ своемъ особомъ кварталѣ, такъ что для каждаго ремесла въ городѣ имѣется отдѣльная улица. Индусы работаютъ руками, не прибѣгая ни къ какимъ сложнымъ маши-

намъ, которыя теперь употребляются на фабрикахъ. Кустарь пользуется тѣми же инструментами, какъ его дѣды и прадѣды, научившіе его ремеслу, которое онъ старается усовершенствовать по мѣрѣ силъ своихъ, усматривая въ немъ наилучшее выполненіе своей нравственной или религіозной обязанности. Онъ гордится своимъ искусствомъ и относится къ нему

Омовеніе у фонтана на улицѣ.

съ благоговѣніемъ. Пальцы у индусовъ отличаются необыкновенною гибкостью, ловкостью и подвижностью, благодаря чему они прекрасно выполняють самыя тонкія работы. Объ этомъ свидѣтельствуютъ ихъ роскошныя вазы и блюда, золотыя и серебряныя кружева, ювелирныя, рѣзныя и гончарныя издѣлія, обработка драгоцѣнныхъ камней, изящные ковры, изумительныя вышивки золотомъ, шелковыя, шерстяныя и бумажныя ткани. Знаменитыя индійскія

шали такъ тонки, что сложенная шаль въ квадратную сажень величиною можетъ умѣститься въ яйцѣ не больше куринаго или пройти черезъ обручальное кольцо. Не менѣе славится индійская кисея, приготовлявшаяся въ старину подъ различными названіями: «текучая вода», «ночная роса», «движущійся воздухъ» и т. п. Легкость и прозрачность ея вошли въ поговорку. По преданію одинъ индійскій ткачъ судомъ пре-

Лавка ювелира.

слѣдовалъ пастуха за то, что его корова съѣла три штуки кисеи, разложенныя на травѣ. Пастухъ оправдывался тѣмъ, будто кисея была такъ прозрачна, что корова не могла ее отличить отъ росы, и выигралъ дѣло.

Въ послѣдніе годы англичане стали вводить въ Индіи машинное производство. Нѣтъ сомнѣнія, что со временемъ оно вытѣснитъ кустарный трудъ, который ни по быстротѣ изготовленія, ни по цѣнѣ не можетъ съ нимъ соперничать.

Въ Индіи существуютъ два вида деревень — съ общиннымъ и съ личнымъ землевладѣніемъ *). Первая имѣетъ названіе, опредѣленныя границы и иногда одинъ или нѣсколько выселковъ. Вся воздѣланная земля, а также и пустошь въ ней принадлежатъ совмѣстно односельчанамъ. Впрочемъ, теперь англичане стали вводить такой пріемъ: отъ пустоши отдѣляютъ часть, соразмѣрную съ воздѣланнымъ пространствомъ, а остальную объявляютъ собственностью государства. Деревня съ общиннымъ землевладѣніемъ управляется совѣтомъ старшинъ; если же въ ней нѣтъ выселковъ, то выбирается лишь одинъ старшина. Она платитъ правительству опредѣленный поземельный налогъ, подать, и за исправность платежа отвѣчаютъ всѣ сельчане круговою порукой. Посторонніе лица въ общину не принимаются, но сама община можетъ по своему усмотрѣнію отрѣзать участокъ земли какому-нибудь лицу, напримѣръ, брахману.

Туземная фруктовая лавка.

Въ деревнѣ съ личнымъ землевладѣніемъ каждый имѣетъ право только на свой участокъ, и хотя жители часто пользуются пустошью, но государство можетъ

*) Читатель, интересующійся индійской общиной, найдетъ превосходнѣйшее изслѣдованіе ея въ книгѣ: *Ковалевскій М. М.* Общинное землевладѣніе, причины, ходъ и послѣдствія его разложенія. М. 1879.

ее отчуждать. Такая деревня управляется старостою. Онъ собираетъ подати со всѣхъ участковъ. Каждый платитъ свою долю, а если кто-нибудь окажется несостоятельнымъ или покинетъ деревню, то другіе не несутъ за него отвѣтственности.

Кромѣ крестьянъ-собственниковъ, есть и безземельные батраки, которые нанимаются на работы. Положеніе ихъ очень тяжелое, потому что плата имъ дается очень низкая, и они еле могутъ просуществовать со своими семьями. Въ годину бѣдствій, когда начинаютъ вездѣ сокращать число рабочихъ, они первые остаются безъ куска хлѣба и дѣлаются жертвами голода или эпидемій.

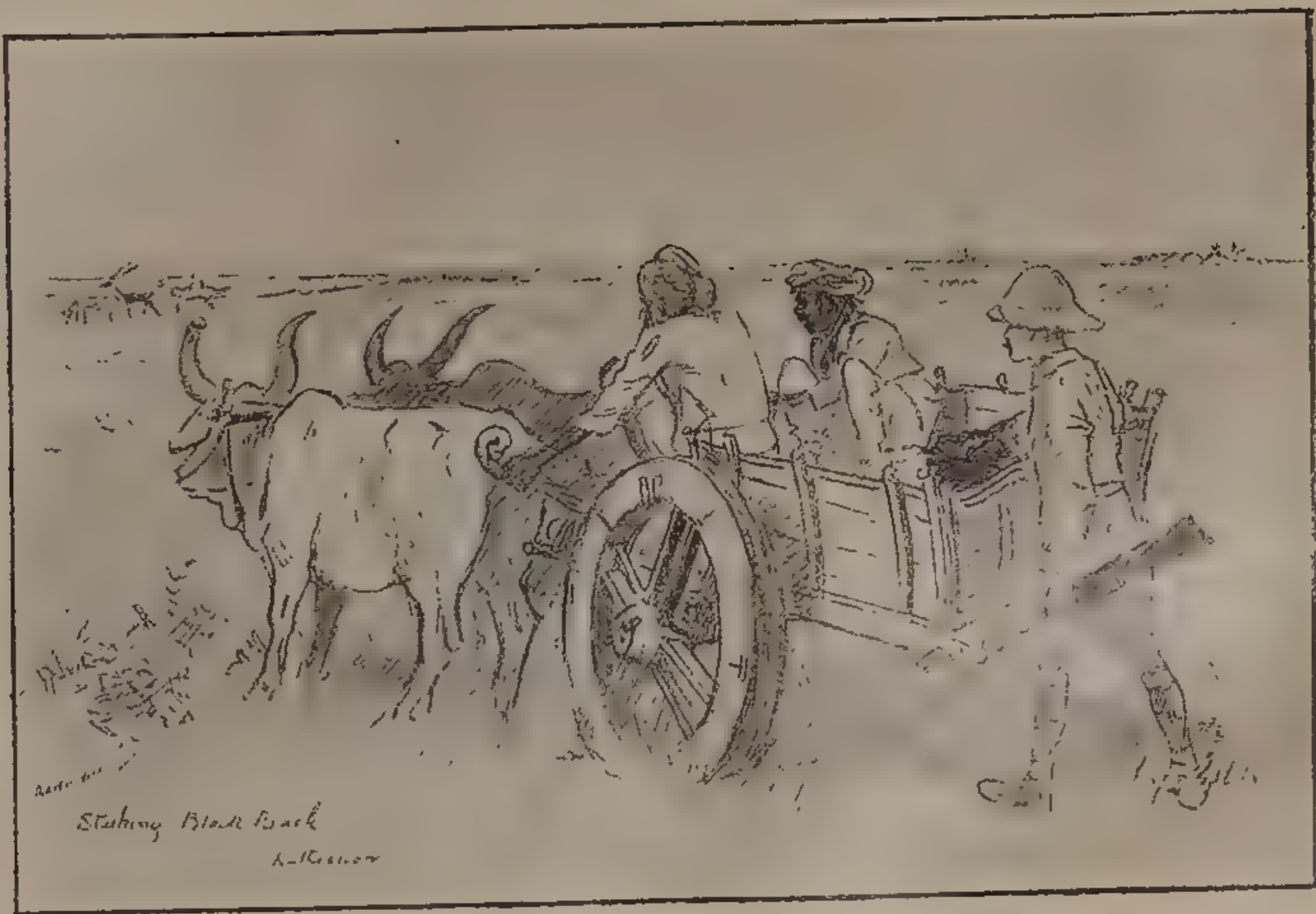

Точеніе бритвъ.

Во всякой деревнѣ, конечно, почетное мѣсто занимаетъ ея духовный глава, брахманъ, исполняющій религіозные обряды и подающій совѣты во всѣхъ свѣтскихъ дѣлахъ. Важнымъ лицомъ является также нотаріусъ, нѣчто въ родѣ нашего волостного писаря. Онъ записываетъ въ книгѣ всѣ сдѣлки и ведетъ опись участковъ, раскладку налоговъ и поступленіе доходовъ. Необходимымъ лицомъ въ деревнѣ считается также цырюльникъ. Религія обязываетъ индусовъ бриться, и для этого существуетъ особый спеціалистъ. Онъ же, какъ наши брадобреи въ старину,

да еще мѣстами и теперь, занимается лѣченіемъ, а также растираніемъ тѣла, массажемъ, который индусы очень любятъ.

Въ Индіи преобладаетъ мелкое земельное хозяйство. Вся земля раздѣлена на милліоны участковъ, въ среднемъ около двухъ десятинъ величиною. Эти участки находятся въ рукахъ владѣльцевъ или арендаторовъ, которые платятъ подати государству.

Деревенская телѣга.

Въ нѣкоторыхъ частяхъ Индіи есть богатые помѣщики, такъ называемые *земиндары*, обладающіе громадными имѣніями, которыя они обыкновенно сдаютъ въ аренду. Арендаторы разбиваютъ землю на крупные участки и ужъ отъ себя сдаютъ ихъ другимъ лицамъ; тѣ, въ свою очередь, распредѣляютъ ихъ между болѣе мелкими арендаторами, и такъ тянется непрерывная цѣпь вплоть до крестьянина *райота*, снимающаго маленькій участокъ. Такой способъ аренды вызывалъ не мало злоупотребленій со стороны собственниковъ, и въ виду этого въ 1885 году изданъ

былъ законъ, ограждающій права райотовъ. Онъ опредѣляетъ положеніе владѣльцевъ и арендаторовъ, разные способы найма земли, условія, при которыхъ арендная плата можетъ быть уменьшена или повышена, и обстоятельства, при которыхъ арендаторъ можетъ быть удаленъ съ обрабатываемаго имъ участка земли. Въ томъ же законѣ установлено наказаніе за вымогательство и незаконные поборы и правила вознагражденія за улучшеніе почвы, достигнутое арендаторомъ.

Домашніе расходы въ крестьянскомъ быту часто поглощаютъ всѣ заработки и заставляютъ входить въ долги. Семьи, обыкновенно очень большія, не въ состояніи прокормиться отъ сравнительно ничтожнаго земельнаго надѣла. Правда, почва во многихъ мѣстахъ необычайно плодородна, и обработка ея почти не требуетъ труда, но индусскій крестьянинъ къ этому относится не такъ, какъ японецъ, который изъ крошечнаго участка, благодаря своему трудолюбію, извлекаетъ рѣдкостную жатву. Напротивъ того, исключительное плодородіе почвы дѣлаетъ индуса лѣнивымъ, беззаботнымъ, неразсчетливымъ. Между тѣмъ при всей умѣренности жизни ему приходится нести непомѣрные расходы на всякія семейныя церемоніи, свадьбы, похороны, поминки, и разныя другія празднества и на путешествія къ святымъ мѣстамъ. Вслѣдствіе неурожаевъ отъ засухи приходится прибѣгать къ займу денегъ для пропитанія себя и своего семейства и на сѣмена для новыхъ посѣвовъ. Потеря рабочаго скота, какъ и въ нашихъ деревняхъ, ставитъ крестьянина въ очень тяжелое положеніе. Всѣ эти обстоятельства и служатъ главными причинами займовъ, разоренія и общей задолженности сельскаго населенія въ Индіи. А въ деревняхъ есть свои ростовщики, міроѣды, которые, пользуясь тяжелымъ положеніемъ народа, обираютъ его.

Впрочемъ, не блестящее положеніе занимаютъ и помѣщики, у которыхъ постоянные займы переходятъ въ неоплатные долги. Они сами не ведутъ хозяйства,

а живутъ широко, не соразмѣряя расходовъ со средствами, и изъ тщеславія сорятъ деньгами на празднества, церемоніи, гостепріимство. Все это вмѣстѣ постепенно приводитъ ихъ къ разоренію.

Въ Индіи обыкновенно снимаютъ двѣ жатвы, и обѣ онѣ стоятъ въ тѣсной зависимости отъ муссоновъ. Послѣ муссона нѣсколько мѣсяцевъ держится такая температура, какъ въ нашихъ умѣренныхъ странахъ весною; поэтому въ періодъ отъ октября до апрѣля здѣсь созрѣваютъ хлѣба, растущіе въ умѣренной полосѣ, а лѣтомъ, когда стоитъ сильная жара, плоды даютъ южныя тропическія растенія. Вслѣдствіе этого въ Индіи существуетъ такое разнообразіе въ земледѣльческихъ продуктахъ, какого нельзя встрѣтить нигдѣ въ Европѣ.

Въ Сѣверной Индіи больше всего воздѣлываютъ пшеницу и ячмень, на влажныхъ низинахъ—рисъ и сахарный тростникъ; по склонамъ горъ устраиваютъ чайныя и кофейныя плантаціи. Въ другихъ мѣстахъ засѣваютъ просо, кукурузу, табакъ, горчицу, макъ (для выдѣлки опіума) и индиго, разводятъ хинное дерево, всевозможные овощи, а также разныя прядильныя растенія—джутъ, ленъ, хлопокъ и т. д. Англичане учредили въ Индіи министерство земледѣлія, которое слѣдитъ за развитіемъ сельскаго хозяйства въ странѣ и принимаетъ многія мѣры къ улучшенію земледѣльческой промышленности.

Большое бѣдствіе для индійскихъ земледѣльцевъ представляютъ неурожаи, вызванные засухой. Неурожаи и связанныя съ ними голодовки существовали уже издавна, но болѣе подробныя свѣдѣнія о нихъ сохранились только съ восемнадцатаго вѣка. Они обходили всю страну, поражая то одну, то другую мѣстность. Исключенія не составляла даже необычайно плодородная Бенгалія. Одна изъ голодовокъ, разыгравшаяся въ ней въ 1770 году, была поистинѣ ужасна. Около трети населенія вымерло отъ голода. Обширная область обезлюдѣла и превратилась въ пустыню. Деревни и дороги заросли кустарникомъ, лѣсомъ и тра-

вою. Хищные звѣри—медвѣди, тигры и слоны—стали выходить изъ чащи и бродить по селеніямъ, наводя ужасъ на уцѣлѣвшихъ жителей. Слоны уничтожали постройки, доставали изъ хранилищъ — громадныхъ глиняныхъ сосудовъ, врытыхъ въ землю, спрятанный тамъ хлѣбъ и пожирали его. Отъ набѣговъ этихъ хищ-

Группа голодающихъ.

никовъ люди вынуждены были спасаться на деревья и устраивать себѣ тамъ временное помѣщеніе. Вдобавокъ появились разбойничьи шайки, грабившія деревни и небольшіе города. Для борьбы съ ними пришлось посылать войска. Голодовка длилась около года, но Бенгалія потомъ болѣе тридцати лѣтъ не могла оправиться отъ пережитыхъ бѣдствій. Громадныя пространства земли оставались невоздѣланными,

такъ какъ некому было ихъ обрабатывать. Дѣло въ томъ, что во время голода больше всего погибали дѣти и юноши, и на смѣну старѣющимся и вымирающимъ работникамъ не осталось молодежи. Между тѣмъ правительство требовало уплаты податей, а жители Бенгаліи, даже самые богатые, были разорены и не могли внести налоговъ. Ихъ за это сажали въ тюрьмы, и почти всѣ мѣста заключенія наполнены были такими неисправными плательщиками.

Объ руку съ голодовкой идутъ обыкновенно повальныя болѣзни. Онѣ легко развиваются, такъ какъ этому способствуетъ обиліе труповъ, которыхъ не успѣваютъ своевременно убирать и, кромѣ того, люди, истощенные голодомъ, становятся воспріимчивѣе ко всякимъ заболѣваніямъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ англичане господствуютъ въ Индіи, они стали изслѣдовать причины голодовокъ для того, чтобы выработать болѣе успѣшныя мѣры борьбы съ ними. Съ одной стороны, необходимо предотвратить неурожаи, а съ другой—оградить людей отъ ихъ ужасающихъ послѣдствій. Такъ какъ неурожаи вызываются засухой и недостаткомъ влаги, то для предупрежденія ихъ приходится заводить искусственное орошеніе, рыть каналы, по которымъ вода доставляется на поля изъ рѣкъ и озеръ.

Чтобы непосредственно помочь населенію той мѣстности, которую постигаетъ неурожай, устраиваются запасные хлѣбные магазины, изъ которыхъ въ случаѣ недорода раздается зерно какъ для пропитанія, такъ и для новыхъ посѣвовъ. Затѣмъ организуются общественныя работы—постройка желѣзныхъ дорогъ и мостовъ, прорытіе каналовъ и т. п., которыя даютъ возможность пострадавшимъ жителямъ получать средства къ существованію, выполняя дѣло, полезное всей странѣ. Въ Индіи огромное большинство, почти двѣ трети жителей, кормится отъ земли; а такъ какъ тамъ сравнительно мало фабрикъ, рудниковъ и заводовъ, то въ случаѣ недорода они не могутъ разсчитывать на заработокъ въ производствахъ, и потому обще-

ственныя работы и съ этой стороны имѣютъ для нихъ важное значеніе.

Отдѣльные кружки и частныя лица обыкновенно устраиваютъ столовыя и пріюты на время голодовки. А чтобы населеніе неурожайной мѣстности могло оправиться отъ бѣдствія, правительство дѣлаетъ отсрочки и льготы по уплатѣ податей и выдаетъ ссуды для поддержанія хозяйства.

Все это, конечно, имѣетъ немаловажное значеніе, но еще далеко недостаточно для борьбы съ тяжкими послѣдствіями неурожаевъ. Чтобы ихъ устранить, нужны разнообразныя мѣры, способствующія развитію промышленности, торговли, общаго и техническаго образованія, накопленію и сбереженію богатствъ въ странѣ и т. д. Однимъ словомъ, для побѣды надъ грубыми силами природы Индія должна подняться въ культурномъ и экономическомъ отношеніяхъ, а къ этому въ свою очередь можетъ повести лишь болѣе совершенный государственный строй. Неурожаи и голодовки бываютъ во всемъ мірѣ, но въ передовыхъ культурныхъ странахъ они не сопровождаются человѣческими жертвами и не причиняютъ такихъ ужасныхъ бѣдствій.

Однимъ изъ главныхъ условій для поднятія культуры является распространеніе просвѣщенія въ странѣ. Надо отдать справедливость англичанамъ, что за послѣднее пятидесятилѣтіе они открыли десятки тысячъ народныхъ школъ, цѣлый рядъ среднихъ учебныхъ заведеній, коллегій для мусульманъ и для индусовъ, учительскихъ семинарій для приготовленія всякаго рода преподавателей и пять университетовъ. До англійскаго владычества въ Индіи существовали туземныя школы, но индусскія устроены были для изученія философіи, а мусульманскія носили религіозный характеръ; поэтому общаго образованія онѣ народу не давали. Наиболѣе просвѣщеннымъ было населеніе Бирманіи, гдѣ держались буддійскія школы. У индусовъ образованіе сосредоточивалось среди брахмановъ, а остальное населеніе коснѣло въ невѣжествѣ.

Англичане стали заботиться о распространеніи начальнаго образованія, а также практическихъ и полезныхъ знаній въ народной массѣ. Въ низшихъ школахъ преподаваніе происходитъ на туземныхъ нарѣчіяхъ, въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ—на англійскомъ языкѣ. Для того, чтобъ поощрять ученіе, неимущихъ принимаютъ на казенный счетъ и выдаютъ имъ пособія. Въ 1858 году, когда Индія перешла къ Британскому правительству, въ ней было только 2000 устроенныхъ англичанами начальныхъ школъ съ 200.000 учениковъ, а въ 1901 г. уже насчитывалось 147.000 школъ, и въ нихъ обучалось 4.400.000 учениковъ. Такимъ образомъ за промежутокъ около полувѣка число школъ увеличилось въ семьдесятъ разъ, а число учащихся въ 22 раза. Если принять во вниманіе, что распространенію образованія сильно препятствуютъ кастовые предразсудки и разнообразіе нарѣчій, на которыхъ говоритъ населеніе Индіи, то и этотъ успѣхъ ужъ долженъ считаться значительнымъ. Но все-таки онъ является лишь каплей свѣта въ огромномъ морѣ невѣжества. Перепись 1901 года показала, что въ Индіи на сто мужчинъ приходится только десять грамотныхъ, а на сто женщинъ—одна грамотная.

Большое вниманіе обращено на подготовку инженеровъ и врачей. Въ Индіи устроено около 1700 госпиталей и больницъ, въ которыхъ ежегодно лѣчится болѣе одиннадцати милліоновъ людей. Здѣсь служатъ не только англійскіе, но и туземные врачи, получившіе образованіе въ индійскихъ университетахъ. Туземцы проявляютъ особую склонность къ занятіямъ медициной, и многіе изъ нихъ выходятъ очень дѣльными и искусными врачами. Врачебная помощь необходима въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, такъ какъ Индія является родиной многихъ страшныхъ болѣзней. Около устьевъ рѣкъ не переводятся убійственныя болотныя лихорадки. Оспа и проказа ежегодно поражаютъ не мало жертвъ. Азіатская холера и чума вспыхиваютъ то въ одномъ, то въ другомъ

Предохранительныя холерныя прививки въ Калькуттѣ. (Съ фотографіи, привезенной изъ Индіи проф. В. М. Хавкинымъ).

мѣстѣ, расчищая себѣ дорогу, чтобы перейти въ другія страны и тамъ продолжать свои опустошенія. Распространенію повальныхъ болѣзней способствуетъ не только нездоровый климатъ нѣкоторыхъ мѣстностей, но также скученность населенія, его бѣдность и невѣжественность.

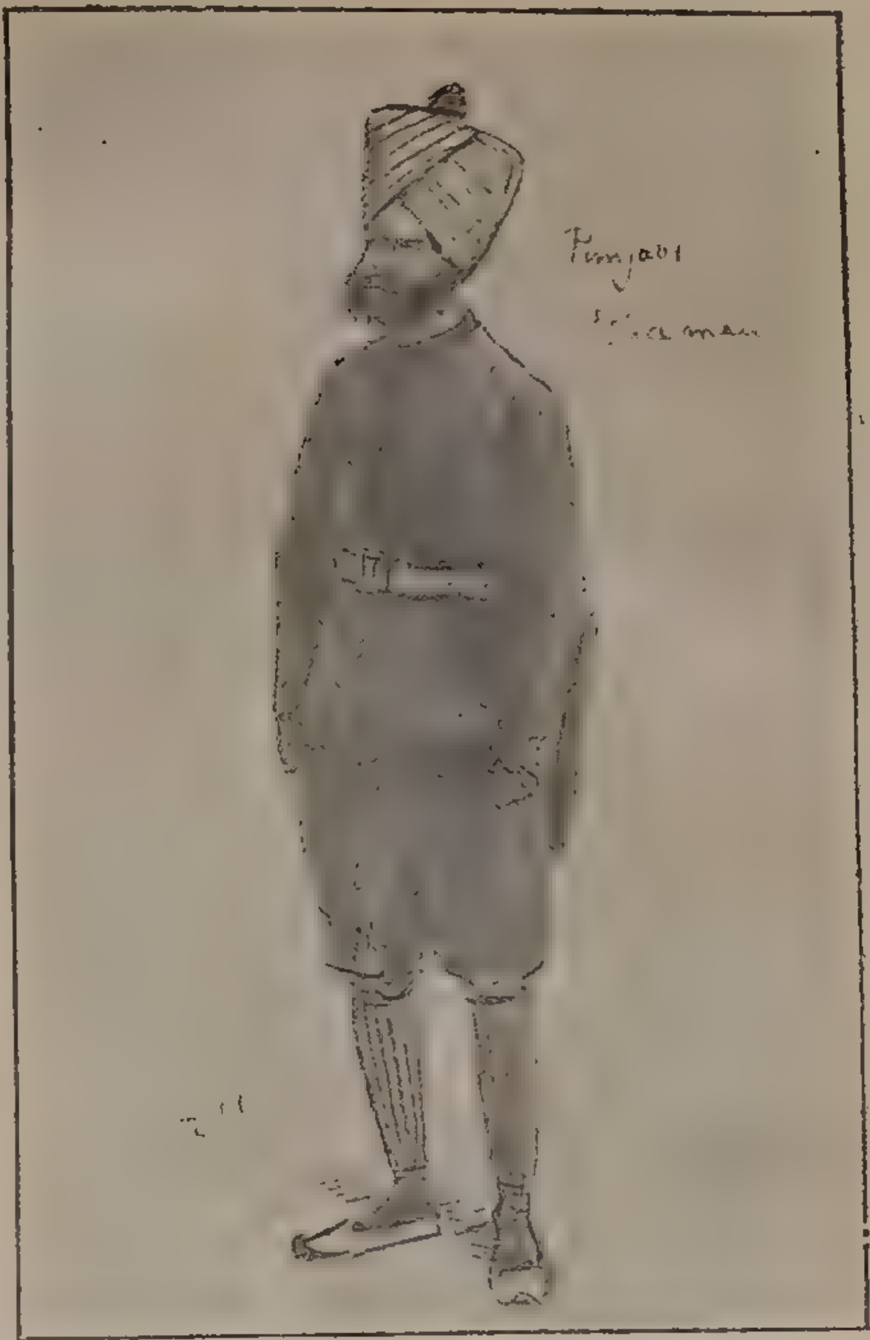
Врачи пробуютъ бороться съ эпидеміями посредствомъ предохранительныхъ и лѣчебныхъ прививокъ. Въ Индіи въ нѣсколькихъ пунктахъ устроены громадныя лабораторіи, гдѣ приготовляется сыворотка для прививокъ противъ чумы, холеры и т. д. Въ арміи эти прививки производятся уже повсемѣстно; но низшіе и бѣднѣйшіе слои населенія, среди которыхъ бываетъ больше всего заболѣваній, а особенно деревенскіе жители еще относятся къ нимъ съ суевѣрнымъ страхомъ, не понимая ихъ значенія и пользы. Вѣроятно, пройдетъ еще не мало времени, пока темный народъ избавится отъ своихъ предразсудковъ и самъ станетъ оказывать содѣйствіе въ борьбѣ съ эпидеміями.

Старинная почта.

Большое благодѣяніе сдѣлали англійскія женщины для своихъ индусскихъ сестеръ, которыя совершенно лишены были медицинской помощи. На женскую половину мужчины-врачи не допускались, а невѣжественныя бабки, знахарки и шептухи, которыхъ призывали къ больнымъ, только причиняли имъ страшный вредъ

и часто доводили ихъ до гибели. Теперь устроены особыя больницы, находящіяся въ завѣдываніи женщинъ-врачей, и весь персоналъ ихъ — фельдшерицы, сидѣлки, акушерки — состоитъ изъ женщинъ. Такимъ образомъ туземки получили медицинскій уходъ, который составляетъ насущную необходимость для поддержанія здоровья и жизни.

Полицейскій въ Пенджабѣ.

Распространеніе образованія вызвало появленіе туземной литературы по образцу европейской, именно газетъ и журналовъ, знакомящихъ народъ съ положеніемъ страны. Такихъ газетъ въ настоящее время издается около пятисотъ. Хотя число образованныхъ людей еще не велико, но оно растетъ съ каждымъ годомъ. Просвѣщенные индусы сами осуждаютъ кастовую систему и, напоминая о древнихъ временахъ, «когда всѣ были брахманами», повторяютъ стихи своихъ поэтовъ, возстававшихъ противъ неравенства людей: «Развѣ дождь не падаетъ на всѣхъ одинаково? Развѣ вѣтеръ не дуетъ равно на каждаго изъ насъ? Развѣ обширная земля говоритъ кому-нибудь: — я не хочу носить тебя?»

Время отъ времени образованные индусы устраиваютъ съѣзды и конгрессы, на которыхъ обсуждаютъ нужды Индіи и ея населенія. Правда, кромѣ обмѣна мнѣній, эти съѣзды пока ни къ чему не привели и не вызвали какихъ-нибудь существенныхъ улучшеній, но индусы полагаютъ, что ихъ трудъ не пропадетъ даромъ. Разъѣхавшись по своимъ отдаленнымъ мѣстностямъ, они познакомятъ другихъ съ тѣми взглядами, которые были высказаны лучшими людьми страны, и мало-по-малу эти мнѣнія войдутъ въ народное сознаніе; а когда народъ пойметъ свое положеніе, тогда самъ постарается его измѣнить.

Кавалеристъ-индусъ.

Англичане, утвердивъ свое владычество въ Индіи, укрѣпили ея границы и завели армію. До возстанія и послѣдовавшихъ за нимъ реформъ управленія въ арміи было 250.000 человѣкъ, при чемъ европейцы составляли только одну шестую ея часть. Послѣ этихъ событій составъ арміи былъ измѣненъ такъ, чтобъ европейцевъ приходилось не менѣе трети. Прежде солдаты исполняли и полицейскія обязан-

ности. Теперь численность арміи уменьшена до 220.000 человѣкъ, зато заведена особая полиція: городская до 170.000 человѣкъ и сельская до 700.000 человѣкъ.

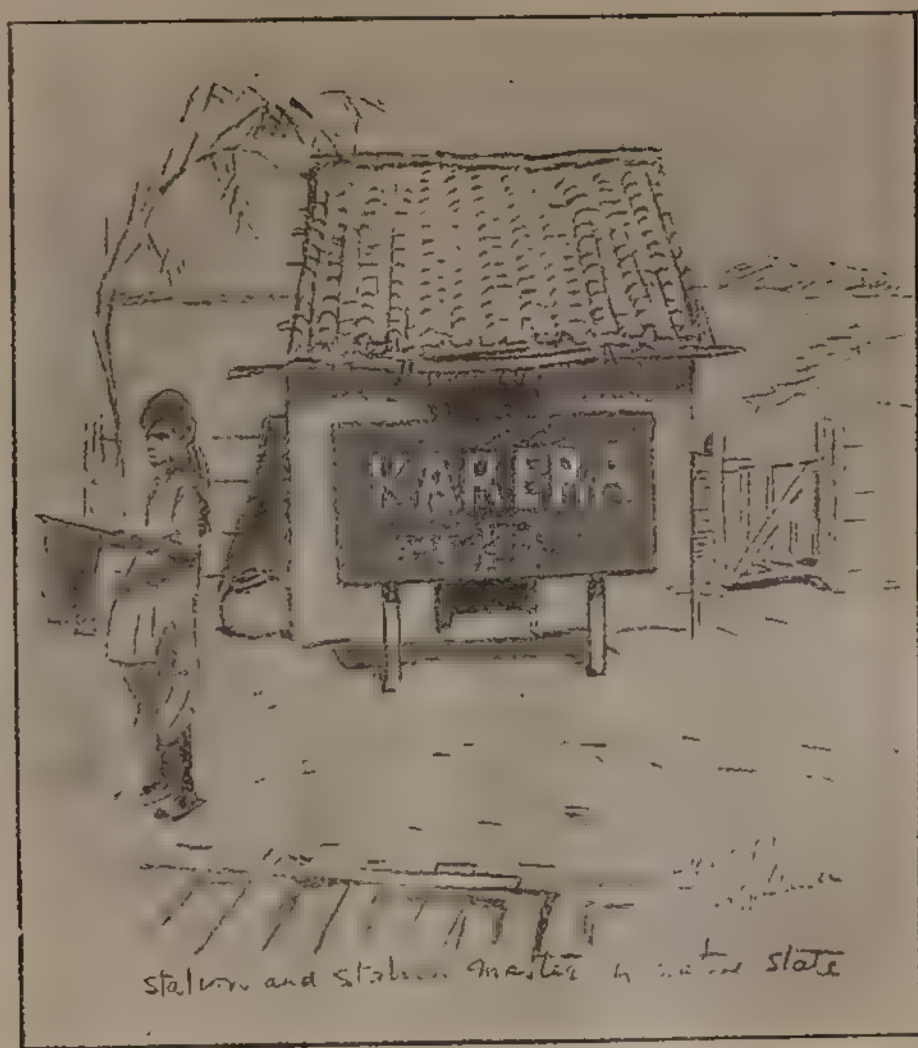
Нѣтъ сомнѣнія, что англичане ввели не мало полезныхъ реформъ. Подъ ихъ вліяніемъ отмѣнено было рабство и крѣпостная зависимость, упразднены многіе варварскіе туземные обычаи, какъ сожженіе вдовъ, человѣческія жертвоприношенія и т. д. Они покрыли

На желѣзной дорогѣ.

Индію сѣтью желѣзныхъ и шоссейныхъ дорогъ, и ни одна изъ азіатскихъ странъ не имѣетъ такихъ удобныхъ и дешевыхъ путей сообщенія, а хорошіе пути сообщенія очень важны для государства, чтобы сблизить его отдѣльныя части между собою и содѣйствовать распространенію торговли, промышленности и культуры. Въ 1901 году индійскія желѣзныя дороги занимали протяженіе около 50.000 верстъ. Прекрасные оросительные каналы имѣютъ около 85.000 верстъ въ длину. На желѣзныя дороги и каналы британское правитель-

ство затратило уже болѣе трехъ милліардовъ рублей. Кромѣ того, англичане устроили почты, замѣнившія прежнихъ скороходовъ —почтарей, телеграфы, учебныя заведенія, больницы и другія общеполезныя учрежденія. Однако, хотя налоги подъ британскимъ управленіемъ несравненно меньше и распредѣлены разумнѣе, чѣмъ во времена монгольскаго ига, но все-таки тягостны и

Желѣзнодорожная станція и ея начальникъ въ туземномъ государствѣ.

разорительны для населенія. Затѣмъ англо-индійское правительство, какъ наслѣдникъ Остъ-Индской компаніи, сохранило для себя нѣкоторыя торговыя преимущества. Казна пользуется исключительнымъ правомъ торговать въ имперіи солью и опіумомъ, а это ей приноситъ сотни милліоновъ дохода. Въ то же время она владѣетъ богатѣйшими каменно-угольными копями по сосѣдству съ желѣзными дорогами Бенгаліи и мо-

жетъ продавать уголь по болѣе дешевой цѣнѣ, чѣмъ частныя компаніи.

Хотя англичане и являются носителями культуры, но населеніе Индіи чувствуетъ ихъ гнетъ, какъ гнетъ всякаго чужеземнаго властелина, кто бы онъ ни былъ. Завоеватели не слились съ завоеванными и не приблизили ихъ къ себѣ, несмотря даже на свою вѣротерпимость и уваженіе къ народнымъ обычаямъ; и между ними осталась рознь. Недаромъ мѣстная поговорка гласитъ, что «британецъ и туземецъ такъ же несоединимы, какъ вода съ масломъ». Однако, европейская культура уже начала оказывать свое дѣйствіе. Быть-можетъ, придетъ пора, когда подъ ея вліяніемъ разсѣется мракъ невѣжества, суевѣрія и предразсудковъ, еще окутывающій густою пеленою народныя массы, и тогда Индія воспрянетъ къ новой жизни.

Маленькая станція въ англійскихъ владѣніяхъ.

Конецъ.

Перечень рисунковъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

БРИТАНСКАЯ ИНДІЯ
Россія
Персія
Тибетъ
Аравійское море
Бенгальскій заливъ
Бомбей
Мадрасъ
Калькутта
Дели
Агра
Бенаресъ
Патна
Гайдерабадъ
О Цейлонъ
Коломбо

ПОПРАВКИ.

Стр.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ.*
9	Подпись подъ рисункомъ	Дорога изъ Тибета долиною Сетледжа	Въ Гималаяхъ
14	12 снизу	она	онѣ
15	Подъ рисункомъ	Мостъ на притокѣ Ранджитъ	Верховье рѣки
19	„	Джиламскій мостъ въ Сринагарѣ	Низовье рѣки
32	1 сверху	возвышеніе	возвышенностей
33	5 „	наступаетъ	начинается
54	3 „	отказать	отказывать
57	18 снизу	относился	относится
76	1 сверху	нетолько	не только
—	15 снизу	головою	головами
77	Послѣ примѣчанія добавить		Переводъ Федорова съ предисловіемъ и примѣчаніями акад. С. Ѳ. Ольденбурга и интересными иллюстраціями уже вышелъ во время печатанія „Индія" въ изданіи „Свѣточъ". Спб. 1907.
85	14 снизу	*спасеніе.*	*спасеніе*".
107	Подъ рисункомъ	уголъ	уголокъ.
119	3 сверху	Одпѣ	Онѣ
130	2 „	задѣльную	сдѣльную
167	3 „	только	лишь
173	15 „	со	послѣ
—	21 „	по-прежнему	однако по прежнему
175	1 снизу	VI	VI.
188	6 сверху	или	и
205	2 „	компаніи.	компаніи. Эти монополіи неблагопріятно отражаются на общей торговлѣ страны.
206	8 снизу	Мадроса	Мадраса.

Изданіе Т-ва И. Д. Сытина.

Цѣна 80 коп.